

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Необычная история

Владимир Нестерцов

**БАГАЖ
ИМПЕРАТОРА**

КНИГА ПЕРВАЯ

16+

Владимир Дмитриевич Нестерцов

Багаж императора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328081

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман посвящен тайне императорского багажа Николая II, находящегося в настоящее время в Англии, а также мистической роли Янтарной комнаты в этом процессе. Роман состоит из трех книг. Первая книга: «Необычная история».

Владимир Нестерцов «Багаж императора»

*Лучшие всего деньги, добытые собственным трудом,
хуже – добытые по наследству,
еще хуже – от брата.*

Народная мудрость

Лучи утреннего парижского солнца игриво заглядывали в окна дома № 57 по улице Ля Боеси. Даниэль Вильденштайн как обычно проснулся рано, внизу в столовой уже был готов привычный для него завтрак. Утро было наполнено запахом свежесваренного кофе, который он так любил.

Он спустился вниз, позавтракал, просмотрел газету «Ля Фигаро» и отправился в свой кабинет, где его уже ждал личный секретарь Жан Готье.

– Доброе утро, месье Даниэль, – поприветствовал его секретарь. – Вчера вечером доставили экземпляры вашей книги, и так как вы не будете присутствовать лично на ее презентации, издатели попросили Вас на нескольких из них поставить ваш автограф.

– Хорошо, Жан, когда закончу, я позову вас, сейчас вы пока можете быть свободны. Потом мы обговорим все сегодняшние дела.

Секретарь вышел из кабинета и плотно закрыл за собой

дверь.

Месяе Вильденштайн подошел к столу и взял в руки один из экземпляров своей книги «Торговцы искусством», просмотрел ее и снова положил на стол. Он сел в свое рабочее кресло и погрузился в воспоминания, которые легли на страницы его книги.

Конечно, воспоминания касались прежде всего членов его семьи, начиная с Натана Вильденштайна, основателя династии антикваров, к которой принадлежал и Даниэль уже в пятом поколении. Но был еще один интересный эпизод из жизни самого Даниэля, который не давал ему покоя долгие годы.

Он вспоминал конец 1970-х годов, когда ему представился счастливейший случай побывать в летней резиденции английской королевской семьи в Шотландии, замке Бельмораль. Резиденцию ему показывал лично сам наследный принц Чарльз. Замок был великолепен, в нем было огромное количество произведений искусства, да и он сам был произведением искусства. Но самым интересным, как потом оказалось, было посещение подвалов замка. Еще тогда он понял, что невольно прикоснулся к тайнам английского двора, так как в одном из подвалов он заметил огромные ящики, покрытые внушительным слоем пыли и паутины.

– Что это? – спросил он.

– Сокровища русского царя Николая II, – нехотя ответил принц.

– Что, того самого? – не унимался антиквар.

– Да, они прибыли сюда в начале 1917 года, – ответил принц. – Здесь, я полагаю, около 150 ящичков, на каждом из них надпись «Собственность Его Императорского Величества Николая II».

Заглянуть в ящики этого загадочного багажа антиквару не позволили. Но уже тогда они поразили его воображение, и по дороге из Бельморала, голову Даниэля сверлил только один вопрос: «Что же в этих ящиках?»

Уже вернувшись в Париж, он вспомнил, что тогда, в 1917 году, король Англии Георг V отказал в убежище своему двоюродному брату Николаю II после его отречения от престола. Это был исторический факт, о котором все знали. Но никто не догадывался о том, что причиной отказа, возможно, стало именно прибытие багажа императора Николая II в Англию.

Много лет подряд, после той встречи с принцем мысль о багаже императора не давала покоя Даниэлю. После распада СССР он надеялся, что представители английской короны передадут содержимое ящичков России. Он ошибся.

Но ответ на свой вопрос, что же в ящиках, Даниэль все-таки получил.

Сенсацией конца 20-го века стало появление на аукционе «Сотбис» в Лондоне яиц Фаберже, которые принадлежали в свое время царской семье, а также диадемы русской императрицы Александры Федоровны, которая «вдруг» оказалась на голове английской королевы Елизаветы во время ее тра-

диционных тронных выходов. Все эти изделия, как писали тогда газеты, были личной собственностью членов царской семьи и никем, кроме них, не могли быть вывезены за рубеж.

Тогда Даниэль понял, что это – сокровища из царского багажа, который он видел в Бельморале в далекие 70-е. Эти известия отчасти и подтолкнули его написать свою книгу, в которую он и вставил этот таинственный эпизод из своей жизни.

«Да, царские бриллианты приняли... семью нет», – с грустью подумал антиквар и, открыв первый экземпляр книги, поставил свой автограф...

Книга первая «Начало»

Ротмистр

Телефонный звонок разбудил меня под утро. Барышня-телефонистка ласковым тоном пропищала в трубку о добром утре и соединила меня с абонентом. Негромкий, вкрадчивый голос ротмистра Каверина выбил из меня остатки сна.

– Владимир, – сказал он без предисловия, – нам необходимо срочно встретиться. Приезжайте в ресторан «Англетер» прямо сейчас. Есть дело, не терпящее отлагательств. Это был пароль, обозначающий место встречи.

– Хорошо, – ответил я, – буду на месте примерно через

час, – и положил трубку.

Быстро умывшись холодной водой и приведя себя в порядок, я выскочил на улицу. В это раннее утро дождик только собирался выбросить свой «десант» на питерские улицы. Поэтому было прохладно и пасмурно, хотя солнышко иногда подмигивало из-за туч, отливающих свинцом.

«Да, хорошая будет сегодня погода», – подумал я и принялся высматривать извозчика. Редкие ранние прохожие быстро проскакивали мимо, испуганно прижимаясь к стенкам домов и старательно обходя подворотни. Выстрелов не было слышно, но в общем покое ощущалась какая-то полутревожная тишина, нарушаемая лишь топотом прохожих и гулом каких-то отдаленных и непонятных действий. С извозчиками была проблема. Они тоже в эти сложные для всех дни 1917 года оказались в тисках тех непонятных пока событий, которые стремительно разворачивались на улицах Петрограда. Одни были мобилизованы, другие работали вполсилы, третьи вообще уехали из города, бросив на произвол судьбы свое доходное дело. И клиентов стало меньше: буржуа, купечество, чиновничество затаились, а на улицы выплеснулась вооруженная толпа, одетая в военную форму, что придавало ей уверенности и вседозволенности. Отсюда и выстрелы и днем, и ночью, и вооруженные дежурные в подворотнях для охраны домов от бандитов.

В Петроград я прибыл вчера вечером. И хотя был в курсе происходящих здесь событий, тем не менее, действитель-

ность оказалась еще более ужасной. Я успел только доложить по телефону своему начальству о прибытии и выполнении задания и сразу бросился на кровать. Поэтому столь ранний звонок и тон ротмистра свидетельствовали об очень серьезных событиях, которые произошли в мое отсутствие и в которых, по его замыслу, мне отводилась определенная роль. Я терялся в догадках: что же произошло, что заставило моего начальника назначить встречу не в департаменте, а на конспиративной квартире?

Эти мысли занимали меня, пока я пытался выловить извозчика. Добираться пешком на Васильевский остров было долго и проблематично. Наконец послышался цокот копыт, и из-за поворота показалась коляска. Я призывно махнул рукой, и извозчик плавно остановился передо мною.

– Чего изволите, барин? – спросил он густым басом.

– На Васильевский, – ответил я.

– Дык чичас туды сложно, барин. Пять целковых будет, – и хитро посмотрел на меня.

– Что-то дороговато, – удивился я.

– Да ить по нонешним временам и это за так. То стреляют, то отымают, то реквизируют, туды их в качель. Совсем життя нету, – и в сердцах сплюнул.

– Ладно, – сказал я и запрыгнул в коляску, – гони.

Он дернул вожжами, и коляска, мягко покачиваясь на рессорах, понесла нас вперед. Солнце начало все чаще показываться из-за туч, окрашивая в теплые тона то верхушки до-

мов, то мостовую, по которой мы мчались. Все чаще стали попадаться прохожие, которые изредка бросали боязливые взгляды на летевший по мостовой экипаж, словно предчувствуя что-то неожиданное с его стороны. Убаюканный мерным топотом копыт, я позволил себе немножко расслабиться, вернувшись к тем мыслям, которые не давали мне покоя после звонка ротмистра.

Проскочив множество переулков и мостов, которые были уже сведены, мы вскоре прибыли на место. Расплатившись с извозчиком за несколько домов от нужного мне места, я пешком через дворы и проулки добрался до намеченного подъезда. Это было, в общем, несложно, так как прохожие уже буйной рекою заполнили ранее безлюдные улицы города, всем своим видом показывая сложность переживаемых страной проблем. Все-таки шла война – война, которая стала барьером на пути многих судеб, сломала и исковеркала многие жизни, отбросила общество вниз на первые ступени той лестницы, о вершинах которой каждый мечтал всю жизнь. На улице в основном пребывала серо-шинельная масса, которая галдела, бряцала оружием, курила махорку и лузгала семечки, косо поглядывая на офицеров и опрятно одетых горожан. Смешавшись с этой толпой и не привлекая к себе внимания, я достиг нужного места. Оглядевшись перед подъездом на куполообразный вход во двор и серые громадины домов, возвышающихся в этом каменном колодце, и не заметив ничего подозрительного, я проскользнул в подь-

езд. Поднявшись на третий этаж, я прислушался и позвонил условным кодом. Дверь открылась почти сразу. В полумраке прихожей передо мною стоял мой начальник. Одной рукой он придерживал дверь, другой сжимал в кармане пиджака рукоятку револьвера. Увидев меня, он отступил на шаг, пропуская меня вовнутрь.

– Доброе утро, господин ротмистр, – поприветствовал его я.

– Доброе, да не очень, – буркнул он, закрывая дверь и давая мне возможность пройти в освещенную гостиную. – Располагайтесь, – и приглашающим жестом он указал на кресла, стоящие в углу большой комнаты.

Опустившись в кресло рядом со мною, он достал серебряный портсигар с родовым вензелем на крышке, открыл его, вынул папиросу и элегантно прикурил ее. Дым медленно поплыл вверх, наполняя ароматом крепкого турецкого табака всю комнату. Я сидел, молча ожидая разъяснений по поводу столь срочного вызова, следя за струйками дыма, которые периодически выбрасывали вверх легкие и ноздри ротмистра. В свою очередь, и он не нарушал молчания, словно прислушиваясь к себе и тем мыслям, которые бродили в его голове. Время от времени он бросал на меня внимательный взгляд, словно испытывая мое терпение и выдержку. Считая неудобным рассматривать в упор свое непосредственное начальство, я перевел взгляд на стоящие на камине часы, стрелка которых как бы замерла на одном ме-

сте, что говорило о том, что здесь нечасто бывают «посетители». Комната была обставлена довольно уютно и освещалась лампой под зеленым абажуром, что придавало всем предметам, находящимся здесь, своеобразный цвет, действующий если не расслабляюще, то, по крайней мере, успокаивающе. Однако чувствовалась и какая-то неестественность в расположении здесь отдельных предметов, кое-где проблескивала пыль, что свидетельствовало об отсутствии здесь постоянных жильцов.

– Вы не заметили за собой слезки? – наконец нарушил молчание ротмистр, гася выкуренную папиросу в массивной бронзовой пепельнице, стоящей на столе.

– Нет, – ответил я, понимая, что это всего лишь дежурный вопрос, который должен был послужить началом беседы. Однако вопреки моим ожиданиям ротмистр лишь кивнул головой и, достав новую папиросу, снова закурил, продолжая молча выбрасывать дым в потолок в уже пропахшей табаком комнате.

Я вновь был предоставлен своим мыслям, недоумевая, что же произошло. Почему я, прилетев сломя голову на встречу, вот уже минут десять сижу с молчаливым собеседником и «наслаждаюсь» ароматом его папирос фирмы «Дукат»? Хотя он и обладал завидной выдержкой, его сегодняшнее поведение говорило о том, что случилось что-то экстраординарное, и прежде чем начать разговор об этом, ротмистр должен был собраться с мыслями и сообщить мне ровно столько, сколь-

ко следовало мне знать. Это было непреложным правилом нашей службы, службы, занимающейся специальными действиями по охране Его Императорского Величества Николая II и его семьи. И хотя мы формально входили в состав Третьей Тайной канцелярии Его Императорского Величества, нигде в бумагах не значились и не подчинялись начальнику личной охраны императора генералу Коковцеву.

Сидевший передо мной мой начальник числился интендантом по хозяйственной части дворцового ведомства и формально занимался вопросами снабжения огромного хозяйства императорского двора, имея соответствующий штат чиновников и множество хозяйственных служб. Но мало кто знал об истинной деятельности ротмистра, от внимания которого не ускользало ничего, что происходило на дворцовой «кухне», не только в области снабжения и питания царской семьи, но и окружающей политической обстановки. Более того, он имел обширное досье не только на членов большой царской семьи, но и на всех политических деятелей, военных, артистов, купцов – поставщиков двора Его Императорского Величества, и на множество других людей, которые хоть когда-либо имели контакты не только с царем, но и с ближайшим его окружением. К примеру, в досье на князей Юсуповых было записано, что основателем рода является хан ногайской орды Юсуф-Мурза, отославший своих сыновей ко двору московского царя Ивана Грозного. За это их род был проклят, и из всех рожденных в одном поколении Юсу-

повых до двадцати шести лет доживал всего один ребенок, и это до тех пор, пока рода не станет. Это давало возможность нашей службе прогнозировать развитие тех или иных событий, определенным образом влиять на них и устранять или предотвращать возможные негативные последствия. Однако эта работа была возможна в рамках цивилизованного развития, а не той ситуации, которая сегодня складывалась в стране.

Многие боялись ротмистра, догадываясь о его деятельности, некоторые заискивали перед ним, пытаясь купить его расположение и через него приблизиться к особе императора. Однако он был предельно честен, неподкупен и самолюбив, к тому же был аристократом, обладавшим значительными средствами. Стержнем всей своей деятельности он считал служение монархии и процветание Отечества. По его глубокому убеждению, без этого России будет сложно выжить в мире, все более разъедаемом страстями и непрерывными войнами. Происходя из знатного древнего рода, он и сотрудников подбирал по этим критериям, проверяя их на определенных делах, постепенно приближая к главным тайнам и идеалам, исповедуемым им самим и его единомышленниками.

Я попал в круг этих чиновников по наследству, как бы парадоксально это ни звучало. Род наш такой же древний и знатный, как и род ротмистра. И этот вид деятельности – охрана основ и традиций мироздания – стала нашим пред-

назначением и передавалась из поколения в поколение. Мои предки занимались этим по велению свыше, оттачивая свое мастерство, вникая в тайны основ мироздания, передавая накопленный опыт последующему поколению не только в виде наглядных примеров, но и фиксируя все действия и события в определенной летописи с тщательным анализом и уроками на будущее. Все это хранилось в архиве, который был продублирован и рассредоточен в разных местах. И я с рождения готовился к этой миссии, пройдя, как и мои предшественники, все стадии не только светского, но и специального индивидуального обучения, которое дало мне возможность владеть не только тайнами кулачного боя, древних боевых искусств и магией казаков-характерников, но и уходить в зазеркалье, читать мысли собеседника, а при крайней необходимости проводить невротические манипуляции и гипнотические действия, делающие меня невидимым для окружающих, или превращаться в одного из братьев наших меньших. Практические навыки в этом деле я получал в разных местах. Так, в Смоленской губернии меня включили в группу юношей, которые должны были там пройти обряд инициации, то есть вступления в мужской союз. Если у кого-нибудь получалось перевоплощение в волка или медведя, то ему разрешали жениться. Если нет, то все повторяется до тех пор, пока он не научится делать это. У некоторых все получается сразу, другие осваивают такой обряд только со второй или третьей попытки, ну а остальным остается всю

жизнь ходить бобылем. Не скажу, что у меня это получилось сразу. Если у большинства мастерство как-то передавалось по наследству, то мне пришлось все осваивать заново. Позднее я шлифовал эти навыки, чтобы закрепить их и довести его до автоматизма. Все, что я умел, было приобретено годами тренировок и постоянным внутренним совершенствованием своего мироощущения, концентрацией воли и чувств. Естественно, значительной части этих моих качеств ротмистр не знал, хотя возможно, догадывался, учитывая мою родословную и те миссии, которые выполнял я и мои предки.

Диплом я имел императорского высшего технического училища и числился согласно дворцовому ведомству чиновником по особым поручениям при моем начальнике. Я и выполнял отдельные поручения императорской семьи, за что неоднократно поощрялся и продвигался по служебной лестнице. Интересна была моя поездка в Америку, где я занимался проблемой заказа, изготовления и доставки легкового автомобиля «Паккард» для императрицы Марии Федоровны. Я присутствовал на заводе в Дейтоне при его сборке, отладке, а затем пароходом он был доставлен в столицу. Автомобиль был сделан на совесть и моей задачей было проследить, чтобы там не оказалось ничего «лишнего» из ненужных частей и чтобы аура автомобиля оставалась предельно чистой. Это был красавец автомобиль с позолоченной решеткой радиатора и такими же широко выпуклыми фарами. В каби-

не кроме водителя могли свободно разместиться четыре человека. Сиденья были обтянуты темно-вишневой тисненой кожей, а на дверях располагались карманы для различных мелочей. Одним словом, он являл собой образец шика, комфорта и роскоши.

Кроме того, я спас жизнь самому государю императору Николаю II в ходе боевых действий на юго-западном фронте, в результате чего я был награжден Георгиевским крестом, который император самолично снял со своей груди и прикрепил на мою, и холодным именованным анненовским оружием. Согласно Табели о рангах я был коллежским асессором, а по основной линии своей негласной работы носил погоны поручика, хотя формой пользовался не особенно часто. Моя специфическая служба давала мне возможность носить различного звания и ранга мундиры и одежду. Поэтому в шифоньерах на отдельных моих квартирах висело множество форм и униформ и морского, и казачьего, и артиллерийского, и других ведомств. Пользование ими зависело от того, какие конкретные задания мне приходилось выполнять. Сегодня я был одет в штатский двубортный пиджак и темную манишку с жилетом. Оружие я не носил принципиально. В случае чего я в основном обходился руками и крепкой тростью, которую всегда носил с собою.

Наконец, докурив вторую папиросу и нервно бросив ее остатки в пепельницу, ротмистр пристально взглянул на меня, всем своим видом демонстрируя, что он готов к основной

части нашей срочной встречи.

– Милостивый государь, – сказал он. – Вам известна обстановка, которая сложилась в стране за период вашего отсутствия здесь?

– В общих чертах, – ответил я.

– Позвольте тогда вам немножко обрисовать ее, – продолжил он и, резко встав с кресла, принялся расхаживать по комнате, выдавая тем самым волнение, охватившее его.

– Дело в том, что государь-император отрекся от престола, а вернее сказать, его бывшие «верноподданные» заставили его сделать это в самый ответственный момент жизни нашего государства, не оставив ему никакого выбора. Самое страшное, что они не понимают, или наоборот, хорошо понимают, что творят. Словно какие-то шоры пали им на глаза, и они мчатся к пропасти, не думая ни о себе, ни о нашей великой державе. Не только в стране, столице, генштабе, армии, но и в окружении императора царит предательство, шлятся всякие темные личности, я уже не говорю о прямых агентах, которые разносят всевозможные слухи, подбивают охрану царя к неподчинению, ведут все к тому, чтобы уничтожить сначала символ России, а затем и погубить всю страну. В этом, как ни парадоксально, заинтересованы не только министры, но и сам начальник охраны генерал Коковцев. Эта сеть клеветников и прямых шпионов настолько густая, многоплановая и многовариантная, представляющая интересы практически всех стран, что разрубить ее оказывается достаточно слож-

ным делом. Я потихонечку начал распутывать этот клубок, стал подбираться к главному режиссеру этого «спектакля», занимающему достаточно высокий пост и находящемуся в почете у царя, так что совсем непросто будет его уличить в антигосударственных делах. Вполне очевидно, что он почувствовал это и привел в действие все свои силы, которые в итоге и способствовали отречению императора от престола. На это не жалели ни денег, ни средств. По агентурным данным, события 1905 года были прелюдией к нынешней ситуации. Тогда на политической арене появился новый игрок – Америка, которая проявила очень большой интерес к нашему Дальнему Востоку, почувствовав вкус Аляски. Кстати, мы продать-то ее продали, а деньги в размере одиннадцати миллионов рублей золотом до сих пор не получили. Барк «Оркни», который вез эти средства, большая часть которых была в золотых слитках, по невыясненным обстоятельствам затонул в Балтийском море 16 июля 1868 года. И претензии вроде бы предъявлять некому, а денег государство не досчиталось. А в период гражданской войны в Америке царь Александр II, царь крепостнической России, не только выделил денежный кредит северянам, подчеркиваю северянам, а не рабовладельцам-южанам, которым отказали Франция и другие страны, но и послал две военных эскадры для поддержки Севера, что способствовало его победе в братоубийственной войне.

А чем они нам отвечают? В Японии наших пленных сол-

дат специально подготовленные агитаторы и проповедники американского происхождения начинают обрабатывать, расшатывая у них нравственные устои, подвергая сомнению постулаты православия и основу основ государственного устройства – самодержавие. Во что это обошлось стране, вы сами отлично знаете. Я не хочу сказать, что это дело только одних американцев. Нет, здесь приняли активное участие и другие страны, которые, хотя сейчас и находятся по разные стороны баррикады, тем не менее, в противодействии России находят общий язык. Так вот, эта работа не прекращалась ни на минуту, ведется она и сейчас. Как видите, она дает свои отрицательные плоды. Народ, подогретый со всех сторон, ничего не видит вокруг, бунтует, грабит, открывает фронт для противника и кричит о равенстве и братстве. Конечно, здесь есть вина и наших политиков, и чиновников. В столице, несмотря на сложное военное время и беспредел, работают все магазины, в продаже имеется практически все, пусть немного по завышенным ценам – усиленно кричат о голоде. Петербург стал прибежищем для бандитов всех мастей, которые под лозунгом революции собирают различного рода банды и начинают грабить горожан. Полиции практически нет, потому жильцы создают домовые комитеты из офицеров, которые с оружием в руках защищают дома. Временное правительство пребывает в стадии эйфории и не в состоянии навести порядок в стране. Мало того, у них хватило наглости вчера арестовать государя. Этот колченогий

«душка» Керенский, как называют его газеты, сам приехал во дворец, заменил охрану и объявил царю о его аресте. Слава Богу, что нам удалось не допустить физического устранения царской семьи. Однако ситуация очень обманчива. Пока он со своей семьей находится в Царском Селе.

«Слава Богу, – подумал я, – наконец-то он подошел к основному моменту, ради которого и вызвал меня. Что я могу сделать в этой ситуации? В чем будет заключаться моя задача? Что он хочет от меня? Я ведь только вернулся из Англии, куда сопровождал груз золота, в количестве 5,5 тонн». Эти средства были оплатой оружия, которое Англия как союзник обязалась поставить России. Располагая акциями Ленских золотых приисков, царь решил отправить в английские банки и свое личное золото, которое также шло на закупку оружия, а частично на личный счет царской семьи. Вообще Николай II долю своих личных средств держал в банках Германии, но с началом войны посчитал это не патриотичным и снял эти деньги, направив их на закупку вооружения для армии. Я целый месяц провел в дороге и на поездах, и на кораблях вместе с двумя своими помощниками, пока не добрался до Англии и не сдал в банк все до последнего грамма, о чем привез соответствующие документы. Об этом я и собирался сегодня доложить ротмистру, захватив эти бумаги с собой.

Ротмистр закурил третью папиросу и продолжил монолог: – Чтобы обезопасить государя, мы стали проводить опре-

деленную работу и среди членов Временного правительства, и среди иностранных посольств с целью вывоза царской семьи за границу, до прояснения ситуации. Однако эти переговоры находятся в начальной стадии, а царю угрожает реальная опасность. Поэтому я отдал приказ нашим людям постоянно следить за царской семьей, новой охраной и всеми средствами противодействовать любым попыткам, угрожающим их жизни. К сожалению, наших людей там мало. Старая проверенная охрана почти вся разбежалась. Многие охвачены революционным порывом, даже некоторые члены царской семьи, а царя называют «гражданин Романов». Я удивляюсь, как у него хватает силы выдерживать все это.

Ротмистр остановился и вновь потянулся к портсигару.

– Так вот, – сказал он, – государь хочет встретиться с вами и лично поручить еще одно дело. Речь идет о том, что пока длилась «катавасия» со всеми этими государственными проблемами, я посоветовал государю собрать личные вещи и переправить их в одну из стран-союзниц, а именно в Англию. Сейчас мы об этом ведем переговоры. Учитывая доверительные отношения Николая II с английским королем Георгом V, я думаю, проблем не будет. Мы рекомендовали царской семье взять минимум вещей на первое время, семейных реликвий, каких-то раритетов, икон и т.д. Тем не менее, набралось 150 ящиков. Вчера еще возможно было свободно их вывезти из дворца, а сегодня в связи с заменой охраны и сложившейся ситуацией это проблематично. Поэтому он

хочет встретиться с вами и обсудить детали.

Закончив говорить, ротмистр глубоко затянулся папиросой и вопросительно посмотрел на меня.

– Какие у вас будут предложения на этот счет? – спросил он.

– Сложная задача, – ответил я, прикидывая все возможные варианты за и против. – Тем более, что его обвиняют в том, что он постоянно грабил народ, допустил братоубийственную войну. Достаточно посмотреть карикатуры на царя, которыми пестрят нынешние газеты, чтобы понять, что официально мы эту проблему не решим. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

– Времени нет, – резко, словно отрубив, воскликнул ротмистр, – как и надежных людей, на которых можно положиться. Вам придется обходиться своими силами и наработанными связями. Средства на эту операцию возьмете из резервного фонда. Решить эту задачу необходимо не в ближайшие дни, а часы. Мы обязаны обеспечить царской семье достойную жизнь за границей.

«Да, – подумал я, – серьезная работа мне предстоит, тем более, в этой нестабильной ситуации, когда рассчитывать можно только на себя. Старых органов власти практически уже нет, а новые только в проекте и настроены совсем не в нашу сторону. Люди шокированы. Многие стоят перед выбором, в какую сторону идти, и поэтому не сдвинутся с места, чтобы помочь. А посему помощи ждать неоткуда, осо-

бенно когда речь идет о таком грузе, как вещи самого императора, даже отрешившегося от престола. Пусть один, два, ну десять ящиков, – нет, целых 150 деревянных сундуков, набитых до отказа!»

– Как я теперь попаду во дворец? – спросил я ротмистра.

– Не знаю, – просто ответил он. – Не мне вас учить, не такие проблемы решали. Главное состоит в том, чтобы вы как можно быстрее встретились с царем и приступили к выполнению поставленной задачи. Вам все ясно, поручик?

– Так точно, – ответил я, вставая с кресла и становясь по стойке смирно.

– Желаю успеха, – сказал ротмистр и протянул руку. – В случае крайней необходимости, вы знаете, как меня найти. Каналы связи остаются пока без изменений.

– Желаю здравствовать, – ответил я и, пожав протянутую руку, направился к выходу.

– Желаю успеха, – на прощание сказал мне ротмистр. – От выполнения этого задания зависит очень многое.

Эта многозначительная фраза прозвучала уже за моей спиной, когда я закрывал дверь квартиры на лестничной площадке.

Выйдя из подъезда, я остановился на секунду в колодце двора, куда еще не проникало солнце, чтобы вдохнуть почти весеннего воздуха и проветрить легкие от дыма папирос ротмистра. Было свежо и морозно. Попав через дворовую арку на улицу, я сразу окунулся в толпу, которая, что-

то восторженно галдя, двигалась к центру города. Я решил пройтись пешком, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию и прочувствовать обстановку, в которой сегодня живет столица. Нужно было войти в образ, а для этого общение с толпой было наилучшим средством, чтобы узнать не только ее настроение, но и последние «сплетни», а главное – выбрать типаж, который мог стать моим вторым «я» при выполнении задания. Да и извозчика найти в такой ситуации было проблематично. Поэтому я, влившись в толпу, вместе с ней двинулся к центру. Слева и справа качались солдатские шинели и рабочие картузы, которые порой разбавлялись мелькающей стайкой женских платьев, пальто и муфт. Толпа радостно галдела, слышались возгласы и выкрики. Порой на тумбах набережной встречались агитаторы, которые осипшим голосом кричали о немедленном прекращении войны, мире без контрибуций и созыве учредительного собрания. Мальчишки-газетчики, мелькая в толпе, добавляли в этот гул свои звонкие голоса, выкрикивая названия газетных статей и махая бумажными свертками в воздухе. Я поймал за плечо одного из них, купил газету и стал на ходу ее бегло просматривать. В газете крупным шрифтом сообщалось об аресте царя и назначении генерала Корнилова на должность командующего Петроградским военным округом по просьбе Временного правительства, который, кстати, и объявил об аресте царской семьи. «И этот туда же», – подумал я с горечью. – Боевой генерал, а лезет в политику. Что же происходит, ес-

ли даже такие генералы, как Корнилов и Алексеев забыли свои прямые обязанности по защите Отечества и бросились сломя голову в завораживающий омут революционных страстей? Что будет с Россией? Что будет с государем-императором?» Так, рассуждая на эту тему, я не заметил, как добрался до дома.

Проскочив мимо привратника, я поднялся на свой второй этаж и вошел в квартиру, которую недавно так спешно покинул. Быстро раздевшись, я принял душ и переделался в военный френч и шинель без погон. Глянув в зеркало и придав своему лицу туповато-серьезное выражение, я вышел из квартиры.

Кабинет: история в рукописи, или «Янтарная табакерка»

Перед тем как посетить Царское, я отправился в Гатчину, чтобы ознакомиться с документами, касающимися кабинета. Дело в том, что кроме оригиналов, поступающих от наших хранителей со всех концов света, имелись еще по две копии, которые хранились в более доступных местах, так сказать, ближе к «театру действий». Они были зашифрованы определенным образом и прочесть их мог только человек, знающий этот шифр. Одни были написаны древесным письмом, другие – узелковой письменностью, некоторые совмещали в себе три компонента, в состав которых как элемент

вводилось цифровое письмо и т.д. Накопленная в архиве информация являлась важным источником знаний, которые давали возможность принять правильное решение стоящей проблемы, давали возможность установить причинно-следственные связи и подобрать соответствующие действия и инструменты. Меня начинала мучить еще не полностью сложившаяся мысль о том, что за всем тем, что сегодня происходит в стране стоит и еще что-то, не совсем понятное, уходящее своими истоками в темное прошлое. Нужно было во что бы то ни стало докопаться до истины.

Войдя в подземное хранилище, расположенное под одним из многочисленных деревянных домиков, позднее обложенных кирпичом, я зажег свечу и по каталогу среди огромного количества деревянных ящиков и выдолбленных дубовых колод, в которых хранились документы, написанные узелковым письмом, нашел нужный и, сверяясь с ведомостью, достал тот документ, который меня интересовал. Присев тут же рядом, я пристроил свечу так, чтобы она не погасла от воздуха, который поступал сюда через вентиляционные отверстия, и вскрыл конверт, взломав сургучную печать с вензелем на ней. Внутри оказалось несколько листов пожелтевшей бумаги, написанных выцветшими чернилами древесно-цифровым письмом. Закрыв глаза, я путем медитации восстановил в памяти алфавит этих стилей, логику их построения и принялся за чтение.

Информация была от поручика, князя Михаила Долгору-

кого, входившего в малый круг соратников Петра I и сопровождавшего его с посольством в Пруссию. Оно датировалось 1717 годом. То, что удалось выяснить, ему было очень интересным, тем более, что Долгорукий указывал на источники тех сведений, которые он собрал и обобщил в данном «нижайшем докладе» о комнате «солнечного камня», мастерах, сотворивших ее и непредосудительном мнении о ее возможных свойствах. Раскрывалась история создания кабинета и события, связанные с этим. Как и положено, он делал свой доклад в описательной форме, вставляя туда выдержки из деловых документов, с которыми ему удалось ознакомиться.

Суть событий заключалась в следующем. Фридрих I, озабоченный проблемой расширения своего государства, пытался быть похожим на Фридриха Барбароссу и всеми силами и имеющимися немногочисленными ресурсами, которые были в его распоряжении, «сшивал» разрозненное немецкое государство в единое целое. Мечты о Римской империи в немецком понимании этого вопроса не выходили из его головы. Однако его ресурсы были ограничены. Находясь в натянутых отношениях с папским престолом, он разрешил действовать у себя в стране масонскому ордену розенкрейцеров, перед которыми была поставлена задача способствовать объединению Германии, распространять ее влияние на другие страны и конечной целью которого должно стать создание империи. Но обстоятельства складывались таким образом, что непрерывные войны, которые шли в этот период, исто-

щили и без того скудную королевскую казну, поэтому необходимо было срочно искать новые источники поступления средств, так как влиятельные правители основных немецких княжеств не горели желанием расставаться со своей властью и тем более, развязывать свои кошельки перед королем. Понимая это, Фридрих I пригласил к себе одного из иерархов масонской ложи и высказал пожелание, чтобы орден нашел новые пути к княжеским сердцам и к немцам в целом, чтобы они прониклись идеей единой Германии под прусским началом.

Это была достаточно сложная задача. Если материальные способы ее решения не срабатывали, нужно было искать совершенно другие пути, которые лежали за пределами возможного и опирались на совершенно иные ресурсы. Многие попытки членов ордена повлиять на отдельных князей различными имеющимися в их распоряжении способами и ритуалами не срабатывали. Нужно было что-то грандиозное, нестандартное, которое работало бы на людей изнутри и подводило их к реализации той цели, которую поставил король. На решение этого были брошены все силы. Гонцы скакали по всей стране, по несколько раз пересекая границы и таможни, отделявшие княжества друг от друга. Непрерывно заседали ложи, выдвигая и тут же отвергая появившиеся в результате обсуждения идеи. Время неумолимо бежало вперед, а к решению задачи не продвинулись ни на шаг. Казалось, уперлись в тупик, который все больше подводил к мысли, что эту

проблему нельзя решить. Но, как всегда, помог случай...

****

Отстраивая свои новые апартаменты в берлинском дворце Шарлоттенбург, король созвал своих советников с целью уточнения архитектурных планов по обустройству дворца. После непредвзятого обмена мнениями у главного королевского архитектора Андреаса Шлюттера возникла идея создать во дворце янтарную комнату, которая служила бы своего рода специальной камерой, генерирующей идеи короля и на базе этого формирующей немецкую нацию, как магнит притягивая к себе разобщенный немецкий народ.

Дождавшись окончания совета, архитектор попросил аудиенции у короля, во время которой и поделился с ним своей идеей. Выслушав предложение, Фридрих I сказал, что подумает над этим и сообщит позже о своем решении. Положение королевства было достаточно сложным. Здесь перемешались и география, и политика. Понятно, что географическое положение Пруссии требовало такой политики, которая бы не воспринималась как военная угроза со стороны этнически близких соседних государств. Однако открытость границ и территориальная разбросанность принадлежащих королевству земель требовали напряженной балансировки на грани возможностей из-за постоянного внешнего, часто внезапно меняющегося давления. Решить эту про-

блему можно было только объединением и присоединением территорий, прерывающих географическую целостность государства. Поэтому необходимо было срочно создавать базу, которая позволила бы начать игру на международной арене с такими крупными игроками, как Франция, Англия и Россия. Второй путь – это подчиниться политическому влиянию этих сильных соседей и позволить им контролировать свою политику. В первом случае Пруссия или теряла все, или достигала своей заветной цели. Во втором – становилась марионеткой.

Неукротимая воля к власти и огромный организаторский талант Гогенцоллернов не позволили Фридриху I отступить. Он взял курс на создание боеспособной армии, которая смогла бы вести войну против любого противника и защитить свои земли. Армия поглощала все ресурсы страны, которая была практически бедной, не имевшей никаких природных богатств, необходимых для создания военной промышленности. И с населением была проблема. Откуда набирать рекрутов в армию, если по территории Пруссия занимала десятое место среди европейских стран, а по численности населения – тринадцатое? В 1700 году здесь проживал всего 31 млн. человек. Поэтому курс был взят на создание относительно небольшой, но очень мобильной и боеспособной армии, формируемой из всех сословий и близлежащих государств. И в принципе цель была достигнута. Непрерывно бушующие на континенте войны показали, что прусская

армия по своей выучке и боеспособности стояла где-то на 3-4 месте в Европе.

Однако этого было недостаточно. Следовало найти что-то новое и необычное, которое заставило бы немцев сплотиться и признать верховенство Пруссии. Как показала практика, силой сделать это было достаточно сложно. Нужны были новые инструменты на запредельном уровне, которые воспитают и внедрят в сознание немецкий дух, сделают нацию единой. Это нужно решать в первую очередь в духовном плане. А что, если объединить предложения Шлюттера и возможности ордена? Может, это решит ту задачу, над разрешением которой король бьется уже столько лет? Тем более, что решения Фридрих I всегда принимал единолично, с прусской педантичностью раскладывая все по полочкам. Он на минуту представил себе, как он будет думать и рассуждать в роскошном янтарном кабинете, и его мысли и решения, умноженные многократно той силой, которая будет заложена в кабинете, словно волны, распространятся по всей Германии и будут притягивать к нему не только все новых и новых сторонников, но вместе с ними и новые территории, страны и континенты! От этих мыслей ему стало жарко. Он расстегнул свой военный мундир и уставился на лениво пляшущий огонь в камине, который в силу уже устоявшейся привычки к экономии топился чуть-чуть. Затем уселся в кресло, стоявшее возле камина, и погрузился в свои мысли, представляя по этапам, что может выйти из того, если этот кабинет

получится таким, каким он его себе задумал.

Для солидности король выдержал целую неделю, а затем пригласил к себе на аудиенцию Великого магистра. Расположившись в кресле напротив гостя, Фридрих I со свойственной ему прямоотой сразу поставил вопрос ребром.

– Вы уверены, что все получится так, как задумано? Что мы получим тот результат, на который рассчитываем? Не будет ли обратного эффекта, эффекта отражения? Ведь тогда все наши планы нарушатся. Кроме денег мы можем потерять все: время, престиж, доверие и так далее.

Выслушав его монолог, Магистр мягко заметил:

– Это сложный вопрос, и однозначно на него ответить нельзя. Дело в том, что такая комната будет создаваться впервые. Наши специалисты уже занимаются ее проектированием и расчетами. Сложность заключается в том, что необходимо найти соответствующую сакральную геометрию, которая бы хорошо сочеталась с духовными задачами и цифровой нумерологией этих всех параметров. После проектирования необходимо подобрать во дворце соответствующую комнату, смонтировать кабинет и зарядить его. Кроме того, необходимо какое-то время для того, чтобы откорректировать все параметры панелей и с Вашей помощью настроить и запустить ее на полную мощность. Первые результаты мы сможем увидеть, когда соберем все в единое целое и начнем настраивать. И если все будет благополучно, так как Вы, Ваше Королевское Величество, планируете, то предела Вашим

возможностям и желаниям, усиленным Вами в янтарном кабинете, не будет.

Магистр знал, что сказать. Он, с одной стороны, и подстраховался на случай возможных неожиданностей, учитывая педантичность и осторожность короля, с другой – ненавязчиво подтвердил его тайные мысли, которые простирались очень далеко и давали теперь, в перспективе, базу, на которую он мог опереться.

Несмотря на открывшиеся возможности, Фридрих сомневался. Он, привыкший всю жизнь экономить каждый пфенинг, который шел на его любимое детище – армию, не готов был к затратам на изготовление янтарного кабинета. Еще не было ясно, каким он будет: займет целую комнату или это будут панели, вмонтированные в одну из стен в его кабинете. И самое главное – сколько это будет стоить казне? Насколько он не додаст армии, и как это отразится на ее боеспособности? Вспомнив об этом, король расстроился, быстро вскочил на ноги и широкими шагами стал мерить комнату. Какое принять решение? Отказаться? А вдруг этот отказ станет отказом от того, самого главного рычага, который ему так необходим для реализации грандиозных планов? Тем более, что сегодня и обстановка вроде соответствует имеющимся возможностям. Городская молодежь по всей Германии почитала его за те победы, которые он одержал над французами и русскими. Он по всей стране, несмотря на ее разобщенность, считался национальным героем. И если поймать эту волну

и усилить ее с помощью того, что ему предлагают создать, то можно будет рассчитывать на формирование подлинной немецкой нации, пропитанной прусским духом. Да, открывающиеся перспективы заставляли терять покой и постепенно перевешивали чашу весов в сторону согласия с предложенным проектом. Необходимо было принимать кардинальное решение, так как время благоприятное для этого могло в любой момент уйти.

– Так вы уверены, что все получится? – еще раз уточнил король.

– Без сомнения. Мы будем делать все, чтобы это было так, – уклончиво и в то же время утвердительно ответил магистр.

– Хорошо, я согласен, – после некоторого раздумья ответил король. – Вы все детали обсудите со Шлюттером.

Он встал, слегка кивнул магистру и быстро вышел из комнаты, тем самым давая понять, что аудиенция окончена, решение им принято, и пора приступать к его выполнению. Магистр тяжело вздохнул, как бы с трудом поднялся с места и, сгорбившись, немного приволакивая ногу, направился к выходу из кабинета. Согласие Фридриха тяжелым бременем легло на его плечи. Необходимо было просчитать все возможности, которые сулило ордену успешное выполнение этой архисложной задачи, и все те неприятности, которые могут обрушиться на него в случае неблагоприятного исхода.

Вечером магистр вызвал к себе Шлюттера для обсужде-

ния всех дел, связанных с созданием янтарного шедевра.

– Дорогой брат, – обратился он к нему, – как вы себе представляете это архитектурное сооружение, ведь оно должно по своей геометрии отражать основы мироздания и усиливать наши возможности по выходу в пространство бытия. Его символическое значение должно отражать наши цели и задачи, а также решать задачи, поставленные королем, и усиливать через это наше влияние на него. Кроме того, любой, кто попадет в эту комнату, должен будет стать нашим союзником под ее сакральным влиянием и даже на расстоянии чувствовать на себе эту силу. Затем, как построить всю геометрическую и резонансную структуру комнаты, взяв за основу главную идею Фридриха и его личность? Причем сделать это так, чтобы не помешать нашим задачам и не допустить разбалансирования, а наоборот, соединить это все в единое целое. И как постоянно подпитывать тонкими материями энергетику комнаты? Если Фридрих будет работать постоянно в ней, то как наши задачи вкладывать в его разум? И как потом реализовывать наши идеи, которые выйдут из этого янтарного кабинета в виде приказов короля? Видите, сколько вопросов! Кто может дать на них ответ, кроме вас, главного исполнителя этого проекта?

– У меня нет пока ответов на все ваши вопросы, – ответил Шлюттер. – И чем больше я занимаюсь этим, тем больше у меня появляется проблем. Никто еще никогда не решал такой грандиозной задачи. Те все предметы, которыми

мы пользуемся при наших ритуалах, имеют чисто символическое значение. А то, что мы хотим сделать сейчас, это уже символика, переходящая в плоскость практики. Ведь кабинет не должен быть предметом интерьера, он должен работать, должен излучать волны особой интенсивности, которые будут влиять на немцев так, как мы захотим. Это очень сложная задача, она примерно равносильна гипнозу, которому подвергается человек. Однако здесь сила влияния должна быть в несколько раз больше, так как не каждый в полной мере воспринимает гипноз. Это должно быть состояние ясности понимания той задачи, которую мы ставим, и хотя она приходит к человеку извне, он должен воспринимать ее как свою выстраданную мысль или идею, и, разумеется, решать ее с полной ответственностью. Конечно будет и дублирование мыслей, и какие-то отклонения и ответвления, но в целом она должна очень сильно влиять на народ.

Шлюттер тяжело вздохнул и, положив ногу на ногу, медленно продолжил:

– Я долго размышлял на эту тему и могу в целом доложить о том, как я вижу решение этой задачи. Во-первых, все зависит от основы. Поэтому мы должны подобрать соответствующий материал, который бы отвечал определенным частотам колебания. Ведь янтарь – это естественный, живой материал, который сформировался в особых условиях и несет в себе энергетику той микросреды, территории и тех живых существ, которые в силу ряда причин попали в его плен, ко-

гда янтарь был еще жидкой субстанцией. Превращаясь в камень, он закалялся, впитывая в себя окружающие энергетические потоки, становясь резонатором и передатчиком этой энергии. Поэтому материал надо отбирать очень тщательно, с учетом энергетики, цвета камня и той местности, которая соответствует нашим требованиям. Второй вопрос: как геометрически соотнести эту энергетику с энергетикой тех древних организмов, которые скрыты в янтаре? Их необходимо каким-то образом соединить на базе математических пропорций в пределах допустимого значения, которое необходимо нам. И самая главная задача: как всю эту энергетику сфокусировать на центральную часть, то есть на объект и, соответственно, в пространство с выходом на изменение определенных колебаний в зависимости от необходимых нам задач? Поэтому я считаю, что подбирать материал и особенно готовить из него соответствующие изделия должен только брат нашей ложи, полностью посвященный в то, что мы хотим сделать. Чем меньше людей будет прикасаться к отобраным для кабинета кускам янтара, начиная от его добычи до перевозки в мастерскую, тем чище будет его первоначальная энергетика, ведь он ее впитывает очень быстро. Важно и внутреннее состояние мастера, поскольку оно будет отражаться в камне, ибо его обработка и является первичной энергетической настройкой. И потом надо определиться с основой, на которую будут навешиваться янтарные изделия. Олово не подходит, золото очень дорого, поэтому я бы оста-

новился на серебре. Этот лунный металл имеет очень много качеств, необходимых нам, и самое главное – он обладает хорошей энергопроводимостью и памятью, может накапливать и формировать определенные образы. Поэтому многие ритуальные изделия делаются из серебра, к тому же оно дешевле золота.

– Да, – медленно произнес магистр, – проблем много, а времени мало. Надо подключить всех к решению этой задачи. Ведь в случае успеха мы будем иметь все, ну а в противном случае, вы сами понимаете, чем это все может закончиться, учитывая характер Фридриха. – Что вы еще успели сделать, Андреас? – фамильярно спросил магистр.

– Определил место разработки янтаря: это известные вам карьеры в районе Кенигсберга. Подбираем рабочих для его добычи, как из числа уже там работающих, так и солдат которые соответствуют нашим требованиям. Кроме того, пересмотрели запасы янтаря, уже имеющиеся в королевстве. Отобрали наиболее пригодные куски и свезли их в мастерскую. Занимается этим вопросом наш брат, мастер Готфрид Туссо, который славится своими изделиями из янтаря. Я хотел бы, чтобы перед началом работы мы провели соответствующую мессу в мастерской и только после этого начали основную работу. Я очень волнуюсь, так как вполне вероятно, что мы можем получить вместо кабинета «кривое зеркало», поскольку это должен быть не обыкновенный магический хрусталь, а камера планетарного значения. Опыта в из-

готовлении таких вещей нет ни у кого, а уж тем более опыта ее настройки. Главное, создать в комнате приемный канал, который будет улавливать космический эфир, а там, после определенной обработки, он будет резонировать в заданом направлении, неся уже нужную нам информацию. Поэтому я решил, что этот приемный коридор будет в виде непрерывной галереи, плавно переходящей в кабинет. Общий чертеж уже готов, с учетом специфики материала, и я хотел бы, чтобы вы обсудили с королем и сам проект, и его стоимость.

– Во сколько это обойдется казне? – спросил магистр.

– Достаточно дорого, учитывая добычу, перевозку, обработку камня, создание из него нужных изделий, подготовку серебряной основы и монтирование настенных панелей. Однако, на мой взгляд, поставленная цель оправдывает эти средства. Ведь это будут не куски янтаря, а ажурные прозрачные панели, конфигурацию и структуру которых мы сейчас отрабатываем. А все это стоит довольно дорого.

– Ты же знаешь скупость Фридриха, – сказал магистр.

– Боюсь, что он не пойдет на большие расходы. Он каждый лишний пфенинг пускает на армию. Недаром же его прозвали «король-солдат». Это его главная государственная структура, орудие управления и любимое детище. Тут нужны серьезные аргументы, чтобы он открыл свой кошелек. Орден не может выделить на это дело ни одной монеты, это не в наших правилах. Поэтому давайте договоримся так. Определитесь с помещением, где будете монтировать этот янтарный

кабинет, затем, исходя из этого, просчитайте объемы работ и необходимые расходы. Причем не один, а два, три варианта по принципу от меньшего к большему. Только после этого я буду просить аудиенции у его величества.

– Хорошо, – сказал Шлюттер, – и, тяжело вздохнув, взял со стола развернутый чертежный набросок, молча поклонился магистру и вышел из комнаты.

После долгих бесед и согласований янтарный кабинет решили делать в берлинском дворце Шарлоттенбург, построенном по проекту Шлюттера. Здесь планировалось принимать неофициально всех знатных иностранных особ и вести с ними переговоры в этом кабинете, обустроив его на нужный лад. Планировалось, что проходя через галерею гости постепенно будут настраиваться на нужную волну, а войдя в него попадут под влияние его энергетики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Около двух недель продолжалась подготовительная работа. Просчитывались все параметры: архитектуры, дворцовой этики, удобства подхода, возможные потоки и направления энергии, длительность перехода из галереи в кабинет, время воздействия тонких энергий и т. д. Весь дворец на коленях с линейкой в руках облазили Шлюттер и его помощники, измеряя потолки, стены, окна и другие необходимые для расчета объекты.

Через три дня после замеров предварительные расчеты были готовы. Когда их представили королю, то Фридрих

схватился за голову. В ярости он бросил бумаги на пол и стал отчитывать магистра и архитектора, обвиняя их чуть ли не в государственной измене, грозящей бюджетной катастрофе для государства и снижении боеспособности армии. Всегда сдержанный, он в этот раз дал волю чувствам: быстро ходил по комнате из одного конца в другой, что-то бормоча себе под нос, порой прерывая монолог гневными тирадами в адрес представителей ордена. Те молча стояли навтыжку, ожидая, когда монарх успокоится. Этот процесс продолжался достаточно долго. Очевидно, Фридрих не мог так быстро смириться с мыслью о том, что несмотря на то, что янтарь был объявлен государственным камнем и его накопилось достаточно много в казне, тем не менее нужны были деньги для его дальнейшей добычи и для изготовления элементов кабинета и его основы. Где их взять, если каждый пфенинг уже просчитан и ему заранее определено свое место. Успокоившись, Фридрих принял решение: никакой галереи, делаем один только янтарный кабинет и то без всяких «выкрутасов», просто и практично, в скромном варианте, однако функциональная направленность кабинета должна остаться. Король сам осмотрел предложенные для кабинета варианты компановок и остановился на самой скромной из них, ткнув тростью в пол и бросив резкое: «Делать здесь!» Теперь перед архитекторами встала сложная задача перепланировки проекта и изменения его геометрии с тем, чтобы не потерять необходимых параметров.

Опять закрутилось колесо. Лаборатории ордена, алхимии начали заново просчитывать и выстраивать элементы янтарного кабинета, основываясь на значении одной-единственной комнаты. После перекомпоновки проекта был сделан макет будущего янтарного кабинета, сориентированный по сторонам света и выставленный для «дозревания» с тем, чтобы определить оптимальные варианты и оттенки янтарного камня, отвечающие определенным энергетическим частотам. Этот процесс длился около месяца. Только после этой экспериментальной части проекта, давшей положительный результат, приступили к составлению эскизов настенных панелей для комнаты, площадь которых должна была составлять 70 квадратных метров. Среди множества декоративных элементов планировалось разместить квадратные и круглые детали, сделанные из специально подобранного янтаря, которые бы играли роль приемных и отражающих площадей, соотнесенных между собой соответствующим образом так, чтобы их точки пересечения концентрировались в том месте, где планировалось разместить письменный стол короля, который должен был стать основой конструкции всей этой системы и постоянно подпитывать ее. Исходя из этого, с привлечением лучших математиков была четко рассчитана и геометрия этих элементов, и проведены дополнительные работы в комнате, где намечалось разместить кабинет. Параллельно велись поиски мастеров по художественной резке янтарного камня. Братья ложи, исполь-

зую свои связи и возможности, пропускали всех потенциальных претендентов через «сито», отбирая самых искусных. Мастеров собирали по всей Германии, и после ознакомления с образцами работ и личных бесед специальный совет ордена выносил свой вердикт о привлечении самых достойных к работе над янтарным кабинетом. Таких специалистов своего дела нашли в Данцинге, Любеке, Эльбинге, Брюгге и других городах. Всех их привезли в Берлин и поселили в подсобных помещениях берлинского дворца, поставив на довольствие как солдат действующей армии. Мастерскую мастера Готфрида Туссо расширили и добавили туда новое оборудование, кроме того, для дополнительных работ, связанных с подгонкой янтарных изделий для панелей кабинета выделили еще одну комнату в самом дворце. Все мастера прибыли со своим инструментом и личными секретами обработки солнечного камня, передающимися по наследству.

Когда все подготовительные и организационные работы были закончены, состоялось специальное заседание главной ложи, на котором были подведены итоги, освящен первый кусок янтаря, а мастер Туссо был возведен в более высокую степень посвящения. День заседания был выбран в период лунного равностояния, как бы символизируя действия ордена, которые всегда были окутаны ореолом таинственности.

Наступило время практических действий. Все мастера были закреплены за определенным набором элементов, исходя из их опыта и квалификации, и принялись за дело. Ра-

боту вели вручную, очень тщательно сверяясь с чертежами по нескольку раз. Особенно скрупулезно проверялись углы, окружности и степень шлифовки, что важно было для качества будущих экранов. Все мелкие элементы склеивались в небольшие фрагменты «рыбьим клеем», состоящим из костей различных животных и рыб, и других ингредиентов, причем каждый мастер делал этот клей по своему рецепту. Затем готовые изделия складывались в темной комнате для сушки в естественных условиях, а по истечении недели собирались в блоки на специальном стенде самим Готфридом и одним из его посвященных помощников. После детальной проверки и подгонки он сам склеивал панели, используя свой личный рецепт клея, одним из составляющих которого были кости каких-то ископаемых животных, найденных случайно немецким крестьянином на своем поле. Когда варился этот клей, над кастрюлей поднимался темный пар, порой принимающий форму каких-то непонятных фигур и древних животных, которые по мере остывания тонкой пленкой покрывали куски янтаря, разложенные для склеивания, оставляя на нем свои образы. Стоять рядом было невозможно, от запаха, исходившего из варева, мастера падали в обморок. Поэтому работали, намотав на лицо кусок ткани, которая хоть немного фильтровала этот запах. После этого блоки выставлялись в темную комнату для просушки ровно на 12 дней. По истечении этого времени они выносились на светлое место и проверялись на качество звучания особым

образом выточенной дубовой палочкой, а затем ореховой, березовой и осиновой. Причем каждый из блочных элементов должен был соответствовать определенному тональному звучанию, вызванному легким ударом той или иной палочки. В случае несоответствия блок или разбирался с последующей заменой в нем отдельных элементов, или забраковывался вообще и шел на украшения. Работы проводились в специальной комнате одним из членов ордена, обладающим уникальным музыкальным слухом. Весь процесс проходил в тайне от остальных, однако какие-то слухи все равно ходили между мастерами и служителями двора.

Вся мастерская и мастера пропахли клеем, который тяжелым смрадом стоял везде. Поэтому изделия выдерживали до уничтожения запаха, а затем переносили во двор, где подгоняли по месту будущего расположения. После этого они уносились в мастерскую, где в определенное время заряжались открытой энергией двенадцать дней и ночей, чередуясь между собой и располагаясь определенным образом друг против друга, исходя из тональности и цвета янтаря, из которого была собрана панель. При этом однако не было учтено, что со временем в зависимости от структуры янтаря один камень может потемнеть, а другой стать более светлым.

Мастер понимал: чтобы настроить янтарную комнату на нужную волну, следует вложить в нее душу. Но чтобы вложить ее туда необходимо было ее саму настроить соответствующим образом, очистив от всякого ненужного хлама,

который мы всегда таскаем за собою в виде эмоций, тягостных мыслей, душевных переживаний и тому подобного. А на это нужно время, а времени у него почти не было. Не объяснишь же это королю, да он и не поймет, потому что не обладает теми тонкими знаниями, которыми владеет он – мастер великого ордена, который постоянно прячется в тени, но всегда готов протянуть руки помощи туда, куда влекут его интересы ордена.

И хотя согласно уставу ордена он был неженат, тем не менее имел «даму сердца», которая была значительно моложе его. И в силу этих обстоятельств она подмяла его и его душу под себя, выпивая ее медленно, но упорно и целенаправленно. Чтобы решить задачу, поставленную магистром, ему прежде всего надо было разделаться с ней, вылезти в буквальном смысле слова из-под ее влияния, ее энергетики, которая подавляла его своей буйной яростью и фантазией. Он не жалел на нее денег, и она жила обеспеченно, постоянно требуя от него все больше средств на свои женские причуды. Он смотрел на это сквозь пальцы. То, что она давала взамен, не шло ни в какое сравнение с материальными затратами на нее. Каждое, хоть и редкое посещение ее дома, давало ему заряд бодрости и капельку молодости, которая наполняла его оптимизмом и давала возможность двигаться вперед. Но скандалы и истерики, которые она подкрепляла все возрастающими требованиями, отбрасывали его назад. И он фактически топтался на месте, не продвигаясь по лестнице

знаний и учений, которые так были необходимы в его работе и служении ордену. Как быть? Этот вопрос постоянно выводил его из себя, и он не находил приемлемого решения. А оно было крайне необходимо, и причём в ближайшее время. Иначе король может кардинально решить проблему с ним, отправив его в заточение. И посоветоваться не с кем, надо все решать самому. Не то, чтобы он боялся, что его амурные дела вылезут наружу. Как бы он ни скрывался, руководство ордена знало о его страсти и смотрело на это сквозь пальцы, пока он справлялся со своей работой. Но если это станет тормозом в его делах, то ему несдобровать! А что, если вложить душу своей «дамы сердца» в янтарную комнату, подкрепив все это своей энергетикой?!

Приняв решение, мастер чуть ли не вприпрыжку заторопился домой. К счастью, его пассия была в прекрасном настроении. Перед зеркалом она примеряла обновки, которые ей сшила известная модистка. Накидывая на оголенные плечи ту или иную вещь, она что-то нежно мурлыкала себе под нос, любуясь своим отражением. А служанка, ползая перед нею на коленях, то поправляла ей юбку, то собирала в охапку вещи, брошенные на пол. Зайдя в комнату, мастер был ослеплен сиянием молодого женского тела и той непосредственной женственностью, которая исходила от каждого движения девушки. Она была среднего роста, пропорционального телосложения, с выдающейся вперед грудью и широкими, манящими бедрами, то есть такой, какой положено быть

настоящей немке. Ее белокурые волосы мягко ниспадали на тонкую белую шею, а голубые глаза имели всегда наивно распахнутый вид, как и выражение ее лица. Казалось, это ангел во плоти типично немецкой женщины, твердо знающей, чего она хочет, и владеющей чисто женскими приемами достижения поставленной цели.

Увидев ее во всей красе, мастер мгновенно ощутил желание обладать ею здесь же перед зеркалом. Оно заполнило его суть и приглушило разум, толкая на безумный поступок. Он уже протянул руки и сделал шаг навстречу своей мечте, предвкушая минуты «полета», как вдруг резкий голос этого воздушного создания вернул его к серой действительности.

– Даже и не думай, – сказала она. – Во-первых, ты помнешь мне платье, во-вторых, у меня нет настроения для этого, и в-третьих, тебе надо отдохнуть, чтобы не пыхтеть, как ломовая лошадь.

Он оторопел. Конечно, он знал ее вздорный характер. Она всегда поступала вопреки здравому смыслу, руководствуясь только ей понятной логикой. Но он всегда благодаря своей настойчивости и изворотливости находил пути примирения и аргументы для того, чтобы убедить ее в правильности своих действий по отношению к ней. Но в последнее время кроме вздорности в ее характере все больше стало проявляться злости, порой даже лютости, нежелания считаться с окружающими, она стала посещать какие-то тайные собрания, в которых участвовали и ее подружки, и приходила оттуда со-

вершенно другой. Ему некогда было узнать, что за собрания она посещает, но уже то, что она изменилась, по его мнению, в худшую сторону, говорило само за себя. Необходимо было что-то решать и как можно быстрее, пока она не испортилась совсем. Тогда конец всему и не только их личным отношениям. Руководство ему этого не простит.

Нужно было найти к ней подход, найти те струны души, которые дадут возможность осуществить задуманное. И они были. Это тщеславие, которое в принципе присуще каждой молодой и красивой девушке, любящей пококетничать в мужском обществе. Если ей предложить то, что он наметил, и объяснить ей, что она послужит королю и стране, то это возможно и сработает. Кроме того, несмотря на многие отрицательные черты характера, есть и те, которые так необходимы в данном случае. Она любит своих родственников, и они буквально тянутся к ней, получая не только удовольствие от общения, но и кое-какие дивиденды, опять же из его кармана. Она через него пытается пристроить их на «теплые» местечки, расписывая перед знакомыми их и свои достоинства. Это создает ей определенный имидж в обществе как добропорядочной матроны, образ которой она пытается создать. Это то, что как раз надо. Если немножко поднатужиться, то можно выделить эти качества и вложить их в янтарную комнату, которая постепенно станет развивать их, притягивая к себе не только внимание, но и решая те задачи, ради которых она и создается.

Придя в себя от резкого окрика, мастер все же подошел к ней и, сделав знак служанке удалиться, взял ее за руку.

– Дорогая, – сказал он, – мне нужно поговорить с тобой об очень серьезных вещах.

Вместо ответа она выдернула руку, снова крутнулась перед зеркалом и спросила:

– Ну как там король? Ты беседовал с ним, может ли он пристроить племянника тетушки Марты на дворцовую должность? Я же просила тебя поговорить с ним об этом. Ты говорил?

Казалось, ее рот не закроется никогда, так как она слышала только себя и видела только свое отражение в зеркале.

– Дорогая, король будет рад оказать нам содействие, но и ты должна кое-что сделать для этого. Если ты захочешь, то мы получим благосклонность короля на многие времена и в первую очередь ты, я уже не говорю о твоих родственниках. А так было бы чудесно, когда при дворе ты стала бы фавориткой, а твои племянники, сводные братья и прочие занимали бы ответственные посты в государстве!

Поначалу она пропускала его слова мимо ушей. Но постепенно смысл сказанного стал доходить до нее, ее щеки покраснелись, а дыхание участилось. Очевидно, в своей голове она уже нарисовала себе картину своего взлета и готова была действовать незамедлительно.

– Что я должна сделать для его величества? Говори скорее, не тяни!

– Ничего сложного, дорогая. Я хочу, чтобы ты свою красоту и энергетикой зарядила одну из панелей янтарного кабинета. Тем самым ты принесешь пользу королю и твоя красота станет вечной.

– Всего лишь! Так пошли, чего мы стоим?

– Не так быстро, дорогая. Если ты согласна, то надо подготовиться и провести соответствующий ритуал.

– Да, я готова, говори, что надо делать.

– Ну, во-первых, три дня поститься, а во-вторых, привести свои чувства и эмоции в порядок: никаких нервных раздражителей, никаких гостей и родственников – одно спокойствие и созерцание. Только после этого мы приступим к ритуалу, во время которого ты должна думать исключительно о своих хороших качествах, доброте, любви к своим родственникам, к королю, ну и, конечно ко мне.

– Еще чего, – фыркнула она громко.

– Когда ты достигнешь этого состояния, когда в тебя войдет гармония и ты сольешься с окружающей природой, можно будет проводить этот ритуал.

– А правда король будет рад этому?

– Ну конечно, дорогая, ты же знаешь, что все эти дни я занимаюсь только янтарной комнатой, даже на тебя не хватает времени.

– Ладно, – оборвала она его, – я согласна, давай начнем с завтрашнего дня.

На следующее утро она начала процесс очищения себя,

по тому рецепту, который он составил ей. В течение дня она читала отдельные тексты, призванные усилить ее качества, пила ключевую воду для очистки организма и единения с природой, ела только фрукты и овощи, посыпанные определенным травяным сбором, который тоже подобрал он. К ее чести, надо сказать, что справилась она с подготовкой великолепно. Не было ни одного срыва, очевидно, перспектива, которую нарисовал мастер, сильно заинтриговала ее. За это время мастер, в тайне от окружающих, установил в большой комнате центральную янтарную панель с гербом императора, которая являлась основой всей конструкции комнаты-камеры, для того чтобы провести ритуал ее зарядки.

Вечером ее повели в ванную и обмыли всю в травяных настоях, дали выпить какой-то эликсир и уложили спать. Утром четвертого дня, поднявшись в шесть часов утра, она выпила травяной настой, который привел ее в состояние абсолютного покоя, одели в воздушную шелковую пелерину и мастер торжественно за руку повел ее в ритуальную комнату. Здесь, в центре зала, стоял стол, на котором горели свечи, отражавшиеся в зеркале, поставленном возле стола так, что их свет падал на янтарную панель, лежащую на нем. Двигаясь, как во сне, она позволила уложить себя на эту панель, лицом к зеркалу, а руки развели в стороны так, словно она обнимала панель. Сняв все одежды, на ее голову надели золотой обруч, который соединили с руками и янтарной панелью золотыми и серебряными нитями. Проведя все под-

готовительные работы, мастер, перед тем как приступить к ритуалу, осмотрелся. Вроде все в порядке, все сделано, как надо. Просматривая каждую деталь, он не мог налюбоваться этим великолепным женским телом, безвольно лежавшим перед ним с широко разведенными ногами и мерно, в такт дыханию колышущейся грудью. Все это отражалось в зеркале, проецирующем под воздействием света всю картину на панель.

Ну что ж, пора приступать. Мастер махнул рукой и в соседней комнате заиграла арфа. Ее звуки постепенно заполняли все пространство, убирая негативный фон и настраивая на радостный лад. В такт музыке мастер стал ходить вокруг стола, делая определенные пасы в сторону лежащей женщины. Когда звуки арфы поднялись на небывалую высоту, к ним присоединилась лютня, и мастер стал читать в растяжной тональности и последовательности какие-то тексты, призванные усилить те ее качества, которые необходимы были для зарядки панели. После прочтения каждого из них он подскакивал к лежащей женщине, трогал ее за голову, в результате чего она напрягалась и широко открывала глаза, затем подбегал к зеркалу и направлял его на отдельные элементы панели. Темп музыки и движения мастера все более убыстрялись, казалось, комната пошла кругом от взлетающих в воздух фалдов его черного халата. И в какой-то момент, наклонившись над женщиной, он рукавом халата сбил горящую свечу на ее нежное тело. Она мгновенно, словно

проснувшись, подскочила на столе, уставилась ничего не понимающими глазами на мастера, затем на себя, спрыгнула со стола, сорвала с головы золотой обруч и запустила им в мастера, после чего, грязно ругаясь, убежала из комнаты.

В комнате внезапно наступила тишина, только крутилось зеркало и шипел расплавленный воск горящих свечей. Шокированный мастер схватился за голову и опустился на корточки возле панели. «Все пропало», – была его первая мысль. «Что теперь будет? Как выйти из этой ситуации? А может все обойдется, ведь что-то же удалось перенести на панель и зарядить ее. Что-то же там осталось! Значит оно и будет работать хоть в каком-то качестве». Успокоив себя и приняв решение, он быстро снял панель и доставил ее обратно в мастерскую, надеясь на то, что никто не узнает о случившемся.

Наконец все панели были готовы и настало время основной зарядки трех главных элементов конструкции, которые должны были концентрировать энергию на заранее выбранную точку. Астрономы ордена рассчитали день и время, наилучшим образом подходящие для этого действия. Все панели перевезли и собрали в кабинете, причем перевозка и сборка производилась мастерами в специально сшитых для этой цели перчатках.

И вот настало время действия. Фридрих, архитектор и магистр торжественно вошли в почти полностью смонтированный кабинет и встали на отведенное каждому из них ме-

сто: Фридрих посередине, магистр справа, а архитектор слева от короля. Перед каждым из них находились панели, которые они должны были зарядить своей энергетикой. Мастера толпились в дверях кабинета, наблюдая за происходящим с любопытством. Им до окончания церемонии было запрещено входить туда. Фридрих был поражен увиденным. Утреннее солнце, пробиваясь из-за туч, изредка освещало комнату и его лучи ярко играли на панелях, оживляя и наполняя их почти осязаемой теплотой, однако, когда солнце закрывали тучи, центр восприятия перемещался на более темные части панелей, которые при свете двенадцати горящих свечей мерцали особым, завораживающим и притягивающим к себе светом, создавая необычную световую гамму. Все это мерцало и переливалось, чередуясь игрой тени и света, особый колорит которому придавали специальным образом расставленные метровые свечи. На лице короля застыла самодовольная улыбка. Еще бы: то, о чем он мечтал, почти претворялось в жизнь. Вот оно, воплощение прусской аккуратности и экономии! Только его нация могла создать такой шедевр, которого не было ни у одной монаршей особы в мире. А если это творение еще будет работать в нужном русле, тогда его усилия, направленные на решение архисложных государственных задач, будут успешно продвигаться более быстрыми темпами. Да, наверное стоило потратить определенную сумму для того, чтобы получить это чудо. И чувствуешь здесь себя достаточно комфортно. Эти мысли мелькали

в голове Фридриха, когда он подошел к специальному приспособлению, на котором лежала янтарная панель с его вензелями.

По знаку магистра король и архитектор положили две руки на центральные части лежащих перед ними панелей и замерли на несколько секунд, отдавая свою энергетику, свои сокровенные мысли холодному камню, который постепенно под их воздействием стал медленно нагреваться и светлеть. Все застыли в ожидании. Воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивали свечи, беспорядочно мигая, как бы изменяя привычную картину, а оплывший воск с тяжелым стуком стал стекать на подставки и растекаться по полу. Хрипло дышал мастер, который был не в силах сдержать дрожь в своих руках. Потому он крепко сжал губы, пытаясь убрать охватившее его волнение.

Так продолжалось какое-то время. Наконец король убрал руки со своих вензелей и вопросительно посмотрел на магистра. Тот кивнул мастеру, и они одновременно сняли руки со своих янтарных панелей. Мастер, не переставая дрожать, с трудом передвигаясь, направился к центральной стене кабинета и подозвал к себе толпившихся в дверном проеме подмастерьев. По его знаку они приступили к монтажу. Сначала поставили левую панель, которую заряжал магистр, затем правую архитектора и наконец в специальные пазы водрузили по центру панель Фридриха.

Они работали в полной тишине, и казалось, все остает-

ся на своих местах, так же горят, потрескивая, свечи, молча стоят король и магистр, наблюдая за происходящим. Но когда замерли последние щелчки крепления, через несколько секунд, как бы играя, проскочила по панелям молния света, заставившая свечи беспорядочно замигать, и их колебания создали причудливые тени, которые, изгибаясь, заскользили по комнате. Затем все на мгновение погрузилось во тьму, из которой постепенно стали проступать изображения вензелей короля Фридриха на центральной панели, и весь янтарь наполнился сначала каким-то неестественным светом, а затем стал приобретать свой природный оттенок. Все невольно вздохнули, пораженные увиденным. Однако только мастер обратил внимание на то, что центральная панель как бы изнутри продолжала светиться этим непонятным светом, который постоянно менял оттенки, как бы подбирая известную только ему световую гамму напряжения.

Все принялись поздравлять короля, который с довольным видом стоял посередине кабинета и благосклонно кивал в ответ на комплименты. Довольны были и магистр, архитектор и мастер, которым казалось, что они выполнили свою задачу. Эти поздравления частично относились и к ним, так как почти все вельможи подходили позжать им руки. Наконец Фридрих одобряюще кивнул в их сторону и решительным шагом вышел из кабинета, сопровождаемый толпой придворных, присутствовавших на церемонии. Оставшиеся исполнители этой грандиозной идеи еще раз осмотрели свое тво-

рение и, переглянувшись друг с другом, двинулись вслед за свитой.

Теперь необходимо было осуществить тонкую настройку панелей и доделать недостающие детали янтарного кабинета. Учитывая напряженность с финансированием и малым наличием запасов янтаря, решили это делать быстрыми темпами, не дав отстояться янтарным панелям в новом помещении должным образом. По всей разделенной таможнями и границами Германии, из знатных семей подобрали 7 девочек и 7 мальчиков в возрасте до 12 лет, обладающих музыкальным слухом и соответствующими голосами. Они были доставлены во дворец. Для детей были сшиты специальные белые одежды и обувь. Перед днем настройки панелей они были выкупаны в трех водах со специальными травяными смесями и накормлены специально приготовленной для них растительной пищей. Их привезли во дворец, где переодели в приготовленные одежды и выстроили в янтарном кабинете вокруг точки предполагаемого фокусирования энергии, в центре которой стояло специально изготовленное бронзовое зеркало, установленное под определенным наклоном, который должен был заставить поток будущей энергии выбрать заранее указанный ему путь в пространство.

Настройку проводил член ордена, обладающий необходимым опытом. Дети были выстроены вперемешку лицом к панелям, чтобы их голоса совпадали со звуковыми колебаниями панелей. Настройщик ударял специальной палочкой по

панели и заставлял девочку и мальчика в унисон брать соответствующий звук, корректируя их тональность с тональностью панели, добиваясь только одному ему известного звучания. Из кабинета до слуха любопытствующих служителей доносились то небесной, тонкой чистоты голоса, то басистые звуки, то даже звуки, напоминающие рычание диких зверей.

Когда предварительная настройка была проведена и дети, освоившись, стали работать синхронно, как один организм, приступили к основной фазе настройки. Она началась в полнолуние. Дети чувствовали себя более уверенно, однако волновались очень сильно. Это было видно по их бледным лицам, которые еще оттенялись белыми одеждами. Они стояли, словно призраки, в колеблющемся свете всего одной большой свечи, воск для которой был собран с четырех пасек страны, расположенных по сторонам света: на юге, западе, севере и востоке. Она распространяла вокруг себя приятный запах, который действовал на детей успокаивающе, и они жадно ловили его ртом, когда он достигал того места, где они стояли. По сигналу настройщика дети начали петь сначала отдельными голосами, затем все хором, замирая на мгновение по велению настройщика, и вновь продолжая петь.

Созданная их голосами какофония звуков, казалось бы, не имела никакой мелодии, тем не менее она производила особое впечатление на служителей двора, находившихся неподалеку. Звуки то поднимались высоко, и от их звучания закладывало уши, то резко падали вниз, подобно водо-

паду, разбиваясь на отдельные голоса, сочетающие определенную тональность, то неслись ровно, словно лошади в галопе, стараясь догнать ранее ушедшие вперед ноты. В период этой «кантаты» архитектор ходил со свечой по комнате, подправляя панели и фокусируя их на зеркало, которое то дрожало мелкой дрожью, то искрилось от света свечи, который усиливал мертвенно-белый цвет луны. Отрегулированные панели как бы приобретали совершенно другой оттенок и по ним медленно, а кое-где и быстро переливались волны света непередаваемого оттенка. Наконец архитектор отрегулировал последнюю панель и махнул рукой. Хор замер и в янтарной комнате наступила тишина. Уставшие дети открыли глаза и ахнули от удивления. Комната была наполнена густым янтарным цветом различных оттенков, который, смешиваясь с запахом горящей свечи, перекрывал свет круглой луны, струившийся из окна и наполнявший всю комнату снизу вверх. Всем присутствовавшим стало казаться, что они, поднявшись ввысь, плывут по небу куда-то в манящую даль, переходящую в бесконечность, а внизу вместо пола – плотный лунный свет, который медленно от ног поднимается все выше и выше, постепенно охватывая кисти рук, доходя до плеч, и казалось, еще мгновение – и всех охватит бледное холодное пламя, которое поглотит все.

Преодолев оцепенение, архитектор дунул на свечу, и та, отразившись последний раз своим светом в янтаре, мгновенно погасла. Остался только лунный свет, который поте-

рял свою заволаживающую привлекательность и стал ужасающим и отталкивающим. Настройщик, смахнув пот с лица, взял за руку ближайшего к нему ребенка и направился к выходу. Остальные, следуя за ним, вышли из комнаты, в которой остались только магистр и архитектор.

– Ну что, – сказал магистр, – кажется, дело сделано, теперь надо установить здесь стол и кресла для посетителей слева и справа, дать кабинету отстояться, ну и начать действовать.

– Полностью согласен с вами. Однако на душе что-то мрачно. Терзает сомнение, все ли мы сделали правильно? Ведь малейшая неточность может сыграть с нами злую шутку, вызвав обратный эффект, или повернуть потоки энергии не в ту сторону. Что из этого выйдет, трудно себе представить.

– Ничего, надеюсь, все будет хорошо, – ответил магистр. – Мы завтра же проведем специальную мессу в честь успешного окончания наших дел.

– Я бы хотел, чтобы это было не окончание, а успешное начало нашей работы, ведь предстоит еще доделать кое-какие детали к панелям, – мягко возразил архитектор.

И магистр с ним молча согласился, кивнув в ответ.

Так, переговариваясь, они не торопясь вышли из комнаты. Последним шел архитектор. Приостановившись, он бросил взгляд в глубь кабинета и, двумя руками взявшись за медные ручки, закрыл высокие белые двери, которые с большим тру-

дом встали на место, причем правая, как бы более тугая, закрылась с каким-то щелчком. От этого щелчка по касательной задрожал паркет. Эти колебания, едва заметные человеческому глазу, перешли на янтарные панели, и центральная из них, не укрепленная в пазах должным образом, сдвинулась и едва заметно перекосилась. Это вызвало волну колебаний по всем панелям. От этого их свет стал хаотично меняться, а затем замерцал совершенно другим оттенком, чем при настройке. Однако архитектор этого не видел, он медленно, уставшими шагами догонял шедшего впереди магистра.

Через несколько дней в янтарном кабинете установили письменный стол Фридриха, сделанный из орехового дерева с бронзовыми письменными принадлежностями и креслами для посетителей слева и справа от стола. По распоряжению короля принесли туда часть деловых бумаг, которые требовали незамедлительного решения. В один из дней в кабинет пришел Фридрих и стал работать с документами, подписывая и сортируя их по содержанию. Примерно через час у него начали болеть виски, а затем появилась слабость, которая полностью парализовала его. Собравшись, он волевым усилием заставил себя встать и на ватных ногах вышел из кабинета. По мере удаления от него самочувствие его улучшалось. Приписав эти симптомы общему недомоганию, король буквально через день наведалься в янтарный кабинет. Однако и в этот раз он почувствовал, что не в состоянии не

только работать, но и находиться в этом кабинете. Буквально через неделю, после посещения королем янтарной комнаты во дворце стали происходить странные вещи. В двенадцать часов ночи над комнатой поднимался световой столб, уходящий далеко в небосвод, в ореале которого, колебаясь, мерцали едва различимые фигуры. На закрытых на ночь окнах колыхались и раздвигались занавески. Сами по себе во всем дворце гасли и вновь вспыхивали свечи, а пустые, еще не оформленные комнаты дворца наполнялись неведомо откуда несущимися голосами и криками. Все это явилось сдерживающим фактором, который не позволил королю Фридриху переехать в новый берлинский дворец. Прислуга была перепугана и начала массово бежать оттуда. Наконец в одну из лунных ночей, в период, когда эти явления были наиболее интенсивными, янтарные панели рухнули со всех четырех стен, отбросив к выходу письменный стол со всеми находящимися там бумагами, которые веером рассыпались по полу.

На следующее утро король, узнав об этом, пришел в ярость. По его приказу было заведено дело о государственной измене. Готфрид Туссо был арестован и окончил свои дни в тюремных застенках, а архитектор Шлюттер был с позором изгнан из страны. Ранее оттуда выехал и великий магистр, который понял, что задуманная им программа не сработала. О государственной измене под барабанный бой говорилось на всех площадях Пруссии. Это было сделано для того, чтобы нейтрализовать упорно ходившие в народе слухи

о непонятных вещах, которые происходили во дворце. Изгнание главных виновников этого и прекращение деятельности ордена розенкрейцеров должны были положить конец их распространению.

Янтарные панели были срочно разобраны, сложены в специально изготовленные ящики обитые черной материей и складированы в подвале королевского замка.

Пребывание в янтарном кабинете сказалось и на здоровье короля. Его периодически бросало то в жар, то в холод, а по ночам снились кошмары, заставлявшие учащенно биться сердце, которое отдавалось колокольным звоном то в голове, то в ногах, вынуждая тело покрываться липким потом. Приглашение знаменитых немецких и заграничных врачей, применение пиявок для борьбы с «дурной» кровью и различной микстуры, сделанной по старинным рецептам, не дали положительных результатов. В 1773 году Фридрих I покинул этот мир, так и не выполнив задуманной им и почти реализованной задачи.

На трон взошел его сын Фридрих-Вильгельм I, который не проявлял особого интереса к пылившимся с 1709 года ящикам с янтарными панелями. Тем более, что в народе о них шла дурная слава и даже служители дворца опасались входить в те комнаты подвала, где они находились. Там происходили какие-то скрытые, невидимые глазу процессы. Периодически они набирали такую силу, что подвал озарялся на мгновение белым светом, а над дворцом появлялся светя-

щийся столб, основание которого упиралось в подвал.

Новый король по своему характеру был похож на Фридриха I. Та же скупость, мелочность, пунктуальность во всем делали его истинным наследником своего отца. Он ставил перед собой те же задачи и мечтал о славе, которая сопровождала его предшественника. Однако он понимал, что нужен надежный союзник, который не только силой своей военной мощи, но и одним упоминанием о дружбе с ним может поддержать нового короля, позволит завоевать авторитет среди европейского королевского сообщества и прежде всего в разделенной Германии. И здесь в поле его зрения попадает стремительно восходящая новая звезда – российский царь Петр I.

Успешно разгромив шведского короля Карла XII и упрочив свое положение на троне, Петр решил совершить турне по Европе, чтобы не только поучиться «уму-разуму», но и заявить о себе. В ходе этого познавательного визита он попадает в гости к Фридриху-Вильгельму I. Перед молодым королем Пруссии встала задача: как привлечь на свою сторону амбициозного русского императора? И тут ему приходит в голову неожиданная мысль – подарить царю Петру I янтарный кабинет, который стоит значительных денег, что само по себе немаловажно, плюс к этому он обладает еще определенными свойствами, которые могут в перспективе послужить хорошую службу для страны. И король сделал хитрый ход: с одной стороны, он избавлялся от проблемы, последствия

которой были непредсказуемы, но в будущем могли принести большую пользу. Кроме того, средств в казне для окончательных работ над янтарным кабинетом не было. С другой стороны, учитывая интерес царя ко всему необычному, он делал ему поистине королевский подарок и взамен получал дружбу и поддержку победителя самих шведов, которые считались одними из лучших солдат в Европе.

Срочно вызвав к себе министра двора, он дал ему команду немедленно найти мастеров, делавших янтарный кабинет, вытащить из подвалов ящики и развесить панели в той же комнате, для которой они предназначались, для того чтобы показать их по приезду царю Петру I.

Пригласив к себе главного специалиста по янтарным изделиям, участвовавшего ранее в качестве подмастерья при изготовлении янтарной комнаты, король решил с ним посоветоваться.

– Дело в том, – сказал он, – что мы не можем влиять на Россию силовыми методами. Она в этом плане уже достаточно сильна, и многие, не поняв это, потеряли очень много. Нужно искать другие пути воздействия, которые бы дали нам возможность незаметно и постепенно внедриться в ее тело и потихоньку развернуть эту страну в нашу сторону. Прямая угроза объединяет русских, а перед тайными действиями они беззащитны. Сможет ли наша янтарная комната в таком незавершенном состоянии сыграть эту роль, притягивая к себе и распределяя по необъятным просторам этого госу-

дарства наших соотечественников? А через них распространять повсеместно немецкий дух и немецкий порядок. Русский царь Петр еще молод, но хочет навести порядок в стране, не понимая, что в этом их беспорядке и состоит их сила и есть суть их высшего порядка, а от порядка в нашем понимании они быстро зачахнут. Вот поэтому мы и должны помочь ему, подарив нашу янтарную комнату. Пусть он ее доделает. И тогда она, соединяя в себе эти два начала, работает, вбирая на русском поле и наших соотечественников, и наши планы, которые мы рассчитываем с ее помощью реализовать. Как ты считаешь?

Мастер, тоже являясь членом известного ордена, молча стоял, склонив голову набок и прикидывая, как решить задачу, которая родилась в голове короля. Очевидно, он давно вынашивал эту идею и сейчас она в новых обстоятельствах окончательно сложилась и требовала выхода наружу. Запустить все в работу должен был он, мастер. Это была очень большая ответственность, которая не допускала малейшего промаха. Правда, янтарная комната почти готова. Но нет денег на ее окончательное завершение. Но эта проблема отпала, раз уже было решено подарить ее русскому царю. Но как быть дальше, как совместить, а главное – как настроить немецкий и русский янтарь, чтобы комната стала решать поставленные перед ней задачи? А вдруг русские не будут доделывать ее какое-то время? Тогда как? Как ее настроить в таком, не доведенном до конца состоянии? Надо еще раз ее

осмотреть и кое-что подделать, хотя основные элементы готовы – это главные панели с гербами Фридриха. Очевидно, для более сильного их резонирования необходимо усилить боковые элементы, расположив всю конструкцию по сторонам света, сфокусировав основную часть на Восток, в Россию.

Воспользовавшись паузой в речи короля, мастер осторожно ответил:

– Я думаю, это можно сделать. Кое-что доделаем из имеющегося материала, а для установки комнаты пошлем своего специалиста, который там и соберет ее так, как нам надо. Сколько у нас есть времени, Ваше Королевское Величество?

– Я думаю, дня три-четыре, не больше, – ответил король.

– Я сегодня же скажу царю Петру о подарке и покажу его отдельные фрагменты в вашей мастерской. А вы снимите его личные характеристики с тем, чтобы потом внести их в настройку янтарной комнаты.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – и мастер тихо удалился из кабинета короля.

Фридрих, проводив его взглядом, повернулся к окну и задумчиво стал смотреть на раскинувшийся дворцовый парк, разбросавший свои дорожки в разные стороны от дворца. Одни были прямые, как трость короля, другие затейливо терялись среди кустов, то пропадая из виду, то появляясь вновь в самом неожиданном месте. «Вот так и мы будем действовать: тихо и неожиданно, – подумал король, представ-

для себе перспективу возможных действий с использованием янтарной комнаты. – Если умело поставить дело и расположить комнату в Петрограде, то она начнет притягивать к себе все и вся, перерабатывая и перенаправляя энергию туда, куда она будет сориентирована. Это даст возможность не только потихоньку, исподволь управлять этой «дикой» страной, но и наполнить бюджет королевства. Надо будет дать указание, чтобы немцы, работающие там, часть денег привозили в фатерлянд. Кроме того, надо поощрять их продвижение в Россию и ставить конкретные задачи по освоению территории и созданию немецких анклавов в наиболее перспективных местах. А в столице постепенно продвигать своих людей к вершинам власти, ближе к трону, тем более, что для этого сейчас есть все необходимые условия».

Эти мысли постепенно распалили короля, и от нарисованной им самим картины ему стало жарко. Он широким жестом резко расстегнул мундир и устремил свой взор в парковый ансамбль, который постепенно исчезал из его поля зрения, открывая необъятные просторы России.

Приказ короля был выполнен в течение недели, однако помня о ранее случившемся, центральные панели мастера поставили в самый последний момент, когда король и царь, осмотрев почти весь дворец, медленно приближались к комнате.

Когда они подошли к дверям, по команде короля двери распахнулись настежь и изумленному взору царя Петра I от-

крылась необычайная картина. Потоки солнечного света озарили всю комнату, и она засияла ярко желтыми оттенками, искрясь и переливаясь по мере того, как солнечные лучи согревали ту или иную панель, а те в свою очередь отбрасывали солнечные зайчики на другие панели, и, так играя, они создавали необычную мозаику, состоящую из солнца, света и янтаря. Петр I замер на несколько секунд у входа, затем стремительно влетел в комнату и стал быстрыми шагами переходить от одной панели к другой, рассматривая в упор эту красоту. Когда он успокоился и остановился у панели с вензелем прусского короля, Фридрих-Вильгельм I довольный произведенным впечатлением, с улыбкой подошел к царю и тихо-нечко произнес:

– Мой уважаемый гость, разрешите в честь вашего визита к нам и в знак дальнейшей нашей дружбы подарить вам эту янтарную комнату, которая, как я думаю, станет одним из украшений вашего нового дворца.

Петр I от неожиданности дернулся, круто повернулся на каблуках, так что даже закрипел паркет, несколько секунд внимательно смотрел на короля, словно вопрошая, не услышался ли он, а затем произнес:

– Мой дорогой друг, такие подарки просто так не делаются. Я, конечно, зело признателен за столь дивный презент, однако каждый из них имеет свою цену. Что вы хотите за него? – и он вопросительно взглянул на короля.

– Сущую безделицу: иметь в Вашем лице верного друга

и союзника, готового в любой момент протянуть руку помощи. Это бы давало моему народу и королевству ощущение безопасности и возможность уверенно решать вопросы мира и безопасности в стране.

Немного подумав, Петр I ответил:

– Я согласен, – и протянул руку королю.

Обменявшись рукопожатиями, они вместе вышли из комнаты и, беседуя о будущем союзе, направились в обеденный зал, где их ожидали придворные и обед, приготовленный в лучших традициях немецкой кухни. За столом было произнесено с обеих сторон много тостов о дружбе и мире между двумя государствами.

Вечером, придя в отведенные ему апартаменты, царь Петр I дал указание связаться с А.Меньшиковым для организации доставки янтарной комнаты в Санкт-Петербург. Затем он, сняв сапоги, завалился спать на кровать, застеленную шикарную периной.

Буквально на следующий день янтарный кабинет под руководством русского посланника при прусском дворе графа А. Головинова был разобран. Панели тщательно обернули фланелью, переложили соломой и сложили в восемнадцать больших деревянных ящиков, которые от сырости и дождя обернули провощенной бумагой. Весь груз занял восемь больших телег, в которые запрягли по две огромных, немецкой породы ломовых лошади и в сопровождении небольшой охраны отправили в Россию. Когда впрягли ло-

шадей, то те стали проявлять беспокойство: храпели, вставали на дыбы и пытались перевернуть повозки. Для того чтобы их успокоить и впрячь в телеги, пришлось закрыть им глаза. А затем сделали специальные кожаные шоры на глаза, которые дали возможность более-менее спокойно доставить груз по месту назначения.

Петр I присутствовал при погрузке и вручил пакет с распоряжением флигель адъютанту и письмо к своим близким, в котором писал о приеме в Пруссии и о том, что «Получил зело приятный презент...». Груз в целости и сохранности был доставлен в Санкт-Петербург, передан по описи казне и складирован в одном из подвалов Зимнего дворца, где и пролежал до 1723 года. Важные государственные дела отвлекали государя от немецкого презента, и только в 1723 году он вспомнил о нем и дал приказ достать янтарный кабинет из подвала и собрать в одной из комнат Зимнего дворца. Приказ был исполнен российскими мастерами, даже не догадывающимися о секретах этого изделия. На это ушло около недели. Когда, наведя последний лоск на янтарных изделиях, мастера закрыли дверь, над комнатой ввысь ударил белый столб света, а вороны, спокойно сидевшие до этого на деревьях, вдруг резко засуетились и, поднявшись тучей в воздух, долго кружили над дворцом, непрерывно и возмущенно галдя. После этого у царя пошли сплошные неприятности и в военном, и политическом, и личном плане.

Кроме того, Петр I начал демонстрировать эту «красоту»

своим придворным и иностранным гостям, стал часто задерживаться здесь, разбирая государственные бумаги. Это не могло не отразиться на его здоровье. Он начинает себя плохо чувствовать, и в 1724 году покинул этот мир, не оставив никаких указаний о своем преемнике. На царский престол вступила его супруга Екатерина, которая довольно часто заходила в янтарную комнату, где любила сидеть при свечах, наблюдая за игрой света на янтарных панелях. Такая тяга к «прекрасному» закончилась и для нее печально. В 1727 году ее не стало.

А кабинет, словно перестроившись в новых географических условиях и пространстве, начал постепенно работать, вытягивая в зону своего влияния немцев, которые со всех сторон устремились в Санкт-Петербург и достигли определенных высот у монаршего трона. Используя мощную энергетику янтарного кабинета, они умножали свое состояние и делали карьеру, часто верой и правдой служа Российской короне.

****

Прочитав это донесение, я вынул очередное, написанное уже другим хранителем и подтвержденное настоятелем Сестрорецкого монастыря. Оно сообщало о том, что следующим обладателем янтарного кабинета стала дочь царя Петра I – Елизавета. Вступив на престол, она внутренне ощутила необычность янтарного подарка и его взаимосвязь с проис-

ходящими событиями. В одной из бесед со своим духовным наставником она поделилась своими сомнениями. Именно эта беседа и стала причиной того, что было принято решение об энергетической, духовной «очистке» янтарного кабинета. По ее приказу из Сестрорецкого монастыря было отобрано 13 монахов наиболее опытных в духовном плане. Перед ними была поставлена задача совершить это необычное «очищение» имеющимися в их распоряжении методами.

Три дня и три ночи они готовились к этому действию, проводя их в постах и молитвах. На четвертый день, получив благословение у настоятеля, они прибыли ко двору. На следующий день по прибытии они строго по чину, один за другим вошли в янтарную комнату ранним утром. Каждый держал в руке горящую восковую свечу. Встав в центре комнаты, они образовали круг, ощущая локтями друг друга, и начали поочередно, а затем все вместе читать молитвы и петь псалмы. Начало этому положил один из монахов, ставший на колени в образованном круге с большой свечой в руках. Через час его сменил другой монах, еще через час – третий и так продолжалось до глубокой ночи. Отчитавши свое, монах вставал с колен, гасил остаток свечи в золотой церковной чаше и клал огарок в специальный осиновый ящик, брал новую свечу, зажигал ее от лампы и снова становился в круг. Так они молились круглосуточно несколько дней.

Как рассказывали потом монахи, янтарные панели стали постепенно менять свой цвет, который колебался от яр-

ко-желтого до ярко-красного, затем по ним пошли цветочные волны, которые соединялись в середине основной панели, накаляясь до ярко-белой синевы, которая потом волнами выстреливала в монахов, ставших на колени и продолжавших читать молитвы с закрытыми глазами. Потом вся эта цветовая гамма превратилась в яркий столб света, который стал кружить над монахами, не покрывая их, затем поднялся до потолка и вырвался наружу через крышу, уходя далеко в небо. Внезапно свет погас, только янтарные панели еще какое-то время светились во внезапно наступившей темноте, а затем постепенно угасли, продолжая отдавать холодные лучи, от которых сразу стали замерзать руки. Все свечи, которые держали монахи, внезапно погасли, кроме той, которая находилась в центре зала. Монахи встали с колен и, подняв упавших без чувств своих собратьев, медленно вышли из зала. После этого туда вошли настоятель и дьякон и окропили янтарный кабинет святой водой. Так закончился процесс очищения янтарного кабинета Фридриха Первого.

Царица Елизавета Петровна, приняв отчет настоятеля Сестрорецкого монастыря, запретила заходить в янтарный кабинет и сама, порой проходя мимо закрытых наглухо дверей, старалась прошмыгнуть как можно быстрее. Следовавшие за ней сановники и придворные говорили: «...да разве, матушка, так можно быстро бегать, ить за тобою и успеть-то тяжко». На что она отвечала, что и покойная матушка, императрица Екатерина, также недобрым словом воспомина-

ла время, проведенное ею в этой «зело непростой табакерке». Так и стояла эта янтарная комната закрытой, пока Елизавете не пришла в голову мысль изменить конфигурацию кабинета. С этой целью она пригласила к себе архитектора Растрелли и прямо поставила перед ним задачу о демонтаже янтарного кабинета и его реконструкции в любом другом месте. Знаменитый Растрелли предложил Царское Село. Получив согласие императрицы, он выехал на место. Осмотрев дворец, архитектор выбрал подходящее место в левом крыле здания и принялся за наброски эскизов будущего творения. При этом он старался учесть специфику дворца, его воздушные, зеркальные залы. Введя зеркала как один из основных элементов, оживляющих янтарную комнату, он тем самым нарушил ее астральную силу. На состоявшемся приеме у Елизаветы Петровны он показал ей сделанные в цвете эскизы и получил высочайшее разрешение на «творение оно-го». При этом императрица пожелала сама выехать в Царское Село и на месте осмотреть, как все будет выглядеть.

Далее источник сообщает, что, находясь в Царском Селе, «Ее императорское Величество, в Высочайшее свое присутствие в Царском, через Обер-Архитектора повелела, Июля 11 дня, Бригадиру Григорьеву, чтоб из Зимнего дома янтарный кабинет, через убиравшего оный янтарного мастера Мавртелли, со всякою осторожностью собрав, поднять и, уложив в ящики, перенести солдатами на руках в Царское, под присмотром самого мастера и ему опять убрать оным

янтарем во дворе царскосельском покой, который Ея Величество для сего назначен будет».

Отлитые на Петербургских заводах зеркала, обрамленные в янтарные панели, сделанные из янтаря, добытого в Украине, в корне изменили конфигурацию янтарной «табакерки». Когда они были готовы, а комната в Царском Селе приведена в надлежащий вид, состоялся перенос панелей янтарного кабинета. Аккуратно сложенные в большие деревянные ящики, они были на руках доставлены солдатами во дворец. Для этого понадобилась почти неделя. Весь процесс напоминал крестный ход. Впереди шли монахи, распеваящие псалмы, за ними – барабанщики, задававшие ритм движению, а следом шли солдаты, несущие на руках ящики. Затем шествовала резервная группа солдат, которая менялась через каждый час. Замыкала всю эту процессию карета, в которой ехали архитектор Растрелли и мастер Маврителли. Собранный в конце 1755 года кабинет преобразил Царское Село, придав ему законченный вид и какую-то воздушность. После сборки янтарный кабинет по настоянию императрицы был снова освящен.

Метаморфоза, произошедшая с янтарным кабинетом, положительно отразилась на дальнейших политических событиях. Начав функционировать в совершенно новом виде, географическом, геометрическом и астральном режиме, он на время теряет ту силу, ради которой был создан.

Другой рапорт, который лежал рядом с первым, дает ана-

лиз событий, прошедших с этого времени. После окончательной сборки и освящения янтарного кабинета Елизавета Петровна сразу в 1756 году вступает в семилетнюю войну против Пруссии на стороне Австрии и Франции. Русские войска, ведомые генерал-аншефом П.С. Салтыковым, занимают всю восточную Пруссию и, что примечательно, сам город Кенигсберг, в котором добывался янтарь для кабинета. Затем стремительным броском они врываются в Бранденбург. Нельзя сказать, что это были сплошные победы. Война есть война. Были и отступления, и проигранные битвы, но военная инициатива была на стороне русских войск и их союзников. В конце концов, русская армия в 1760 году штурмом берет Берлин и получает с него солидную контрибуцию. Перестроенный янтарный кабинет не может ничем помочь прусскому королю. Казна его пуста, армия разгромлена, страна истощена войной и нужно искать денежные средства для выплаты контрибуции победителям.

Примерно в этот же период начинается отток прусских поданных из Петербурга, обосновавшихся здесь еще во времена правления Анны Иоановны. Кстати, она тоже ощутила на себе «объятия» янтарного кабинета, попав под влияние бывшего своего камердинера Иоганна Бирона. Его буйная фантазия была непредсказуемой не только в любовных утехах с ней, но и в управлении государственными делами и всяких затеях, которыми отличалось правление царицы. Чего стоит только знаменитая свадьба придворного шута Кульковско-

го! Она отмечалась в специально построенном ледяном доме высотой более 6 метров и длиной около 17 метров, холодном, как и сердце императрицы по отношению к своему народу. Кроме того, что новобрачных положили на ледяную постель без ничего и заставили здесь провести ночь, так и само шествие к этому ледяному дворцу отличалось своей необычностью. Впереди в золотой карете ехала сама императрица, естественно с милым сердцу сопровождающим, затем следовал слон, на котором в клетке сидел придворный шут со своей новобрачной, качаясь из стороны в сторону в такт движению животного. Затем бежали олени, за которыми ехали новгородцы на паре козлов, малороссияне на волах, чухонцы на ослах, татары на свиньях, калмыки на верблюдах и так далее, демонстрируя множество народов и народностей, составлявших суть России. И таких пар было 50. Народ, конечно, хохотал, но умные люди призадумались. Безусловно, это отразилось на судьбе Анны Иоановны. Нынешний год правления стал для нее последним.

Таким образом, часть пруссаков была отстранена от государственных должностей, часть добровольно покинула северную столицу и переехала в другие города и страны.

Но, как оказалось, это были временные победы. Янтарный кабинет, освоившись в новом для себя качестве и самоутвердившись согласно заложенным в него тонким энергиям, частично изолировав внедренные в его основу новые архитектурные конструкции, снова начал работать в нужном ему ре-

жиге. Для этого ему понадобилось ровно 7 лет. И первой его жертвой стала императрица Елизавета Петровна, которая в канун Рождества 1761 года внезапно умирает. На трон вступает Петр III, который без объяснения причин немедленно прекращает войну с Фридрихом II, заключает с ним союз и возвращает завоеванные территории без выплаты контрибуции. Этот союз, который было трудно логически обосновать, способствовал тому, что к трону снова стали приближаться выходцы из Германии. Окружив наследника, они потихонечку вплетали в государственную ткань управления свои правила игры. А царь Петр III сразу проникся таинством янтарного кабинета и стал проводить там достаточно длительное время, решая многие государственные дела. Такое государственное «бдение» закончилось известным уже образом. К власти в России приходит императрица Екатерина II. Зная о магической силе янтарного кабинета, она снова призывает на помощь монахов. На этот раз они привезли с собою черные рясы и одежду святых, собранную по скитам и монастырям. Три дня и три ночи монахи на коленях проводили таинство молитвы и освящения этого странного кабинета. Двое монахов не выдерживают этого противостояния и умирают от сердечного приступа. На смену им приходят другие, которые со смирением продолжают начатую службу. Кабинет снова оживает в лучах горящих восковых свечей, начинает играть красками и бликами света, передавая их от одной панели к другой, словно стараясь что-то спря-

тать от таинства обряда, который неумолимо нащупывает и уничтожает то, что скрывается за этим светом. Густой запах воска намоленных свечей постепенно покрывает янтарные панели одну за другой, заставляя гаснуть яркие блики света, которые в панике мечутся, сталкиваясь и разбиваясь на тысячи отдельных искорок. Постепенно он гаснет, и свечи наполняются ровным светом, который мерно отражается от ставших матовыми панелей. Наконец таинство очищения заканчивается. Монахи выводят своих уставших собратьев и накрывают янтарные панели одеждой святых старцев. Кабинет надолго остается выключенным из пространства. Как результат, активизируется внутренняя и внешняя деятельность России, укрепление ее авторитета в мире, расширение пространственных связей и подъем государственной жизни. За заслуги перед Отечеством Екатерине II в 1767 году преподносится титул «Великая».

Однако негативные процессы, проходящие внутри янтарных панелей, постепенно набирают силу, вновь создавая единую структуру. От времени и этих внутренних процессов одежда святых истлевает. После того, как ее остатки были вынесены из янтарного кабинета, он снова начинает восполнять былую мощь. Императрица Екатерина II согласно пророчеству монаха Авеля внезапно в 1796 году уходит в мир иной. Восшедший на престол Павел Петрович с первого дня своего царствования ставит задачу переделать в стране все на прусский лад. В стране начинаются репрессии против

несогласных с его политикой, резко ограничивается выезд за границу, в армии вводится прусская форма одежды, скользящая движения солдат, которые под барабанный бой учатся ходить прусским шагом. Различные духовные ордена, имеющие прочные немецкие корни, надолго обустраиваются в России...

Далее, взяв папку, хранящую документы сотрудничества России и Германии, я начал читать рапорты и сводные записки об этом. Суть их в целом сводилась к следующему. Два народа жили практически по соседству и мирно сосуществовали. Даже в новгородской торговле посредниками в основном выступали «готские» и «немецкие» купцы. Постепенно немцы получают здесь концессии, переселяются в страну и распространяют информацию у себя на родине и в других странах о богатствах и народе России, о ее необъятных просторах. С появлением янтарного кабинета количество прибывающих сюда значительно увеличивается. Приезжают не только купцы и отдельные авантюристы, ищущие государственных должностей и привилегий, но и целые немецкие колонии, создавая в стране крупные немецкие оазисы, которые как магнит, притягивали к себе новых переселенцев. Постепенно они вплетаются в российскую хозяйственную жизнь, занимая достаточно серьезное положение в экономике страны. Часть из них принимает российское гражданство, а дети многих выходят замуж или женятся не на немцах, а на русских подданных, как например дочери Карла Сименса. На-

чинает формироваться совершенно новая часть населения, привыкающая мыслить по-другому и отходящая от немецких канонов мышления и ведения дел в сфере торговли и промышленности. То есть происходит вхождение немцев в русскую среду и их более полное восприятие русской жизни. Это, как ни парадоксально, приводит к увеличению доли немецкого капитала в промышленности, который способствует импорту специалистов из Германии, несущих с собой предпринимательский дух, опыт, энергию и инициативу. Созданные ими здесь предприятия, как правило работают хорошо и не меняют владельцев. Однако у русских предпринимателей появляется предубежденность по отношению к немцам. Она связана с тем, что германское правительство, начиная с господина Бисмарка, требовало от предпринимателей, работающих за границей, при организации своего дела исходить не из личных принципов получения максимальной прибыли от производства, а исключительно из соображений политических и военно-стратегических. Поэтому германские заводчики и фабриканты в России начинают сторониться государственных представителей и вести тайные переговоры с местными предпринимателями. Скорее всего, это было влияние модифицированного янтарного кабинета, в панели которого в связи с его доработкой был вмонтирован местный янтарь. Но и главное: очевидно, он был в какой-то степени перенаправлен монахами и поэтому стал работать вот в таком необычном режиме. Как результат, немецкие фирмы и

объединения, притягиваемые им, посылали сюда представителей для сбора информации и ведения переговоров, не ставя в известность свои органы власти и германское консульство, которые об этом узнавали последними или со страниц газет, или от третьих лиц. Это заставляло руководство страны корректировать такое поведение деловых людей и искать пути подхода для проведения в жизнь государственной линии. Главным орудием реализации этой политики стали германские банки. В документах также отмечалось, что многие германские предприматели связали свою судьбу с Россией, а их потомки внесли значительный вклад в развитие страны.

Таким образом, борьба с янтарным кабинетом продолжалась с переменным успехом. Об этом свидетельствовали многочисленные рапорты, собранные в архиве, по которым отслеживалось поведение кабинета и его влияние на российское пространство в различные временные периоды. Этот достаточно интересный материал требовал своего осмысления и более глубокого изучения. Очевидно, и сегодняшние события, связанные с семьей императора Николая II, не обошлись без участия янтарной «табакерки». Хотя, как видно из имеющейся информации, ее активность происходит циклично, ей нужно какое-то время, чтобы аккумулировать необходимую энергию, а затем выбросить ее в пространство в определенном направлении. Вывод напрашивался сам собой. Самый первый выброс этой энергии произошел в 1914 году. Он подготовил второй выброс, который завершился государ-

ственным переворотом 1917 года, отречением царя от престола и арестом царской семьи. Можно было предположить, что янтарный кабинет находился в самом расцвете своей негативной активности. И теперь мне предстояло идти туда и попытаться хотя бы каким-то образом снизить его активность и изолировать от ее воздействия императора Николая II и его семью. С чем была связана такая негативная реакция кабинета на царскую фамилию, остается гадать. Может быть, это зависело от того, что он в себе соединял немецкое и русское начало, однако первое имело преобладающее значение.

Узник в собственном доме

Мне необходимо было срочно попасть в Царское Село, где содержалась семья императора. Учитывая те события, которые происходили в Петербурге, лучше всего было добраться туда по железной дороге. Поэтому я, не теряя времени, сразу отправился на железнодорожную станцию. Она представляла собою человеческий муравейник, пропахший потом и махоркой. Сотни людей вертелись здесь, то разбегаясь в разные стороны, то собираясь в какие-то группы, бряцающие оружием и дымящие самокрутками из газет. При этом все что-то тащили, на ходу переспрашивая друг друга, и кряхтели от тяжести. Весь этот шум, громко сипя и сморкаясь, старались перекрыть агитаторы разных политических партий и организаций, призывая прибывших и отъезжающих попол-

нить их славные ряды. Пробившись сквозь эту толпу, я с трудом втиснулся в один из вагонов поезда, отправляющегося в сторону Царского Села. Поездка, конечно, была не из приятных. Поезд то подолгу стоял на разъездах, то двигался с бешеной скоростью, непрерывно гудя. Только к вечеру мы добрались до места назначения. Солнце уже заходило за горизонт, когда я, сторговавшись с извозчиком, поехал во дворец, где находился царь.

Как проникнуть во дворец, не вызывая подозрений? У меня было несколько вариантов. Из них я выбрал самый простой. Подъехав к дворцу, я спрыгнул с коляски и напрямик направился к редкой цепи охраны, выставленной вокруг него. Ближайший солдат, к которому я подошел, лениво сдернул с плеча винтовку и неуставным осипшим голосом спросил:

– Ну, чаво надо?

– Позовите начальника караула, – ответил я. – Я прибыл из Петрограда по поручению гражданина Керенского.

Солдат молчаливо повернулся и по цепи передал мою просьбу. Пока шла переключка, из караулки выскочил прапорщик и, придерживая рукою болтавшуюся на левом боку шашку, потрусил ко мне. Подбежав, он приложил руку к козырьку фуражки и представился:

– Прапорщик Козельцев, с кем имею честь?

Вытащив из кармана чистый лист бумаги, я важно развернул его и, поймав взгляд прапорщика, зачитал ему мнимое

распоряжение Керенского о допуске меня к царю на предмет обследования условий его содержания. В ходе этого чтения я не отпускал его взгляд, мысленно подчиняя своей воле. Труда особого это не составило, так как он был очень юн, самолюбив и исполнен чувства важности и значимости своей персоны, которой поручили такое ответственное государственное дело, как охрану бывшего монарха. Он сразу попал в расставленные мною сети и стал управляемым. Я понял это, увидев его выпученные глаза и окаменевшее лицо. Мне пришлось ослабить свое волевое давление на столь юного субъекта, так как я побоялся переборщить. Нехватало, чтобы он от напряжения рухнул в обморок.

– Поручик Евдолаев, – представился я. – Мне велено проверить систему охраны гражданина Романова и его самочувствие, – в заключение выдал я, сворачивая и пряча бумагу в карман френча.

– Прошу за мной, – предложил прапорщик и, круто повернувшись кругом, почти строевым шагом направился во дворец.

Я последовал за ним, продолжая мысленно внушать ему необходимость полного подчинения мне в столь важной миссии. Пройдя мимо двух караульных, стоящих у центрального входа, мы вошли во дворец. В вестибюле царил полумрак. Горела всего лишь одна люстра на стене. Прапорщик остановился возле нее и по моему мысленному приказу доложил о системе охраны, количестве солдат и расположении

постов. Взяв себе это все на заметку, я потихоньку подвел его к мысли о необходимости посещения царской семьи. Продолжая рассказывать, прапорщик стал подниматься по парадной лестнице и, пройдя через амфиладу дверей, мы остановились перед кабинетом царя, в котором в этот момент находилась вся семья.

Обойдя прапорщика, я быстро приоткрыл дверь и заглянул вовнутрь, чтобы оценить обстановку. Царь что-то писал, расположившись за письменным столом, Александра Федоровна шила, сидя в кресле перед лампой с двумя старшими девочками, а остальные расположились кто где, занимаясь разными детскими делами. Так же быстро закрыв дверь, я повернулся к прапорщику и, попросив его предупредить часовых о том, что я буду ходить по дворцу проверять посты, разрешил ему уйти. Он молча кивнул головой и, повернувшись кругом, пошел выполнять приказание.

Оставшись один, я стал прикидывать, как лучше выполнить поставленную передо мной задачу. В этом деле меня настораживали два момента. Первый, когда я погрузился в подсознание прапорщика, выяснив, что он и его солдаты уже были подвержены негативной обработке и потенциально настроены на уничтожение царской семьи. Причем, сделано это было достаточно профессионально, однако эта установка была закреплена недостаточно прочно. В любом случае это было очень опасно, так как малейший пустяк или стресс мог включить эту программу. Второе, что настораживало меня,

это идущие откуда-то из недр дворца волны злобы, страха и агрессии, под воздействием которых постоянно пребывала не только царская семья, но и все находящиеся во дворце, в том числе и солдаты охраны. Благо, это происходило за десятки километров от Петрограда, а то бы, соединившись с той агрессией, которая царила в столице, эти волны могли бы привести к непредсказуемым последствиям. Необходимо было как можно быстрее определить источник этой негативной энергии, нейтрализовать или уничтожить его. В свое время я проходил специальное обучение по этому сложному предмету. В моем арсенале, как я думал, было достаточно средств, чтобы решить эту задачу. Однако это требовало нечеловеческих усилий, крайнего напряжения всех духовных и физических сил и, как показывала моя практика, не всегда заканчивалось победой. Были и поражения, после которых я достаточно долго приходил в себя, были и ничьи, когда происходила временная блокировка, когда негатив как бы нейтрализовался, однако через время, собравшись с силами, он снова возвращался в старое русло. Поэтому мне надо было сконцентрироваться и попытаться решить проблему нейтрализации, а затем уже перейти ко второй фазе моего задания.

Обследование я решил начать с парадной лестницы, находящейся в окружении скульптур, отражавших все свое греческое величие в огромных зеркалах, расположенных по обеим сторонам лестницы. В каждом из дворцов, принад-

лежащих царской семье, существовали тайники, в которых хранились необходимые для моей работы инструменты. Дело в том, что очищение дворцов проводилось регулярно, когда царская семья была в отъезде. Расположение этих тайников я знал наизусть. Были здесь и тайные комнаты, заложенные в ходе строительства и не указанные в архитектурных планах, были и тайники, сделанные в ходе ремонта. Каждый из них имел свое определенное назначение. О многих из них забыли за давностью лет. Но наши тайники, сделанные и заложенные «хранителями», передавались нам по наследству и служили верой и правдой в течение уже многих лет. Восстановив по памяти расположение тайника с нужными мне вещами, я подошел к скульптуре нимфы, стоявшей на площадке в центре лестничных перил, и тщательно осмотрел ее. Выражение великолепного скульптурного лица было бесстрастным, и в то же время от нее веяло изяществом и какой-то одухотворенностью. Несмотря на то, что скульптуры впитывают в себя энергетику людей, которые постоянно находятся возле них, приобретая постепенно отдельные человеческие черты, которые трудно обнаружить неспециалисту, эта сохранила свою первозданность. Очевидно, это было связано с ее равноудаленностью от лестничных пролетов, в результате чего контакт с людьми был всегда временным. Поэтому малейшее негативное влияние сразу бы отразилось на выражении ее лица, положении мраморного тела и общем восприятии ее как единого целого. К счастью, никаких отри-

цательных признаков я не заметил, так же как и признаков проникновения в тайник, который находился здесь же.

Сосредоточившись и припомнив последовательность действий по его открытию, я провел руками по выпуклым бокам скульптуры, ища соответствующие пружины. Найдя нужную точку, я надавил ее и плавно повернул скульптуру влево. Ошеломленная такой наглостью, с широко распахнутыми глазами, она повернулась ко мне боком и открыла небольшую нишу внизу, где лежали аккуратно завернутые в холстину нужные мне инструменты. Прочитав определенную молитву и сделав необходимые действия по очистке возможного негативного воздействия и активизации инструментов, я осторожно взял сверток и развернул его. Внутри лежали серебряный сосуд со святой водой, такой же подсвечник с желтой восковой свечой и священный талисман – оберег, выполненный в виде древнерусской буквы живицы на простой тесемке и означающий вечную жизнь и благоденствие, который довольно часто можно увидеть на старинных церковных зданиях. Надев талисман на шею, взяв в левую руку подсвечник и серебряный сосуд, сделанный в виде древнерусской ладьи, я зажег свечу и стал медленно приближаться к зеркалам, расположенным вдоль лестницы. Необходимо было проверить все возможные входы и выходы в зазеркалье, чтобы предупредить агрессию и снять напряжение, царящее в здании. То, что здесь было что-то не так, я понял сразу, когда поднес горящую свечу к зеркальной поверхности. На ней не

было того блеска, который присущ нормальному, здоровому состоянию зеркальной поверхности. Не было тех переливов красок, красивой, хрустальной игры света. Стоял какой-то невообразимый мрак, который отражал бледный огонек свечи, вытягивающийся к зеркальной поверхности. Необходимо было срочно очистить зеркало, так как оно, вобрав в себя слишком много негативной энергии, выплескивало ее в пространство, обжигая и одновременно холодея своим необычным светом. Недаром ведь в прихожих вешают зеркала, амулеты и другие блестящие предметы, которые обладают способностью нейтрализовать недобрый взгляд и сохранить положительную ауру дома. В данном случае здесь все было наоборот: все было в сплошной негативной энергетике.

Перекрестив зажженной свечой зеркальную поверхность, я окропил ее святой водой из серебряного сосуда и стал внимательно рассматривать поверхность, медленно переводя взгляд за подсвечником, стараясь определить реакцию и возможность открытия входа в зазеркалье. Однако капли воды, медленно стекавшие по зеркальной поверхности, и ровный мерцающий язычок свечи свидетельствовали о том, что здесь ничего нет. Постепенно зеркало заиграло, преображаясь и наполняясь внутренним ровным светом. Запечатав зеркало, я погасил свечу и направился в следующую комнату дворца, чтобы проверить оставшиеся зеркала. Почти везде была одна и та же картина, хотя с каждой пройденной комнатой дворца я чувствовал растущее напряжение, которое, ка-

залось, вот-вот готово перейти в физическое сопротивление моим действиям. Дело в том, что, постепенно закрывая зеркала, я исключал и возможность связи с зазеркальем, питаемым сведениями, полученными извне. Сужалась и вероятность выхода в дворцовые покои и негативного воздействия на их обитателей. Что-то непонятное человеческому восприятию, которое, очевидно, присутствовало здесь, сопротивлялось моим попыткам заблокировать его и не дать возможности выйти наружу.

Постепенно продвигаясь из комнаты в комнату, минуя часовых, истуканами стоявших в коридорах, я делал свою работу. Вышедшая из-за туч луна, пробиваясь сквозь тяжелые шторы венецианских окон, периодически отражалась на моем талисмানে, который мгновенно озарялся светом, разбрасывая его вокруг, и отражался в зеркалах, к которым я подходил. Войдя в угловую, предпоследнюю комнату, окна которой выходили в великолепный парк, расположенный перед фасадом дворца, я почувствовал легкую вибрацию, исходящую от талисмана. Он словно давал мне знак быть настороже, предупреждая о возможной опасности. Тело мое напряглось от ожидания неизвестного, и я медленно двинулся к зеркалу, одиноко стоявшему в углу комнаты. По мере моего приближения к нему оно как бы оживало от блеска горящей свечи и лунного света, переливаясь серебристыми волнами, едва заметно расходящимися в разные стороны. Оно словно задышало при моем дальнейшем приближении, по-

степенно заливаясь багровым светом, который вытягивался в мою сторону. Когда я почти подошел к нему вплотную и протянул руку с горящей свечой, оно, словно мыльный пузырь, лопнуло, разлетевшись на тысячи огненных искр, и оттуда вырвался сгусток энергии, который, опалив мои руки, ударился в мой талисман, и, словно наткнувшись на невидимую преграду, с немым воплем, как смертельно раненный зверь, нырнул обратно.

Искры постепенно осыпались вокруг меня, оставляя непонятный запах гари. А зеркало, плавно затягиваясь, приобретало прежний вид. Поднявшись с паркета, на который я упал от страшного удара, я зажег погасшую свечу и, преодолевая боль, снова подошел к зеркалу. Внешне оно не изменилось, но когда я прикоснулся к нему рукой, то почувствовал холодный жар, исходящий от его поверхности. Талисман одновременно отталкивал и притягивал к себе, замораживался и разогревался до невероятной температуры. От такого напряжения я весь покрылся потом, потому что мой организм пытался найти баланс в этой ситуации. Я медленно провел свечой по зеркальной поверхности и обрызгал ее святой водой из серебряного сосуда, стал искать точку входа в зазеркалье. То, что здесь был основной вход, я понял по поведению зеркала, плохо было то, что этот сгусток негативной энергии уже пробрался туда и неизвестно чем занимается, отрицательно влияя на окружающих. Найти точку входа всегда достаточно трудно. Это очень сложное занятие, так как в раз-

ных зеркалах, созданных различными посвященными в это дело мастерами, существуют точки входа, расположенные на разных уровнях.

Передо мною было зеркало старинной венецианской работы, достаточно большое, окантованное рамой из орехового дерева. Хорошо, что на ней был растительный орнамент, потому что другие изображения создают дополнительные препятствия, не давая возможности безболезненно пройти вовнутрь. И поэтому надо провести достаточно сложную процедуру нейтрализации, чтобы устранить их негативное влияние. Стоящее передо мной зеркало словно ждало моих дальнейших действий, посматривая на меня своим всевидящим оком, в котором отражался мой колышущийся силуэт.

Окончательно придя в себя и собравшись с духом, я осторожно ощупал ореховую раму, ища там скрытые сюрпризы, которые так любили оставлять старые мастера. Однако все было в порядке. Тогда я неспеша положил руки на зеркальную поверхность, соединив указательные пальцы согласно ритуалу, и начал постепенно перемещать их по краям зеркальной поверхности. Холодная на первый взгляд, она отдавала теплом и по мере приближения к центру становилась как бы все более горячей. Медленно нащупывая точку входа, я мысленно готовился к переходу в зазеркалье. Дело в том, что существует множество типов зеркал, которые с одной стороны являются окнами наблюдения за нами, а с другой – входом в совершенно другой мир, который существу-

ет как в нашем сознании, так и вне его. Поэтому и вход в этот мир может быть, как в бестелесном, так и очень редко в физическом плане. На это способны только люди, владеющие определенной методикой и обладающие специальными качествами. Ведь зеркала – это определенный талисман, который существует с древнейших времен у всех народов, и в то же время, это своеобразный хронограф, который записывает на свою поверхность все те события, которые происходят в том месте, где оно находится. Надо уметь читать зеркала, обладать соответствующими навыками и знаниями по их расшифровке, и тогда перед тобою открываются такие страницы жизни, и драмы, и трагедии, и комедии, которые не встретишь ни в одном романе. С зеркалами надо уметь обращаться, недаром старые люди предпочитали не очень часто заглядывать в них, чтобы не оставлять призрачного двойника.

Размышляя об этом, я наконец нащупал точку входа, расположенную почти в центре. При приближении к ней моей руки она начала медленно вибрировать, изгибаясь вовнутрь, словно приглашая в гости. Проведя в этом месте руками три раза по часовой стрелке и оставив в центре ладонь левой руки, я правой рукою приложил к точке входа свой талисман в виде буквы «Ж» и, медленно убирая левую руку, вдавил его. Казалось, время замерло. Наступила тягучая тишина. Постепенно зеркальная поверхность превратилась в живую материю, которая по мере давления талисмана отступала к краям

ореховой зеркальной рамы, открывая вход в виде темного, чуть поблескивающего отверстия. Это было одно из тех зеркал, которые давали возможность войти в зазеркалье, не выходя из материальной оболочки тела. Когда вход расширился окончательно, я переступил порог тяжелой ореховой рамы и попал в проход, который стремительно выбросил меня на перекресток, где мелькали какие-то тени во множестве переходов. Перед самым входом сюда я поставил подсвечник с горящей свечой возле зеркала, для того чтобы не заблудиться и найти свой выход. Кроме того, до тех пор, пока горела свеча, вход оставался открытым. Как только она погаснет, то и вход сразу закроется, так что у меня было не слишком много времени. Без этих инструментов и соответствующей подготовки сложно путешествовать здесь и не потерять ориентацию в зазеркальном пространстве. В этом множестве ходов, открывшихся передо мной, необходимо было найти тот единственный, по которому сбежал этот ослепительный сгусток энергии, так безжалостно напавший на меня. Надев на палец перстень-указатель с изображением святого креста, я тщательно протер его средним пальцем левой руки и когда он стал переливаться зеленым светом, стал поочередно направлять на круглые входные отверстия, расположенные передо мной. По мере перемещения перстень то бледнел, то снова вспыхивал, пока не загорелся ровным бирюзовым светом, указывая на второе слева от меня отверстие. Дело в том, что это был перстень старинной работы, настроенный на определе-

ние вибраций таких вот существ, и своим светом сигнализировал об их обнаружении или присутствии, или улавливал след, который они оставляли.

Меня поджимало время. Поэтому, не задерживаясь долго, я набрал воздуха и бросился в указанный мне вход. Подхваченный силовыми потоками тоннеля, я, словно в безвоздушном пространстве, стремительно полетел вперед и вскоре оказался перед не очень большим квадратным окном ярко-желтого света, через которое просматривалось лежащее впереди какое-то сильно искаженное и искривленное пространство. Это было что-то объемное и большое, потому что вдоль его сторон шли тоннели, размером чуть меньше входного. Ориентируясь по перстню, я стал медленно их обходить, предварительно надев темные очки и приготовив сумку-ловушку, сшитую монахами из специальным образом подготовленной холщовой ткани. Эта ткань была соткана из льна, который собирался по утрам на новолуние. Затем он вымачивался три дня в утренней росе, обрабатывался и целую неделю проходил сушку в специально намоленной часовне. Только после этого из него делалась ткань. Сотканная крестообразно вручную, она расстилалась перед иконами, и братия читала на ней свои молитвы в течение месяца. После этого ткань выносилась для отбеливания на солнце в монастырском дворе. Через неделю из нее шили различные по величине сумки и полотенца, которые вешались под образами и после освящения применялись по назначению, в том числе

и для лечения от различных недугов.

Мне навстречу стали попадаться всякие амебы, одноглазые чудовища с разинутыми ртами и без них. Все это плавало в каком-то тумане, который то был плотным до невыносимости, то очень редким и тягучим. Двигаться приходилось осторожно, так как сила этого нечто была достаточно мощной. Я это уже прочувствовал на себе. Кроме того, неизвестно с кем здесь придется встретиться, и чем эта встреча закончится – никто не знает. Вон слева ползет какая-то гадость, не похожая ни на что, а справа движется что-то белесое и вечно подпрыгивающее, словно мячик наоборот. Осторожно осматриваясь, я пробирался все дальше и дальше. И по мере моего удаления от входа начинала кружиться голова и стучало в висках. И здесь все решало время. Чем быстрее я найду это, тем лучше будет для всех. Так по следу я потихоньку подбирался к своему объекту. Нырнув в одно из ответвлений, обвитых какой-то растительностью, я увидел, что перстень засветился ровным ярким светом. Значит, то, что я ищу, находится здесь. Я стал внимательно осматривать пространство вокруг себя и вскоре заметил невдалеке проблески света. Я даже не успел приблизиться к этому месту, как из него выскочил огненный шар и своим разрядом ударил меня в грудь. От удара я упал, и шар, проскочив буквально в сантиметре от моего лица, снова забился в свой угол. С трудом поднявшись на ноги, я ощупал себя, но больших повреждений не нашел. Болела голова, да на груди, где висел мой

талисман, было обожженное пятно. Именно талисман спас меня, приняв весь разряд на себя.

Сделав восстановительные упражнения и приведя себя в порядок, я снова двинулся вперед. Вскоре я вышел на небольшое пространство, на стене которого висело какое-то окно. Подойдя к нему, я увидел, что это одно из последних зеркал янтарного кабинета. Значит, мой противник где-то здесь. И действительно, я вскоре увидел его. Только он не представлял собой единого целого. Потеряв свою энергию, он разделился на мелкие шарики, которые рассыпались по янтарным панелям, забив все щели. Достать их оттуда было практически невозможно. Мне не оставалось ничего, как окропить это место святой водой и запечатать его крестным знаменем. Однако это не давало гарантии, что энергетика этого существа не будет восстановлена. Так как время поджимало меня, я развернулся и пошел в сторону выхода. Я успел вовремя, так как свеча почти догорела и вот-вот могла погаснуть совсем.

Закрыв окно входа, я выскочил из янтарной комнаты и, приведя себя в порядок, направился в кабинет на встречу с императором. Подойдя к тяжелой дубовой двери и переведя дыхание, я трижды постучал и, приоткрыв дверь, заглянул вовнутрь. Освещенный настольной лампой царь оторвался от письменного стола и, держа ручку в правой руке, вопросительно посмотрел на дверь. Александра Федоровна, приподняв в своих руках шитье, испуганно сощурила глаза и своим

телом как бы пыталась прикрыть детей, сидевших с ней рядом и испуганно жавшихся друг к другу.

– Разрешите войти, Ваше Императорское Величество, – произнес я, открывая дверь и замирая на пороге так, чтобы слабый свет настольной лампы мог осветить меня.

Прищурившись, император несколько секунд пристально всматривался в меня, потом его лицо прояснилось, и он, встав с кресла, глухим голосом произнес:

– Прошу вас.

Медленными шагами я приблизился к нему и, щелкнув каблуками, представился. Затем, повернувшись к императрице и детям, отвесил им поклон. Когда я поднимал голову, из-за спины царицы вынырнули веселые глаза Анастасии, которая узнала меня, вскочила со стула и, дурачась, сделала мне книксен.

– Слава Богу, Владимир, – произнес император, выходя из-за стола и направляясь ко мне. – Наконец-то вы добрались сюда. Кстати, я теперь не император, а гражданин Романов, так приказано величать меня и охране, и этим всем политикам, которые начинают делить Россию, как пирог, не думая о последствиях. Были тут многие и этот «гений» Керенский, который метит в вожди и сам примеривает царские регалии на себя. Бедная наша страна, бедный наш народ, какие испытания грозят тебе, ведает один лишь только Бог. Я чувствую, что это начало чего-то большого и страшного, которое постепенно, как черная туча надвигается на Святую Русь. Я и

моя семья готовы ко всем испытаниям, которые уготовила нам судьба, только бы Россия продолжала жить и двигаться вперед. Правда, дорогая? – обратился он к подошедшей жене.

– Да, дорогой, – ответила Александра Федоровна, протягивая мне для приветствия свою руку, которую я поднес к своим губам. – Как ваше самочувствие? Как дорога? Все ли удалось вам? – забросала меня вопросами императрица.

– А как вы пробрались сюда? – поддержал ее император. – Под страхом смерти вход бывшей прислуге и посторонним посетителям для общения с нами запрещен.

– Для человека, который верен царю и Отечеству, нет никаких преград, – ответил я. – Для меня, Ваше Императорское Величество, Вы были, есть и будете моим государем, и ничто не заставит меня изменить Вам и моим идеалам.

Чувствительный Николай II от моих слов часто заморгал глазами и осипшим голосом произнес:

– На другое я и не рассчитывал. Именно служба Отечеству – это наше призвание, и от усердной службы Отечество только процветает и благоденствует. Если бы все понимали это! К сожалению, русскую душу смущают всякими новыми словами, используя все, чтобы привести страну к краху и подорвать основу основ нашего существования – «Веру, Царя и Отечество».

– Алекс, дорогая, – обратился он к жене, – позволь нам с юношей обсудить некоторые мужские вопросы, а потом мы

присоединимся к вам.

– Хорошо, хорошо Ники, – произнесла императрица и удалилась к детям, которые во время нашего разговора занялись своими детскими делами.

Одна только Анастасия, одетая в белое платье с рюшами, лукаво посматривала в мою сторону, периодически отрываясь от шитья, которое передала ей мать. Пока царь провожал жену взглядом, я украдкой всмотрелся в него. Лицо его осунулось и приобрело печальное выражение. Он как бы увял и поник от той тяжести проблем и тех испытаний, которые ему уже пришлось перенести. Его постоянно терзали мысли о будущем страны и империи, предательстве со стороны родных и близких, и тех политиков и чиновников, которые раньше сутками сидели в приемной, добиваясь его расположения.

– Как вы съездили? – перешел он на деловой тон. – Какие настроения в Англии? Что они говорят о событиях в России?

Чтобы уйти от этой политической проблемы, так волновавшей его, я решил перейти сразу к делу:

– Трескотня, как и везде, Ваше Величество. Боятся, что большевистская зараза может перекинуться на туманный Альбион, а Россия не выполнит свои союзнические обязательства и выйдет из коалиции. Что касается моего основного задания, то, несмотря на все возникшие сложности транспортировки и сохранения секретности в это сложное время, груз доставлен в целостности и сохранности и передан на хранение в английский «Бэрингс банк» на имя Вашего Импера-

торского Величества. Вот копии банковских документов, а оригиналы я положил в банковский сейф, согласно Вашему распоряжению. Это шифр сейфа и ключ, – сказал я, передавая ему соответствующие бумаги. – Воспользоваться этими средствами можете только Вы и члены Вашей семьи.

Он молча взял бумаги и стал их внимательно рассматривать, затем вскрыл банковский конверт, вынул из него ключ от сейфа, повертел его в руке и медленно положил обратно.

– Знаете, что, – задумчиво произнес он, – эти новые «руководители» хотят побыстрее избавиться от моей особы. Насколько мне известно, без согласования со мной, они попросили моих ближайших английских родственников предоставить мне место жительства. Я об этом их не просил, хотя это может быть приемлемым вариантом. Однако нужно официальное подтверждение со стороны английского правительства и время для улаживания всех формальностей. К счастью, долгие сборы нам не грозят. Мы после всех этих событий готовились ко всяким возможным превратностям судьбы, и поэтому в Зимнем дворце уже стоят упакованные ящики нашего багажа. Естественно, там только личные вещи нашей семьи, фамильные раритеты, детские безделушки, в общем то, что представляет для нас большую ценность. Там даже есть первые распашонки нашего малыша и его игрушки, без которых он не ложился спать, когда был маленьким. Я помню, как я его учил скакать на деревянной лошадке, которая тоже кстати там, и когда он свалился с нее, я думал,

что не найду себе места. К счастью, все обошлось.

Он на секунду задумался, крепко сжимая в подрагивающей руке конверт, стараясь сдержать подступившие слезы.

– Что-то я расчувствовался, – глубоко вздохнув, произнес он. – Так вот, я прошу вас, пока будут улаживать все формальности, связанные с нашим отъездом, доставить этот багаж в Англию. В ожидании вашего приезда, я написал письмо моему любимому брату – королю Великобритании. Кроме других семейных дел, оно содержит и просьбу разместить у себя наш багаж, который вы доставите туда. Я думаю, это не составит для него большого труда. – Он опять задумался на секунду, а затем, взяв меня за руку, повернул в сторону света, отбрасываемого горячей настольной лампой, и глядя прямо в глаза, медленно произнес: – Я знаю вас как порядочного и честного человека, патриота своей страны, те поручения, которые давались вам от моего имени, выполнялись с честью. Поэтому я хочу доверять вам и дальше и надеюсь, что вы оправдаете это доверие. Я теперь не могу приказывать вам, а хочу просить об одолжении. Права отдавать приказы так же, как и свободы, я уже лишен. В связи с новым поручением, я хотел бы обратить ваше внимание на ящик под номером 77 моего багажа. Дело в том, что там находится ларец с пророчествами и предсказаниями святого старца Авеля о будущем России и семьи Романовых. Когда после коронавания я открыл ларец с его предсказаниями и прочел их, то мне стало страшно и больно за судьбу России и судьбы

моей семьи и моих близких. Ведь до сих пор то, что предсказывал этот монах, сбывалось. Поэтому, когда произошли известные Вам события, я, нисколько не колеблясь, отказался от престола за себя и своего сына, чтобы как-то облегчить участь моей многострадальной страны и своей семьи. А то, что говорил об этом Григорий Распутин, было давно известно мне. Поэтому, этот очень важный документ не должен попасть в чужие руки. В нем описывается не только прошлое, но и будущее России, ее взлет через унижение, ее будущее через прошлое, а будущее изобилует такими подробными фактами и грядущими событиями, что, зная их, можно достаточно сильно навредить. Конечно, это не изменит общей картины развития, однако на определенных этапах может его сильно затормозить. В связи с этим я прошу вас ни при каких обстоятельствах не спускать глаз с этого документа и в случае реальной угрозы просто уничтожить его, даже с риском для жизни. В принципе, многие знают об этом предсказании, но в руках его никто, кроме меня, не держал. Поэтому особенно сегодня, когда будущее так туманно, очень много желающих захватить эту бесценную реликвию.

Пока он говорил об этом, я подумал про себя, сколько сил и энергии потратили мы, охраняя это национальное достояние. Сколько блоков и энергетических преград было поставлено вокруг того места, где хранился ларец, сколько попыток по его похищению предотвратили мы. За активное участие в охране этого раритета я даже был награжден орденом «Ан-

дрея Первозванного» и очень горжусь этой наградой. Вручал мне ее не Николай II, а мой начальник, так как нам не положено «светиться» и в этих вопросах. Однако я присутствовал на балу, который был дан в честь награжденных, и даже поцеловал ручку прелестной Анастасии, чем вызвал зависть у многих присутствовавших офицеров. Конечно, на мне был не офицерский мундир, а форма дворцового чиновника. Его Величество даже соизволил поднять рюмку водки, которую я ему налил, и произнести тост за здоровье награжденных. После этого Александра Федоровна с наследником и княжны по очереди поздравили награжденных. Затем вся монаршая семья отбыла из залы, а награжденные предались небольшому кутежу и разговорам за накрытыми в честь этого события столами.

«Да, – думал я, – поручение очень ответственное. Этот ларец как раз и был одним из тех предметов, которые подлежали особой охране. Все остальное, что входило в багаж, в принципе не стоило внимания. Значит, дела действительно обстоят не лучшим образом, если эта реликвия собирается покинуть свою страну. Мы не имеем права ни распоряжаться ею, ни удерживать ее, мы обязаны только охранять и в случае необходимости спрятать ее. Охранять, где бы она ни находилась».

То, что в этих предсказаниях было прописано многое и намного вперед косвенно подтверждалось и из других источников, однако это были всего лишь эпизоды, не дававшие

полной картины. Ну, к примеру, император Николай I вздумал проверить это и инкогнито, как он думал, приехал на окраину Петербурга к гадалке Марфуше, которую называли «киевской ведьмой». Причем надел старую офицерскую шинель своего покойного брата Александра I. Однако гадалка сразу раскусила его, пригласив садиться, при этом сказала: «Хотя лавка – это не трон, зато на ней безопасней и спокойней». Затем она рассказала подробности его прошлой жизни и указала на время его кончины, которое так интересовало самодержца. Взбешенный император отшвырнул от себя гадалку и выбежал вон. Примчавшись во дворец, он приказал начальнику полиции арестовать ее. Однако, когда полицейская карета приехала за ней, гадалка, уже зная свое будущее, приняла яд. Таким образом, зная все эти подробности и события, которые должны будут произойти в будущем, можно много чего «натворить».

Пока я про себя анализировал ситуацию, император продолжал свою речь.

– Это первая ваша задача, – вводя меня в курс проблемы заявил он. – Вторая заключается в том, что я хочу доверить вам управление всеми моими активами и средствами, находящимися в Великобритании и не только в ней, пока мы не переедем туда или в другое место. Как вы знаете, часть своих личных средств через банкира А.Ю. Ротштейна я держал в немецком банке «Дисконто гезельшафт», часть – в «Петербургском международном коммерческом банке».

Однако в начале военных действий с Германией я посчитал аморальным держать свои средства в банке врага, снял их и направил на закупку оружия для армии. Правда, немного там осталось, но это мелочи. Основные активы моей семьи теперь находятся в Швейцарии, Франции и сейчас в Англии. Для этого нам необходимо оформить на вас доверенность. Казалось бы, все просто, – продолжил он.

– Ваше Величество, – попытался остановить его я и на минутку представил себе, какую ответственность он возлагает на меня.

– Не перебивайте меня, – довольно резко оборвал он меня. – Так вот, повторяю, казалось бы, все просто, однако нужно соблюсти необходимые формальности. С адвокатом проблем не было, не было проблем и со свидетелем-министром двора графом Фредерикс. Однако возникла проблема с английским «Бэрингс банком», в котором находятся эти активы и те, которые вы положили туда. Его руководство проводит очень сдержанную банковскую политику, но учитывая мою личность и сумму вклада, они хотели застраховаться от неожиданностей и передали пожелание в качестве живого свидетеля видеть своего представителя, работающего у английского промышленника Д.Хьюза в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, некоего Чарльза Гарольда. Он является родственником одного из пэров Англии, заседающего в палате лордов, причем не на последнем месте. Именно он должен засвидетельствовать добровольность пе-

редачи права распоряжения вкладами и подлинность подписи и документов. Для этого у него от банка есть соответствующие полномочия. Поэтому вам предстоит отправиться туда, найти его и уладить все формальности. Необходимые распоряжения он получит по телеграфу из Англии. Естественно, вы должны оберегать его как зеницу ока и доставить домой, ибо в противном случае у нас будут большие проблемы. Чтобы он знал, что вы именно то лицо, которое уполномочено мною вести мои дела, кроме вот этих нотариальных документов вы предъявите ему одну вещь, о которой он знает, и она будет служить опознавательным знаком. – С этими словами он подошел к письменному столу и, выдвинув верхний ящик, вынул оттуда часы-луковицу известной фирмы «Брегет». Подойдя ко мне, он нажал на потайную кнопку, золотая крышка откинулась, и часы мелодично прозвенели гимн «Боже, царя храни». На белом циферблате были видны изображения царя и его жены.

– Эти часы подарила мне Алекс к годовщине нашей свадьбы. Вторых таких нет. Именно они будут служить вашим опознавательным знаком, – сказал он, захлопывая крышку и вручая мне золотой брегет.

На кольце часов висела витая золотая цепочка, заканчивающаяся маленькими ангелочками.

– Еще открою вам один секрет. Это не просто часы. На их внутренней стороне выбиты цифры. Это номера наших счетов во Франции. Есть там такой банк «Кредит-Леоне». Пер-

вые две цифры означают номер банковского сейфа, остальные – номер текущего счета, а ангелочки – ключ от сейфа. В сейфе хранятся банковские и другие документы по счетам. Это тоже временно поступает в ваше распоряжение. Там вы найдете и более подробные инструкции, связанные с этими часами.

Внезапно боковым зрением я увидел, как зеркало, висевшее на стене слева от письменного стола, начало покрываться рябью, а затем стало периодически выдуваться в нашу сторону, словно кто-то изнутри пытался разорвать невидимую преграду. Скорее всего, это было то, что я запер в янтарной комнате. Каким-то образом оно обнаружило новый канал выхода и пыталось прорваться через единственное незапертое в этом дворце зеркальное пространство, находящееся в царском кабинете, и помешать нашей беседе. Насчет подслушивания я был спокоен, так как сделал все необходимое, чтобы слова императора больше звучали на телепатическом уровне, чем на слуховом. А вот для защиты от энергетического воздействия на него и его нервов я не предпринял ничего. И в случае прорыва зеркального пространства он мог в лучшем случае отделаться шоком от воздействия этого агрессивного существа. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Все решали не минуты, а секунды. Необходимо было предпринять срочные меры, так-как почти все присутствующие уже начали подвергаться негативному влиянию. Императрица опустила руки и молча уставилась в одну точку, а

дети стали усиленно зевать, словно засыпая на ходу. Сам император остановился на полуслове и стал медленно поворачиваться в сторону зеркала. Мгновенно оценив сложившуюся ситуацию, я быстро вынул сосуд из кармана и, набрав в рот святой воды, словно закашляв, выбросил ее в сторону выгнутой поверхности. Она мгновенно замерла от неожиданности, затем на ней, словно в калейдоскопе, стали мелькать чьи-то глаза, разевающиеся рты, разнокалиберные носы и уши и какие-то смутные физиономии на фоне далекой колеблющейся дымки, от которой расходились разноцветные лучи. Потом пузырь съезжился и медленно, словно нехотя, втянулся вовнутрь, образуя на мерцающей зеркальной поверхности отдельные радужные пузыри и пятна в том месте, куда упали капли воды. Слово извиняясь перед императором за свою неловкость, я бросился к зеркалу и, будто стирая с него руками капли стекавшей воды, запечатал его.

Император, постепенно приходя в себя, удивленно смотрел на меня, а я, вытирая платком свои руки, продолжал извиняться, говоря о том, что столь дальняя дорога вызвала у меня легкое недомогание, которое окончилось конфузом в присутствии Его Императорского Величества. Николай II снисходительно улыбнулся и, пожав плечами, продолжил беседу.

– Так вот, я вручаю вам пока счета в этих двух странах. Есть еще Япония, Нидерланды и другие. Да, собственно говоря, вы все это знаете. Часть средств мы перевели в Рос-

сию в связи с войной, а то, что осталось, или в распоряжении послов, или военных атташе, или лежит на счетах на крайний случай. К сожалению, наши контрагенты и союзники не очень торопятся оснащать российскую армию современным оружием, а наша промышленность не в состоянии обеспечить ее всем необходимым.

Так он беседовал со мною, а я краем глаза наблюдал за княжнами, особенно за одной, которая игриво отбросив прядь волос, с вызовом посмотрела на меня. Являясь самой смышленной из всех, она несла на своих хрупких плечах дополнительную нагрузку. Мы вместе с ней играли, как это ни парадоксально звучит, в оловянных солдатиков, на подставке которых определенным образом были выбиты знаки, цифры и буквы. Солдатики эти были облачены в форму различных армий и стран. Сложенные в заданном порядке, военные команды на поле битвы давали возможность запомнить и прочитать название банков и номера счетов, а также их территориальную принадлежность. И мы с Анастасией часами сидели вместе, разыгрывая баталии, чтобы ребенок мог правильно складывать команды и запомнить сочетания цифр и букв в приемлемом для детской психики варианте. Тогда-то мы и подружились. Порой я ей рассказывал различные истории, мы вместе рассматривали разные фотографии, рисовали.

– Что же дальше будет со страной? – спросил я. И мой вопрос словно повис в воздухе.

Немного помолчав, император сдвинул брови, тяжело вздохнул, глянул мне в глаза и тихо, словно про себя произнес:

– И я хотел бы это знать!

Затем, подойдя к столу и открыв серебряный портсигар с монограммой, подаренный ему любимой Алекс, взял папиросу и, медленно разминая ее в руках, словно вслушиваясь в себя, в те мысли, которые поднимались изнутри его и объединялись в единое целое с уже раз и навсегда определенным порядком вещей, диктуемых свыше, произнес:

– Хотя ответ на этот вопрос, пусть и несколько расплывчатый, имеется, – с этими словами он, размяв наконец папиросу, закурил ее, глубоко затянувшись и немного расслабившись снова заговорил. – Ответ этот я нашел в пророчестве монаха Авеля. После коронации мне предоставили ключи от всех ящиков и секретных тайников в кабинете батюшки и других местах, в том числе и от ларца изумительной работы, в котором хранилось пророчество. Закрыт он, как оказалось, был не только на ключ. Поэтому первые попытки открыть его оказались напрасными. Я решил не испытывать судьбу и отложил это дело до завтра. На следующее утро я пригласил министра двора Фредерикс, но и он не смог мне помочь. В конце концов, я поручил ему найти способ открыть эту шкатулку. В течение дня, закрутившись с другими делами, я забыл об этой проблеме. Утром, где-то часов около десяти, ко мне снова подошел Фредерикс. Он доложил, что привели

из Эрмитажа специалиста по древним раритетам, который попытается открыть эту шкатулку. Я кивнул головою в знак согласия, и Фредерикс ввел в кабинет мастерового средних лет, который, низко поклонившись, поприветствовал меня. Лицо его было достаточно интеллигентным и чуть-чуть настороженным, серые глаза блестели любопытством. Однако вел он себя в высшей степени сдержанно, без подобострастия, которое я порой наблюдаю у своих придворных. Одним словом, он произвел на меня благоприятное впечатление. Поздоровавшись с ним за руку, я рассказал ему о нашей проблеме. В беседу вступил и Фредерикс, который, чтобы мне было понятнее, сообщил, что Степан, так звали мастера, уже много лет занимается реставрацией и поддержанием в порядке старинной мебели, шкатулок и других раритетных вещей и подарков, которые хранились в специальном фонде Эрмитажа. Так, беседуя, я подвел его к ларцу, который стоял на приставном столике у окна.

Подойдя к нему, Степан из внутреннего замшевого футляра вынул большое увеличительное стекло и стал внимательно рассматривать ларец со всех сторон, комментируя про себя краткими рублеными фразами. Затем приподнял его и осмотрел дно, осторожно держа в руках. После чего снова поставил на стол, взял лежащий рядом серебряный ключ, вставил его в ларец, нажал определенные узоры на нем в двух местах и повернул ключ. Плотная закрытая крышка с небольшим щелчком приподнялась. Мы все замерли. Уже

одно то, что нас после открытия крышки как бы ударило током, говорило о том, что мы столкнулись с чем-то необычным. Как будто из ларца вырвалась какая-то магическая сила и влилась в нас, и стала притягивать к себе, направляя наши взоры и чувства к ларцу. Казалась бы, цель достигнута – подойди и открой крышку, возьми в руки то, что там находится. Однако что-то удерживало меня сделать это немедленно, может быть то, что об этом втихомолку говорили в нашей семье и передавали по наследству. Может быть, сам вид ларца внушал трепет. Может быть, и скорее всего то, что внутренне я еще не был готов ознакомиться с содержанием ларца. Теперь-то я знаю почему!

Одним словом, сделав над собою усилие, я кашлянул и тем самым вывел из состояния окаменелости моих гостей, которые стояли возле ларца, как истуканы. Они вздрогнули и недоуменно уставились на меня. Сославшись на множество дел, я поблагодарил их за участие, сказав, что с содержимым ларца я ознакомлюсь позже. Они откланялись и незамедлительно вышли из кабинета. Целый день я ходил и думал, что же такое написано там, почему я нахожусь в таком необычном состоянии. Казалось бы, чего проще, подойди и прочти – и все станет на круги своя. Но именно эти круги и водили меня вокруг шкатулки и не давали возможности заняться многими другими вопросами, которые, как снежный ком, сразу свалились на меня. За обедом я так был погружен в свои мысли, что бедная Алекс робко спросила меня, не за-

болел ли я. Поблагодарив ее за заботу, я сказал, что просто устал из-за большого объема дел, которые нужно решать и причем все сразу, как того хотят мои министры.

Наутро, собравшись с духом, я, натянутый как струна, после завтрака отправился к ларцу и медленно приподнял его крышку. На дне лежал пергаментный свиток и конверт, скрепленный сургучной печатью. Приподняв его за угол, я перевернул лицевой частью вверх и медленно осмотрел его. На конверте было написано «Моему любимому сыну Николаю». Конверт был скреплен печатью отца, а снизу была небольшая приписка, которая гласила: «Если ты вскроешь этот свиток и ознакомишься с его содержанием, то твоя жизнь приобретет совершенно другой смысл. Ты узнаешь то, что, возможно, было бы лучше не знать» – и размашистая подпись отца. Заинтригованный этим, я отложил в сторону письмо и взял в руки свиток. Он был хорошей выделки, но потемневший и пожелтевший от времени. Явно старинной работы, скрепленный вокруг золотым шнуром, на котором были видны остатки каких-то старинных печатей.

Я стоял перед выбором: или вскрыть свиток и тогда я узнаю то, от чего меня хотели уберечь, или, положив все на место, оставить как есть. Отец представлял мне право выбора. Вполне очевидно, и он, когда-то стоял перед аналогичной проблемой. И судя по письму, сделал свой выбор.

Я решил все-таки дать себе какое-то время, чтобы оценить ситуацию, а затем принять окончательное решение.

Сложив все обратно в ларец, я закрыл его. Где-то в течение недели я не подходил к нему. Однако чтобы я ни делал, я постоянно думал об этой тайне, которая чем дальше, тем больше притягивала меня к себе. Сначала я хотел посоветоваться с Алекс, но затем передумал. Потому что вдруг окажись там что-то такое страшное, она не сможет справиться со своими эмоциями и это отразится на ее здоровье и моих детях. В назначенный свыше день я оказался у ларца. Только взяв его в руки, я осознал, что я делаю. Отступить было уже некуда, и я решительно поставил ларец и открыл крышку. Первым я взял конверт, адресованный мне. Взломав сургучную печать, я вытащил белый лист бумаги. Раскрыв его, я стал жадно вглядываться в текст, буквально пожирая его глазами. Он был очень краткий «Мой сын, раз ты читаешь это письмо, значит, пришло твое время взять на себя тот тяжкий груз знаний, которые заключены в этом свитке. Да поможет тебе Всевышний пройти с честью через те испытания, которые выпадут тебе, твоей семье и нашей любимой Державе. Всегда с тобою, твой любящий отец». Внизу стояла размашистая подпись Александра III и дата. Именно дата мне говорила о том, что он уже тогда осознавал грядущие события и протягивал мне руку помощи, понимая то бремя ответственности, которое упадет на мои плечи.

Царь бросил докуренную папиросу в бронзовую пепельницу на письменном столе и замолчал. Затем, привстав, вытащил из портсигара новую, и, разминая ее, задумчиво смот-

рел в окно, в котором отражались его жена и дети, притихшие в дальнем углу комнаты, возле журнального столика и секретера, на котором, медленно мерцая, горела свеча в ажурном бронзовом подсвечнике. Ни один звук не долетал оттуда, а на противоположной стене мерцали и изгибались различные тени, которые отбрасывал свет свечи. Воск стекал и капал, и именно в этот момент тени подскакивали и колебались в разные стороны, превращаясь в фантастические, то удлиняющиеся, то укорачивающиеся фигуры. Красноватый отблеск свечи отсвечивал и в лицо Николая П. И когда он говорил, увлекшись своими воспоминаниями и переживаниями, периодически наклоняясь, чтобы сбросить пепел в пепельницу, то его лицо как бы приобретало новые черты, то увеличиваясь, то утончаясь, и при этом одна сторона алела от света свечи, а вторая была в тени. И это исполнено какого-то далекого определенного смысла, который улавливался с трудом, постепенно поднимаясь на поверхность, и оттого был почти узнаваем, и в силу этого неприемлем.

Я молча продолжал стоять, внимательно слушая его монолог, который как бы вырывался в виде слов из его изболевшей души и приобретал очертания реальных вещей, которые стояли перед ним, и он ощущал их не только морально, но и физически. Затянувшись новой порцией дыма от папиросы, он медленно продолжил.

– Затем я взял свиток и замер, ощущая непонятную тяжесть от этого казалось бы, легкого предмета. Но эта тяжесть

не была физической, хотя она и давала о себе знать, эта тяжесть была какой-то другой, и даже не тяжесть неизвестного, а тяжесть, я бы сказал, ответственности, о которой говорил в своем письме отец. Вы ведь, очевидно, слышали о предсказании Великого святого земли русской Преподобного Серафима Саровского по поводу нашей династии – династии Романовых? Я ознакомился с ним, и хотя оно вызвало у меня тревогу, я никому об этом ничего не сказал. Мы отслужили благодарственный молебен ему, и я надеялся, что с Божьей помощью все образуется. И если это было известно по слухам определенному кругу людей во дворце, то это новое послание как бы выплыло из далекого прошлого и требовало меня все сильнее и сильнее. В конце концов решившись, я взломал печати и развернул свиток. Передо мною оказался текст, написанный уже поблекшими чернилами, гусиным пером, на старославянском языке. Прочитав его, я медленно опустился в кресло и почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица, которое покрывалось каплями пота, а руки и ноги похолодели. Несколько минут я просидел в оцепенении, не в состоянии шевельнуться, и только сердце гулко билось в груди так, словно я бежал целый день от своры диких собак. Я понял то, о чем предупреждал меня отец, очевидно, знавший эту страшную тайну уже давно. Теперь мне понятно стало и его отношение ко мне и поведение маман, когда она бросала тревожные взгляды на меня в моем, теперь таком далеком детстве.

Он опять замолчал, уставившись в окно, за которым плыла огромная луна, местами приобретающая багровый оттенок и пробивавшаяся внутрь комнаты своим светом, покрывая то пространство, где находился царь, тонкой багряно-лунной дорожкой, озаряя сидевшую в углу Алекс с детьми, в страхе прижавшимися друг к другу. Не выдержав этой внезапно открывшейся картины, я подошел к окну и резко задернул штору. Царь вздрогнул и недоуменно посмотрел на меня.

– Вдруг нас увидят с улицы часовые и прибегут сюда, – пояснил я в ответ на его недоуменное выражение лица.

Он кивнул головой и медленно затушил папиросу. Я ждал, когда Николай II заговорит, но он молчал, затем неспеша опустился в кресло и стал постукивать правой рукой по крышке письменного стола, продолжая мыслями оставаться где-то далеко, в том времени, о котором он только что говорил. Я сделал еще один шаг к столу, пытаюсь поймать его задумчивый взгляд, когда он вдруг, словно очнувшись, поднял голову и посмотрел на меня. Затем медленно произнес:

– Вот такие дела...

Заинтригованный его рассказом, я ждал продолжения, меня интересовало то, что же все-таки было в этом свитке. Не то, чтобы я ничего не знал. Определенные сведения, поступавшие по нашим каналам, имелись, но я хотел услышать их подтверждение из первых уст. И поэтому мысленно, ненавязчиво подталкивал государя к самому главному – раскры-

тию смысла сообщений, имевшихся в рукописи. Но он умело обходил этот вопрос, косвенно подходя к этой главной теме, и сразу замыкался, боясь произнести вслух эту тайну, которая теперь, как никогда, терзала его.

– Что же случилось дальше? – спросил я его, пытаюсь подтолкнуть к продолжению монолога.

– А ничего. Я прочитал свиток и спрятал его на старое место. Писать письмо моим потомкам и передавать рукопись не имело никакого смысла. Я решил, что это навсегда останется со мною. Позже, согласно завещанию, мы с семьей выехали в Гатчину, и я вновь вынул свиток, кратко, опуская многое, пересказал его Алис и детям. Теперь этот ларец находится в нашем багаже. И вы отвечаете за его сохранность.

Недоуменно посмотрев на него, я осторожно спросил:

– Что же было там такого, что заставило вас принять подобное решение?

– Много чего, – ответил государь. – Зная вас как способного молодого человека, преданного делу, одно могу сказать. Если первое сообщение нашего батюшки Серафима Саровского касалось династии Романовых в целом, то второе предсказание касается моей семьи и будущего нашей многострадальной России.

«В чем же тут различие?», – подумал я про себя. Ведь судьба династии Романовых так тесно переплетена с судьбой страны, что разорвать эти связи достаточно тяжело. Учитывая ситуацию, которая сложилась, вполне очевидно, что го-

сударь поступил так, отрехшись от престола, на основании каких-то очень важных обстоятельств, о которых знал только он. И пока он жив, хотя уже не в качестве государя такой огромной державы, он все равно олицетворяет ее, ее прошлое, которое хоть и не всегда было безоблачным, но, тем не менее, и сегодня вдохновляет нас на защиту Отечества. И наш долг охранять его и выполнять все его приказы беспрекословно, без тени сомнения, ибо он, так же как и его предшественники, не только традиция, но и соль земли русской, вокруг которой формировался и формируется наш характер, наши идеалы и все то, что связано с Родиной на протяжении многих столетий. И разорвать этот круг невозможно. Правда, и эта связь может порваться, но только в одном случае, о котором я даже не хотел и думать.

– Очевидно, – начал я осторожно, – на основании имеющихся сведений Вы и приняли решение об отречении от престола, сделав это также и за наследника?

– По большому счету, это так, – задумчиво ответил Николай, – и кроме того я посчитал, что это будет лучше для страны, для моего народа.

– И что же дальше? – спросил я. – Что же ждет нас в этом близком и таком далеком будущем?

– Что нас ждет? – вопросом на вопрос ответил он. – Если бы я знал! А то, что я знаю, я бы не хотел, чтобы оно сбылось. Во всяком случае, ничего хорошего, хотя я надеюсь на лучшее. Будет великая смута, которая уже началась, бу-

дет попытка поставить все с ног на голову, забудут Бога, перекрутят и попытаются затоптать наши традиции, нашу веру. Много еще чего будет. Все это так туманно изложено в том свитке, – проговорился он и, осекшись, посмотрел внимательно на меня. – А для моей семьи судьбоносным будет 1918 год. Ваша задача сохранить все это, ведь это ваша прямая обязанность, не так ли? – почти утвердительно закончил он, пристально глядя на меня.

«Откуда он знает? – мелькнуло у меня в голове. Хотя, очевидно, как глава государства он был посвящен в некоторые моменты нашей деятельности».

– Это обязанность каждого человека, патриота своей страны. Только верность долгу, традициям и патриотизм сохраняют и двигают вперед нацию, – ответил я.

– Похвально, – сказал царь. – Теперь вам понадобится большое мужество и умение, чтобы претворить все это на практике.

– Неужели все так плохо? – спросил я, уловив тревожные ноты в его голосе, при абсолютно спокойном выражении лица. – Неужели никакого просвета впереди? И то, что сделано народом, страной, государством, династией будет выброшено на свалку, забыто, растоптано, заплевано и унижено?

– Нет! – резко ответил он и энергично сделал два шага к свече, поправил ее, убрал налипший нагар, отчего она засветилась ровным пламенем, и снова повернулся ко мне. – Все плохое когда-то кончается. В определенной степени

всем нам придется через это пройти. Очевидно, это расплата за наши грешные дела, без которых, к великому сожалению, мы не в состоянии творить хорошее. Но пройдет это тяжелое время, и придут люди, которые продолжат наш путь. Путь возрождения страны. Их имена и дела будут соответствовать тому историческому пути и той роли, которая предначертана России в этом сложном мире. Они возникнут как бы сразу ниоткуда и будут олицетворять собою все лучшие качества, которыми должны обладать государственные мужи. Не все будет у них гладко, но они будут уверенно вести страну вперед.

– Когда же это будет? – спросил я.

– Я тоже хотел бы это знать, – ответил Николай. – Но очевидно ни при нашей с вами жизни, хотя я надеюсь, несмотря ни на что, мы все проживем достаточно долго.

– И это все? – я снова вопросительно посмотрел на него.

– Нет, не все. Я никому не хотел об этом говорить, но, учитывая ваши обязанности и то поручение, которое я вам дал, я хотел, чтобы вы со всей серьезностью отнеслись к этому. Ибо в какой-то степени от него зависит будущее России. Не мне вам говорить, сколько у нас врагов, желающих растащить страну по кускам.

Он снова замолчал, словно собирался с мыслями, затем медленно, словно с большим трудом выдавил из себя:

– Не буду раскрывать вам детали, скажу только одно, что те предсказания, которые там имеют место, и плохие и хо-

рошие, начинают сбываться. Это я уже почувствовал на себе и своей семье. Так вот, там расписано более четко будущее России на достаточно длительный период. Причем расписано не только, к чему она идет, но и те угрозы и те силы, которые будут препятствовать ей на этом пути, указаны слабые места, которые подлежат более тщательной проработке, что может задержать или приостановить на время этот путь. Поэтому вы понимаете, если оно попадет в чужие руки, то какой вред оно может принести нашему многострадальному народу. Тем более, как мне кажется, в связи с последними событиями охота за этим пророчеством уже началась.

«Да, – подумал я, – это я начал чувствовать уже на своей шкуре, причем не только на физическом уровне».

– В связи с этим я требую, – энергично продолжал царь, – да, не прошу, а требую, чтобы все это доставили в целостности и сохранности моему любезному кузену – английскому королю. И даже если что-то случится со мной, моей семьей..., – у него перехватило дыхание.

– Ваше Величество! – воскликнул я.

– Не перебивайте меня! – Николай даже притопнул ногой. – Итак, даже если что-то случится со мной и моей семьей, не спускайте глаз с этого свитка, где бы он ни находился. Кроме того, когда вы посчитаете, что уже сложились все необходимые условия, и Россия двинулась вперед по предначертанному ей пути, я поручаю вам инициировать возвращение этого свитка на родину и передачу его руководству страны.

Для этого я разрешаю вам использовать все те финансовые средства, которые я вам передал и которые вы посчитаете нужным применить для этого дела. Используйте все возможности.

– Ну-с, молодой человек, – подвел итог император, – Вам все понятно? Есть какие-либо вопросы?

– Нет, Ваше Императорское Величество, – ответил я. – Все понятно. Единственное, я хотел бы порекомендовать вам переехать из этого дворца, хотя бы в Крым. Там более приемлемые условия для здоровья. А здесь сыро, хмуро и как-то неуютно, – объяснил я, стараясь не называть истинных причин, побудивших меня сделать подобное предложение.

– Хорошо, – ответил император, – я буду просить о такой возможности.

Видя, что он закончил разговор, я, поймав паузу, спросил:

– Разрешите откланяться, Ваше Императорское Величество!?

Он внимательно посмотрел на меня, протянул рук и произнес:

– С Богом!

Я, щелкнув каблуками, повернулся к императрице и, наклонив голову, обратился:

– Ваше Величество.

Она поднялась с подушки «думки», постеленной на стул, на котором сидела, медленно подошла ко мне, поцеловала в лоб и перекрестила. Я молча поцеловал ей руку и, четко

повернувшись на каблуках, направился к выходу.

– Да, вот еще что, – остановил меня император. – Если вдруг с нами что-то случится, – он печально посмотрел в сторону своей семьи, – то я просил бы вас по крайней мере выяснить все обстоятельства этого.

– Ваше Императорское Величество..., – попытался возразить я, но он поднял руку, прервал меня, показав в сторону выхода.

– Я больше вас не задерживаю, – и отвернулся к окну.

Боковым зрением я уловил вопрошающий взгляд Анастасии и, с силой дернув за ручку двери, вышел в коридор. Здесь царил полумрак и тишина. Передо мной стояли огромные удивленные глаза Анастасии, и я впервые ощутил, что она мне не безразлична. Однако дело было прежде всего. Тем более, что я ей не ровня, хотя, как я уже говорил, происходил из знатного и древнего рода.

Сначала расслабившись, а затем сконцентрировав свои чувства, я внутренним зрением стал проверять помещение за помещением с тем, чтобы убедиться, не пропустил ли я чего-нибудь непонятного. Однако вроде бы все было нормально, и кроме тяжелой и какой-то напряженно-липкой тишины и запертого, но отчаянно бьющегося в дальнем углу янтарной комнаты энергетического сгустка ничего подозрительного не было. Я медленно подошел к статуе и, проделав ту же манипуляцию, положил на место свои «инструменты». Вернув ее в первоначальное положение, я, как бы извиняясь,

похлопал ее по бедру и направился к дежурному офицеру.

Открыв дверь в дежурную комнату на первом этаже, я сразу же наткнулся на остекленевшие глаза прапорщика. Он, медленно встал со стула и не пошел, а словно потянулся ко мне, наткнувшись на мой взгляд. Поблагодарив его за содействие, я попросил провести меня мимо часовых к выезду из дворца. Он, повинувшись моей команде, первый вышел в коридор и, открыв тяжелую входную дверь, пропустил меня вперед. Так мы дошли до чугунных ворот, и он махнул часовому, чтобы он пропустил меня. Отдав честь друг другу и пожав руки, мы расстались.

Неожиданная встреча

Было далеко за полночь, и луна еще проблескивала из-за туч. Об извозчике можно было только мечтать. Куда идти? На вокзал, но поезда ходили только днем. Скорее всего, надо было идти к дачам, а там где-нибудь пристроиться. Однако к кому идти? Это тоже несправедливый вопрос. Кто может быть там в это позднее время? Часть хозяев этих дач на фронте, часть в связи с событиями, происходящими в стране, выехала за границу вместе со своими семьями, часть убежала из Питера в дальние имения, чтобы пересидеть в тишине. На дачах могли оставаться только преданные царю люди. Но и они не должны знать, что я был здесь. И тут я вспомнил о графине Онорской. После гибели мужа на фронте она пере-

ехала в Царское Село и почти безвыездно жила здесь. И я решил направиться к ней, так как давно знал ее покойного мужа, который косвенно участвовал в наших делах.

Подул сырой ветер, неся с собою запах надвигающейся бури. Необходимо было спешить. Подняв воротник шинели и натянув потуже на голову офицерскую фуражку, я решительно двинулся вперед. Ветер, дующий мне в спину, ускорил мое движение и в то же время заставил меня еще более продрогнуть. В принципе я добрался до поселка без приключений, хотя дорога шла вдоль леса. Периодически слышен был волчий вой, да чувствовалась какая-то напряженность, словно тот невидимый и закрытый во дворце мысленно посылал мне свои гневные импульсы, которые, достигнув меня вместе с порывами ветра, буквально бросали вперед. На границе поселка у первых домов это все прекратилось как по мановению волшебной палочки. Это было связано с тем, что я затерялся среди множества объектов, проживающих здесь, и вычислить мое расположение становилось затруднительным.

Вошел я в поселок с западной стороны, а дача княгини находилась где-то на северо-западе. Пришлось искать в темноте этот двухэтажный деревянный дом с красивыми наличниками и входом с деревянными колоннами. На улице не было ни души, только где-то подвывали и тявкали собаки. Прикинув направление, я двинулся вдоль улицы к перекрестку. Подходя к нему, я уловил какое-то движение сзади. Резко обернувшись, я наткнулся на злобный взгляд невзрач-

ного субъекта, находящегося метрах в семи от меня. Он был одет в помятую солдатскую шинель, а на ногах красовались ботинки с обмотками. В его правой руке поблескивал штык-нож от немецкой винтовки, острием направленный в мою сторону. Я сразу, мгновенно просчитал его намерения. Этому меня учили мои учителя: сразу выявить главное – глаза, выражающие эмоции и влияющие на челюстно-лицевые мышцы, а положение ног подсказывало дальнейшие действия противника. Поза моего визави и его взгляд были явно недоброжелательными.

Снова послышался шорох, на этот раз со стороны перекрестка. Не отрывая взгляда от незнакомца, я чуть повернул голову и увидел, как ко мне, крадучись, приближается второй человек, одетый в венгерку и кубанку, но уже в сапогах. Руки он держал в карманах. И от того, как он напряженно сжимал правую руку в оттопырившемся кармане, явно было видно, что там находился револьвер. Луна светила ему в спину, поэтому его лицо находилось в тени. Но даже при этом плохом освещении явно было видно, что в нем что-то не так. Я напряженно всматривался в него, пытаюсь найти ответ. Когда он ближе подошел ко мне и чуть повернулся боком, очевидно, выбирая наиболее удобную позу для нападения, я понял, в чем дело. У него был всего один глаз, а через все лицо шел большой шрам от удара саблей. Поэтому у него был такой свирепый вид, который вызывал естественный страх у людей, хоть раз взглянувших ему в лицо.

– Куды спешим, ваш бродь? – произнес он, сплевывая себе под ноги. – Може покалякаем трохи, а еще лучшее подымим. Чай папироски барские, духовитые. Я страсть до них охотник.

Говоря не переставая, он медленно приближался ко мне, пытаясь усыпить мою бдительность и вызвать расположение к себе. Пришел в движение и второй собеседник, который, поддерживая своего товарища, тоже двинулся в мою сторону.

– Дык он, наверное некурящий, – произнес он, гнусава.

– Ну тогда пусть даст денжат на папироски али махорку, – словно выплюнул одноглазый от распирающей его злобы.

– Откель ты, барин, топаешь? Не от Николки ли бежишь? А то как его там заперли, так многие бояре и побегли оттуда. Туда почти никто, а оттуда, ой как много было, а потом тишина. Вот ты первый и то ночью. А чаво ночью? Видать, приперло. Наверное, золотишко тащишь али еще чего, – продолжал одноглазый, все выбирая наиболее выгодную позицию для атаки.

– Давай, гад, все сюда! – подскочивший за это время бандит в обмотках занес нож для удара, надеясь испугать меня.

– Братва тебя в Питере не кончила, так мы зараз управим это дело, – поддержал его второй, очевидно, тоже выйдя на позицию атаки.

Они стояли, набычившись, в двух шагах от меня. И отсутствие реакции с моей стороны, наверное, сбивало их с

толку. Они не привыкли к такому поведению жертвы. Поэтому пытались спровоцировать меня, чтобы получить повод для дальнейших действий. Беседовать с ними и задерживаться для выяснения отношений у меня не было никакого желания. Тем более, что я сильно устал, проделав за сегодня огромный путь от Питера до Царского Села. Трудно далась и схватка во дворце. А последние два часа пешком хоть и восстановили мое душевное равновесие, тем не менее добавили усталости. Надо было решать, как поступить с этими двумя живодерами. По своей ли воле они вышли на меня или их кто послал, просчитав возможный мой путь, было непонятно. Ответ придется искать позже. Сейчас надо нейтрализовать их и идти дальше.

Выждав, когда субъект в шинели подошел ко мне и протянул левую руку, чтобы схватить за воротник, я перехватил ее и, резко повернувшись, со всей силы брякнул его на землю, выбив в полете штык из правой руки. Одновременно я нанес ногой сильный удар сзади стоящему одноглазому бандиту, от которого тот сложился пополам. Подскочив к нему, я вырвал из его руки револьвер, который оказался офицерским самовзводом, и нанес ему несильный удар средним пальцем правой руки в горло, ниже кадыка, от которого он сразу отключился. Обыскав карманы лежавших без чувств разбойников, я не обнаружил ничего, достойного моего внимания, кроме небольшого клочка бумаги, на котором была какая-то надпись карандашом. Положив его в

карман вместе с револьвером, я собрался было продолжить свой путь, когда лунный свет вдруг осветил безжизненную руку одноглазого. Она была обнажена выше запястья и на ней просматривались линии какого-то рисунка. «Наверное, татуировка», – подумал я, подходя ближе и приподнимая запястье руки. Подтянув выше рукава венгерки, я увидел рисунок, изображающий ползущего доисторического гада с открытой пастью. Причем он был расположен так, словно собирался сорваться с руки и вцепиться в жертву, раздирая ее на части. Такого я еще не встречал. Тогда я подошел ко второму напарнику и тоже осмотрел его. Однако руки у него были без наколок. Бросив обоих лежать на перекрестке, я двинулся дальше на поиски нужного мне дома. Проблуждав еще минут двадцать по проулкам, я наконец увидел его. Он стоял в тени трех больших деревьев, росших рядом с ним. Естественно, ни огонька, ни скрипа или шороха не доносилось с его стороны. Только свист ветра, который раскачивал вертушки сосен, тень от которых в свете полной луны гуляла по крыше.

Внезапно, словно сорвавшись с места, яростно залаяла собака, которая учуяла меня. Огромный кобель на цепи, встав на задние лапы и просунув свою лохматую голову в щель, громко лаял на меня. Не походя к нему вплотную, я постучал в ворота, что привело его в еще большую ярость. Так мы стояли друг против друга минут пять, пока в дворницкой комнате не зажегся свет. Затем открылась дверь, и огромный му-

жик в тулупе, накинутом на плечи, с охотничьей двухстволкой фирмы «Зауэр» в одной руке и керосиновой лампой в другой, подошел к калитке. Отогнав от нее заливающуюся в лае собаку, он прокричал:

– Кто тут?

– К графине Онорской, Владимир из Петрограда, друг ее супруга, – ответил я. – Прошу доложить ее сиятельству, что хотел бы, несмотря на поздний час, просить ее аудиенции.

– Куды уж позже, – буркнул мужик, – чичас доложим их сиятельству, – и не открывая калитки, громко зевая, он побрел обратно, пиная по пути заигрывающую с ним собаку.

Я продолжал стоять на ветру под охраной не перестающей лаять и рычать собаки. Правда, былого энтузиазма в ее голосе уже не было. А применять к ней свои методы дружеских контактов у меня не было никакого желания. Наконец на верхнем этаже, в угловой комнате зажегся свет, и через некоторое время все тот же бородатый мужик открыл калитку, заперев пса, и впустил меня во двор. Затем проведя через дворницкую на черную лестницу он завел в залу второго этажа и, буркнув «чичас будут», вышел, закрыв за собою дверь. Я остался стоять посредине комнаты, рассматривая в бледном свете мерцающих свечей картины и фотографии, развешанные на стенах.

Наконец минут через пятнадцать послышался стук каблуков, и в гостиную с испуганным выражением лица вплыла графиня. Была она среднего роста и миниатюрного сло-

жения. На красивой белоснежной шее гордо красовалась белокурая головка, увитая прядями кудрявых волос. Подхваченные сзади алой лентой, они в беспорядке рассыпались по плечам и извивались блестящими змейками при каждом повороте ее головы. Черные брови удивленно взлетели вверх, а огромные бездонно-синие глаза вопросительно смотрели на меня. Нежный овал щек был покрыт румянцем, который перебивали четко очерченные алые губы, чуть приоткрывавшиеся при выдохе. На ней был накинут длинный халат с огромными китайскими драконами на рукавах, которые переливались золотом от света горящих свечей и очень мило гармонировали с ее белокурой головкой. Остановившись у входа, она двинулась мне навстречу, протягивая руку.

– Что случилось, Вольдемар? – на французский манер произнесла она.

Я молча взял ее протянутую белоснежную руку с чувственными пальцами и нежно прижался к ней губами. Она пахла тончайшими французскими духами и первозданной чистотой, которую не так часто встретишь в женщине. Я специально затягивал паузу. Мне не хотелось отрываться от этого «родника», дающего мне силы, и я продолжал жадно вдыхать ее запахи, которые переполняли все мое существо и, несмотря на усталость, готовы были выплеснуться наружу. Когда я почувствовал, что ситуация становится критической, я отпустил ее руку и произнес осипшим голосом:

– Ничего страшного, сударыня! Все нормально. Вы, как

всегда прекрасны! Ваше очарование заставляет терять голову только от одного вашего взгляда.

– Полноте, Вольдемар, – она залилась краской и махнула шутливо рукой, приглашая присесть в кресло, стоявшее в углу. Подведя ее туда и подождав, пока она устроится поудобнее, я продолжил беседу.

– Несравненная Екатерина Ульяновна, я приношу свои глубочайшие извинения за этот ночной визит. Однако обстоятельства сложились так, что кроме вашей чуткой души мне не к кому больше обратиться.

Она внимательно слушала меня, сложив руки на коленях и чуть склонив голову набок.

– Я только что от императора. Был удостоен чести встретиться не только с ним, но и со всей монаршей семьей.

– Господи! – воскликнула она, подавшись вперед, – как они там? Здесь ходят такие ужасные слухи. Давече камергер Пал Иванович Егоров заезжал перед отъездом в Питер, так рассказывал, что вообще их держат за семью замками и подвергают всяким издевательствам.

– Не могу ничего возразить вам, однако то, что они находятся под усиленной охраной без права общения с внешним миром, это уж точно. И прислуги практически не осталось с царем. Я уже не говорю о наших вездесущих придворных вельможах, которые сразу перекрасились во всевозможные цвета и шастают по стране, призывая народ к бунту.

– Как матушка-государыня? Как детки, девочки? Ведь они

так привязаны друг к другу и воспитаны очень деликатно. Практически не знают реальной жизни. Им, наверное, так тяжело. Я вспоминаю случай, когда я находилась в свите императрицы. Мы с девочками решили купить сладостей. Зашли в лавку. Навстречу выскочил сам хозяин. Когда мы с ними, выбрав покупки, стали расплачиваться, то Анастасия, вынув из кошелька 50 рублей, была удивлена, когда хозяин дал ей сдачи. То есть они живут в совершенно другом мире.

– А почему Анастасия расплачивалась? – спросил я.

– О, она самая смышленная из девочек, поэтому ей доверяют не только деньги, но и некоторые семейные тайны, – продолжила она.

– Император дал мне одно деликатное поручение, – сказал я. – Поэтому мне следует завтра утром отправляться в столицу. Если на то будет ваша добрая воля, я просил бы вас позволить мне скоротать оставшееся время в вашей гостиной. А с рассветом я отправлюсь в путь. Право, мне неудобно просить вас об этом, и в любое другое нормальное время я бы не осмелился даже и подумать о таком.

– Полноте, сударь, – перебила меня графиня, – в такое сложное время мы должны помогать друг другу. В одиночку выжить становится трудно. Я это поняла на своем печальном опыте, – она подняла полные тоски глаза и посмотрела пристально на меня. – Ведь вы знаете, Вольдемар, как сейчас опасно в столице. Поэтому я и переехала сюда, с одной стороны, чтобы успокоиться, с другой, чтобы быть поближе к

монаршей семье. Вдруг я смогу им чем-то помочь. Минимум слуг, минимум желаний... Как вроде бы совершенно другой мир.

– Да, другой, – подхватил я ее мысль. – Тот, который был раньше, остался на другой стороне, ушел в прошлое. Грядет совершенно новый мир, лица которого мы еще не знаем, но то, что уже происходит в нем, дает возможность увидеть его отдельные черты, которые, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Почему-то стало больше жестокости, обмана, лжи. Люди как-то сразу поглупели. Не видят очевидного. Не видят тот разрушительный ураган, который навигается на нас. Конечно, что-то надо было предпринимать, реконструировать, создавать какие-то новые формы. И процесс этот пошел. Только вот времени на его эволюцию не дают. Считают, что самый верный способ – это революция. Возьмите Государственную Думу. Ведь выступления в ней депутатов – это почти призыв к насилию. И это высший государственный орган, в котором сидят люди, владеющие огромным капиталом и таким же влиянием. Казалось бы, наоборот. Нужны взвешенные шаги. Однако все напрасно. А знаете почему? Да потому, что это «цвет нации» в кавычках. Из всего состава Государственной Думы больше половины из неполных семей. Что можно ожидать от людей, выросших в неполной семье, не знавших традиций и не следовавших им в своей жизни? Сегодня все пытаются урвать – и в первую очередь для себя. Все равно что: деньги, золото, звание, должность и

т.д. А кто этому мешал? Отец нации – государь. Убрать его! Уйдет он, уйдут и традиции. Уйдут традиции, уйдет и народ, нация – и тогда делай, что хочешь, разделяй и властвуй. Вот такие дела.

Я закончил свой пылкий монолог и посмотрел на собеседницу. Она удивленно, в упор смотрела на меня.

– Я не знала, что вы такой оратор и умеете читать чужие мысли. Мне становится страшно рядом с вами, вдруг вы прочтете мои мысли, – уже шутливо закончила она.

– Дорогая графиня, – сказал я, подходя к ней и целуя ее руки, – ваша душа – такая нежная и трепетная, и тут не надо особого дара, чтобы прочитать ее, понять и воспринять ту доброту, которая исходит от вас.

– Полноте вам, Вольдемар, – ответила она и посмотрела на меня потемневшими глазами. – Я вас совсем заговорила, может быть чаю?

– Что вы, что вы, сударыня, какой чай в такое время? Я с вашего разрешения хотел бы немного отдохнуть.

– Конечно, конечно, – засуетилась она. – Я сейчас распоряджусь, чтобы вам постелили в кабинете.

С этими словами она выпорхнула в дверь. Вскоре послышался ее приглушенный голос, которым она отдавала указания горничной. Все это доходило до меня сквозь полумрак, в который я постепенно окунался, сидя в мягком, удобном кресле.

Минут через двадцать она вошла в комнату и, взяв по-

свечник со стола, предложила мне следовать за ней. Пройдя по коридору, она остановилась у одной из дверей, открыв ее, пожелала мне спокойной ночи и ушла в свои апартаменты. Я стоял у двери и смотрел ей в след до тех пор, пока слабый свет свечи и ее колеблющаяся тень не скрылись из виду. Затем, пошире распахнув дверь, я вошел в кабинет.

Это была просторная комната, отделанная деревянными панелями. У окна, выходящего на улицу, стоял письменный стол, на котором горела свеча. Рядом располагались два мягких кожаных кресла, стоящих у книжных полок, рассыпанных по стенам. Этот ансамбль завершался большим кожаным диваном, который был покрыт белоснежной, хрустящей простыней, так и манившей к себе своею девственной белизной. На небольшом журнальном столике стоял кувшин с водой и полотенце. Умывшись, я разделся и, положив трофейный револьвер под подушку, завел царский брегет на 6 утра и, бросившись на постель, сразу уснул. Проснулся я от мелодичного звонка, издаваемого часами. Было ровно шесть часов утра. За окном чуть начинал брезжить рассвет, поэтому определить, какая будет погода, было достаточно сложно. Не хотелось вылезать из теплой постели, однако времени было в обрез. Быстро вскочив и умывшись, я облачился в мундир и, разложив свои вещи по карманам, вышел в коридор и чуть не столкнулся с горничной, которая собиралась стучать в мою дверь.

– Ой, барин, напугали вы меня, – лукаво косясь, сказала

она. – Я вас провожу. Барыня велели просить вас позавтракать.

И с этими словами она быстро помчалась вперед. В гостиной был сервирован стол на двоих, и от горевшего канделябра свет искрился, преломляясь через хрусталь, и играл серебряными приборами, разложенными на столе. Графиня задумчиво сидела в кресле и, увидев меня, плавно поднялась, протягивая руку для приветствия.

– Как спалось? – спросила она. – Какие сны посетили вас ночью?

– Спасибо. Все было превосходно. А что касается снов, я не успел их увидеть, так как надо было просыпаться, – шутливо ответил я.

– Прошу вас, – она показала рукою на стол, на котором, приветливо пофыркивая, стоял медный самовар со множеством медалей по бокам.

За завтраком мы почти не разговаривали. Каждый был погружен в свои мысли, мысли о будущем дне, о будущем семьи, будущем царя, будущем России. Провожая меня к выходу, графиня сказала, что ее кучер Егор отвезет меня на станцию, чтобы я зря не терял времени. Выйдя на крыльцо, я увидел уже запряженный экипаж, возле которого, покрикивая на лошадь, важно прохаживался мой ночной собеседник. Повернувшись к графине, я поцеловал ее руку и поблагодарил за гостеприимство. Едва сдерживая слезы, она быстро перекрестила меня и, притянув мою голову своими руками,

поцеловала в лоб.

– Да поможет вам Бог, – сказала она.

– Только на него и вся надежда, – ответил я. – Спасибо еще раз вам за все, – и я, низко поклонившись ей, повернулся, чтобы сесть в экипаж.

– Погодите! – остановила она меня.

Быстро скинув с головы шаль, она закинула руки за шею и, расцепив золотую цепочку, протянула мне правую рукою медальон.

– Пусть он хранит вас. Здесь мой портрет. И знайте, где бы я ни была, я всегда буду молиться за вас и приду к вам на помощь.

С этими словами, повесив медальон мне на шею, она резко повернулась и заскочила в дом. Посмотрев ей в след, я в задумчивости спустился с крыльца и сел в экипаж. Егор, уже сидевший впереди, чмокнул губами и хлопнул вожжами, бросил наше транспортное средство навстречу новым событиям, которые были уготованы мне судьбою.

Дорога в Петроград

Примерно через час мы добрались до станции. Чтобы не привлекать к себе внимания, я перед станцией остановил Егора и через небольшой лесок вышел на привокзальную часть. Несмотря на ранний час народу было много. И местные жители, и солдаты, и крестьяне. Конечно, гражданский

цвет терялся на фоне серых солдатских шинелей. Казалось, толпа состоит не из отдельных частей, а представляет собой единое целое, которое одним махом накрыло железнодорожную станцию и теперь выжидало чего-то, принохиваясь и присматриваясь по сторонам. Слышались отдельные фразы, короткие реплики и раскатистый мат, который порой перекрывал весь этот шум. Все ждали поезд, который должен был отправляться в Петроград.

Никого из железнодорожных зрителей на перроне не было видно. Я решил подойти к кассе, окошко которой сиротливо смотрелось в конце станционного здания. Приблизившись к нему, я увидел дремавшего за столом служащего в потертой железнодорожной фуражке. Вежливо поздоровавшись, я спросил, как скоро прибудет поезд. Это вывело его из полусонного состояния, и он, осмысленно взглянув на меня и зевая, ответил:

— Да, кто его знает! Сегодня все перепуталось. Нет ни порядка, ни уважения. Вон солдатики шастаются с оружием и пускают его в ход, надо и не надо. Давече, ночью приставили его к груди и кричат, подавай им немедленно состав. Чуть в расход не пустили. Всем все надо немедленно. А где его взять? Паровозов, вагонов не хватает. Все ломается, а ремонтировать кто будет? Да, нет тебе ни власти, ни порядка. Поэтому, господин хороший, я отвечу вам так. Обычно состав выезжает в 7 утра. Теперь он задерживается, как правило, на час или два. Ждите, скоро должен быть.

Поблагодарив его, я отошел от кассы и стал сбоку здания так, чтобы видеть всю картину железнодорожного перрона. У меня было еще достаточно времени, и я стал наблюдать за толпой.

Вскоре она перестала быть для меня безликой массой, распалась на отдельные картинки, те, в свою очередь, на отдельные элементы, и я стал различать и фиксировать отдельные лица людей, проходивших мимо меня или стоящих на перроне. Вон группа английских матросов в бескозырках с бомбончиками. Там – молоденькая медсестра с раненым солдатом, а вон рядовой в серой шинели – явно переодетый офицер, что видно по осанке и манере поведения. Так я переводил взгляд по мере своего интереса к изучаемым человеческим персонажам, пока не уперся в чей-то знакомый профиль. Автоматически сработали рефлексы, «вбиваемые» нам при обучении, и память стала выдавать наверх возможных фигурантов, которые имели схожее строение. Однако нужная фигура пока не высвечивалась. Чтобы как-то ускорить процесс опознания, я стал передвигаться чуть вбок, рассматривая внимательно заинтересовавших меня собеседников. Их было трое.

Один, одетый в штатское габардиновое пальто, походил на маклера средней руки, хотя был выряжен в стандартный наряд. Во время разговора у него бегали глаза, которые к тому же имели разную расцветку. Это уже настораживало само по себе, потому что являлось своеобразной меткой, которой

надеялся человек, несущий в себе отрицательную энергию. Второй собеседник был достаточно высокого роста, чуть сутуловатый и одетый в солдатскую шинель. Космы грязных волос ниспадали с его головы. Глаза у него были злые и расположенные близко друг к другу. Казалось, что он смотрит в известную только ему одному точку. При этом он свирепо усмехался. Именно звериная свирепость была написана у него на лице. Даже бывалые фронтовики из-за этого выражения лица обходили стороной эту троицу, чем она и выделялась из общей массы присутствующих.

Наконец я нашел нужную мне точку обзора, и в моей голове как бы щелкнул контакт, найдя нужный ответ на поставленный вопрос. Из тысячи лиц всплыло одно лицо, которое соответствовало третьему собеседнику. Это был мой ночной визави, одетый все в ту же венгерку и кубанку. Он тем же характерным манером держал правую руку в кармане и шурил на собеседников свой единственный глаз. Однако его лицо как-то изменилось. Или я плохо разглядел его в темноте, или за это время с ним произошли какие-то трансформации. Чтобы выяснить это, я осторожно продолжил свое боковое движение, пока полностью не открылось его лицо. Я остановился пораженный. На его лице было два глаза. Причем один из них как бы светился изнутри, особенно, когда из-за туч стало выглядывать солнце. Присмотревшись более внимательно, я понял, что это был искусственный глаз, выполненный из какого-то материала, который словно излучал

в пространство какую-то энергию. Вот почему собеседник, одетый в пальто, стрелял глазами в разные стороны, очевидно, боясь посмотреть прямо в глаза своему партнеру, чтобы не попасть под его воздействие. Вполне вероятно, что он не раз попадал под влияние этой энергии и не хотел повторения. Второй громила тупо смотрел в этот глаз, вероятно, уже находясь под его влиянием, и казалось, готов был выполнить любую команду одноглазого.

Пока я собирался с мыслями и анализировал то, что мне выдала память, одноглазый, почувствовав внимание к себе, стал нервно крутить головой, словно пытаюсь определить, откуда может исходить потенциальная опасность. Увидя его лихорадочные движения я счел за благо смешаться с толпой и передвинуться в другой конец перрона. Тем более, что раздался паровозный гудок и трудяга-паровоз медленно втащил к перрону пассажирский поезд. Раздался звон привокзального колокола, и толпа с криком и воплями бросилась на штурм состава. Подхваченный этим водоворотом и подталкиваемый со всех сторон, я очутился возле вагонных поручней. Ухватившись за них, я успел вскочить на первую ступеньку и от толчков в спину буквально ввалился в вагон, где был зажат во втором купе возле окна. Минут через двадцать давка прекратилась и стало возможным даже дышать. Это означало, что посадка закончилась и мы скоро тронемся в путь. На перроне еще бегали опоздавшие и неуспевшие втиснуться в вагоны. Они пытались хоть как-то уцепиться за ва-

гоны, но это был сизифов труд, так как даже на крыше не было свободных мест.

Наконец на перрон вышел дежурный по станции в красной фуражке и, не обращая внимания на вопиющие нарушения правил безопасности перевозок, подошел к вокзальному колоколу, а затем достал из кармана большие часы. Открыв крышку циферблата и посмотрев на время, он ударил в станционный колокол, тем самым давая команду на отправление состава. Паровоз рывкнул гудком, и состав, словно сорвавшись с цепи, дернулся и стал, медленно пыхтя, набирать скорость в сторону Петрограда. Все облегченно вздохнули и начали устраиваться поудобнее. Я снял фуражку, положил ее на колени и перестроил выражение своего лица, придав ему больше доброжелательности и расположенности к общению с окружающими. Для этого я опустил складки губ, расправил лоб и натянул на лицо полуулыбку, сконцентрировав внутреннюю энергию на расположение к сидящим рядом попутчикам и принялся осторожно их рассматривать. Полувопросительное, полуглуповатое и наивное выражение лица очень сильно влияет на окружающих. Как учили нас, это толкает собеседников к вам навстречу. Они пытаются вам помочь, просветить, втолковать, научить, и вы, благодарно воспринимая их помощь, получаете достаточно много ценных сведений, подталкивая их к этому своими наивными вопросами и радостным выражением лица, означаящим, что до вас наконец-то дошла та или другая истина, которую они изла-

гали. Чем шире круг собеседников, принимающих участие в разговоре, тем шире поток сведений, которые вы хотите получить. Учитывая, что я достаточно долго не был дома, мне хотелось из первых рук узнать мнения о событиях, произошедших в стране за время моего отсутствия. Я ждал, когда завяжется беседа, чтобы потом плавно перевести разговор в нужное мне русло.

В купе нашего классного вагона вместо положенных четырех, оказалось человек пятнадцать. Они сидели не только на сидениях, но и на полу, тесно прижавшись друг к другу. Общий коридор в вагоне тоже был забит пассажирами. Поэтому я обезопасил себя от возможности быть узнанным моими ночными грабителями, так как свободное продвижение по вагону было практически невозможным. Со мною в купе оказалась медицинская сестра, которая поддерживала раненого офицера, оказавшегося ее мужем, пожилой священнослужитель, трое крестьян, мелкий торговец, а остальное пространство занимали солдаты. Некоторые возвращались после ранения, остальные бросив фронт, ехали через Петроград к себе домой. Многие были при оружии, и винтовки, пристроенные рядом, вызывали неудовольствие священника и страх у медсестры.

Первым нарушил молчание фронтовик, сидевший возле священника.

– Вот приеду домой и нажрусь от пуза, – заявил он, с вызовом поглядывая на окружающих. – А то после фронтовой

жратвы, пока добирались сюда, совсем отошали.

– А что, совсем не кормили? – поддержал разговор торговец. – Не может быть!

– Так я ж не про фронт, я про дорогу толкую, – как-то съезжившись, ответил солдат.

– Воевал бы как следует, тогда бы и пузом не сох, – зло вступил в беседу офицер. – А то вон деру дал. А кто будет защищать от немцев твою семью, Россию, кто?. Из-за таких, как ты, и немец прет вперед.

– Но, но, потише вашбродь, – кинулся в защиту первого второй солдат, возле сидевшего капитана у дверей. – Не он виноват, а генералы и Николка, которые все предали Рассею и нас, а теперь что?

Этот внезапно возникший вопрос как бы завис в воздухе, и на какое-то время прекратил начавшую разворачиваться перебранку. Как будто каждый мысленно пытался себе представить – что же будет дальше? Но очевидно, ответ не приходил или был до того страшен, что никто не пытался его озвучить.

Поэтому сидевший рядом торговец шевельнулся и, нарушив затянувшееся молчание произнес:

– Что-что, да ничего, жили и жить будем дальше. Только вот вопрос как? Вона в Петрограде бунты, кричат «голодовка, голодомор!» Бьют стекла магазинов, воруют все подряд, словно конец света. А ведь есть все: и хлеб, и сахар, и мясо, и крупы. Я вон поехал, чтобы узнать, как обстоят дела в дру-

гих местах. И что же – все есть. Пусть малость дороже, да и время какое! Вот и договорились с тамошним торговым людом о покупке съестных припасов для Петрограда. Так что дело не в припасах и голоде, а в чем-то другом.

– В чем другом? – спросил молодой солдатик, сидевший на полу, и резко повернувшись к торговцу, он наклонил винтовку так, что она коснулась священника.

– В чем? Да в том, – вступил в разговор он, брезгливо отодвинув в сторону винтовку, – что Бога забыли, царя арестовали. А без царя нет России. Царь ведь помазаник Божий. Лишится царя Россия, лишится и Божьего благословення. Наступит смута огромная. Святые старцы давно глаголили об этом. Спаси и сохрани, Господи, Рассею, – он тяжело вздохнул и перекрестился. То же самое сделали и все остальные.

– Этих всех предателей – генералов, политиков-пустозвонов и банкиров я бы собственными руками, – прохрипел раненый капитан, выразительно показывая руками свои предполагаемые действия. – Проворовали, продали страну. Довели нас до такого скотского состояния, – он горько махнул рукой и опустил голову.

И столько горечи и тоски было в его словах, искренней боли за судьбу страны, что все остальные, повернув голову, сочувственно посмотрели в его сторону. Его супруга успокаивающе положила свою руку на его голову и нежно притянула ее на свое плечо. Капитан, стиснув зубы, тяжело дышал и, казалось готов был расплакаться.

– Он еще и контуженый, – сказала жена, как бы извиняясь глядя на присутствующих. – Я с трудом отыскала его на поле боя после атаки и два месяца выхаживала в госпиталях. А теперь вот дали отпуск, чтобы долечиться в домашних условиях. Вот едем в столицу, а что там нас ждет – сами не знаем.

Так, то возобновляясь, то затихая продолжалась беседа в купе. При этом не было каких-либо сложных ситуаций, все чувствовали себя на равных. Очевидно тяготы жизни и та атмосфера дороги, которая способна объединить людей, сделала свое дело и сделала всех людей именно людьми, оставив за окнами вагона, пусть временно, все проблемы, которые волновали каждого.

Из этой беседы я узнал, что в стране произошел переворот, в котором обвиняют немцев и крупных политиков-фабрикантов, а царя – в нерешительности и предательстве интересов страны, что столица и вся страна в целом обеспечена продовольствием. Однако недостаточно оружия, боеприпасов. В армии резко упала дисциплина. Все увлеклись митингами и созданием всяких комитетов, хотя для чего они никто не знает. Единоначалие подорвано, а часть офицерского корпуса и генералитет заигрывают с солдатскими массами, объявляя себя революционерами. Что тут говорить, когда сам адмирал Колчак, к которому благоволил государь, принял участие в его аресте! Никто воевать не хочет. На фронте идет братание. При этом, если со стороны немцев оно осуществляется по команде сверху, то с нашей стороны или стихий-

но, или по решению полковых комитетов. В стране сложились две крупные оппозиционные силы, которые ведут борьбу друг с другом за власть. Одни – заживевшие представители отечественной буржуазии использующие свои капиталы в надежде приумножить их в дальнейшем, другие – «голодные» и обозленные – ведут политический бой на средства вражеской Германии и обладают большим демагогическим воздействием на массы, которые, выбыв из привычной правовой колеи и опьяненные духом вседозволенности, в большинстве своем попали под их влияние. Кто подпитывает их энергетику, через кого направляются отрицательные потоки энергии, так негативно действующие на людей, что они забывают про все: веру, царя, отечество, свою семью, родственные отношения и основные христианские каноны, с которыми воспитывались с детства. Частично ответ на этот вопрос я получил в Царском Селе, столкнувшись с энергетическим шаром, который, как мне кажется, не оставит теперь меня в покое ни на минутку. Ведь после встречи с ним, наверное не случайно меня подстерегали ночью с двое субъектов, а то , что потом я увидел их на перроне и еду в одном с ними поезде, убеждало меня в правильности моих выводов.

А что если аналогичное существо есть и в Зимнем, и в других дворцах? Тогда понятны все эти проблемы, постоянно преследующие в последнее время династию Романовых. Очевидно, это малая часть того, что пустило корни в стране и, как червь, начинает подтачивать общество, нашептывая

ему всякие идейки и толкая на крайние меры. Да, не все в нашем государстве, как и в любом другом, гладко. Однако нужно время на реформацию, нужны и люди, готовые это преобразить в жизнь передовые идеи. Таких людей всегда хватало в стране. Однако тех, кто противодействовал этому, было еще больше.

Предстояло выяснить, где еще могут быть подобные скопления отрицательной энергии и по возможности ее нейтрализовать. Жаль, что на все это у меня нет времени. Совсем другую задачу поставил передо мной император. Нужно было тайно и в то же время официально организовать вывоз из Зимнего дворца 150 ящиков с императорским багажом. Вопрос достаточно сложный, учитывая арест царской семьи и негативное отношение к нему, которое культивируется повсеместно. Одному не справиться. Подключать кого-то, значит предавать дело огласке. Поднимется шум по поводу возможного бегства царя и тогда неизвестно, что может произойти с царской семьей. Нужно искать другие пути и собирать свою, уже не раз проверенную команду. Но надо спешить, пока обстановка более или менее позволяет сделать это. Необходимо для багажа найти безопасное место, а затем выбрать дальнейшие пути его транспортировки в Англию. Все надо тщательно взвесить и продумать. Провала в этом деле быть не должно. Это единственный шанс, который пока есть у царя, так как обстановка в стране накаляется с каждым не то что днем, а даже часом. Если и дальше так пойдет,

то вполне возможен взрыв с непредсказуемыми последствиями. Так что времени, как всегда, почти нет. Думая о своем задании и поддерживая беседу ничего не значащими фразами, мы постепенно приближались к северной столице. К вечеру мы прибыли на место.

Вывалившись из душного прокуренного вагона, я быстро прошмыгнул внутрь вокзала и, встав у окна с затемненной стороны, принялся изучать толпу прибывших, выискивая среди них встретившихся мне подозрительных личностей. Мимо окна с разной скоростью и важностью пестрым калейдоскопом проходила вся повоенная страна, начиная от солдат-фронтовиков, матросов и заканчивая носильщиками и пацанами-оборванцами, шнырявшими в надежде хоть на какую-то поживу.

Вдруг в толчее мелькнул знакомый силуэт. Его тень, отразившись в окне, превратилась на мгновение в огромную амебу, которая, вытаращив глаза, в изумлении смотрела на меня, пока не пропала, растекшись по немытому стеклу грязными пятнами. Энергетический двойник – понял я, исподволь глядя на другую странную рожу, которая, как привязанная за веревочку собачка, неотрывно тащилась за субъектом со стеклянным глазом. Он нервно водил головой по сторонам, словно вынюхивая что-то. Следом плелся третий с котомкой за спиной и небольшим чемоданом в руке.

Отпустив их на небольшое расстояние, я двинулся следом, заблокировав свои мысли, так как понимал, что главарь

обладает способностью улавливать их на расстоянии. Минут через пять вся компания вышла на привокзальную площадь. Остановившись на минутку и обведя ее глазами, старший направился к автомобилю, на стоянке с извозчиками. Подойдя к нему и перебросившись несколькими словами с шофером, одетым в коричневую кожаную куртку, он махнул рукой своим подельникам, и пока они влезали в автомобиль, внимательно наблюдал за толпой, растекавшейся в разных направлениях от здания железнодорожного вокзала. Это заставило меня приостановить свое наблюдение и подойти к мальчишке, бойко торговавшему газетами. Пока я рассматривал их и выбирал, какую купить, одноглазый, убедившись, что все нормально, уселся на переднее сидение и громко захлопнул дверь. Водитель, выйдя из кабины, ручкой завел двигатель, и они покатали по булыжной мостовой в сторону проспекта.

Быстро расплатившись с продавцом и сунув газету в карман, я подбежал к стоящему рядом извозчику и, впрыгнув на сидение, крикнул, чтобы он ехал быстро за только что отъехавшим авто, пообещав хорошие чаевые. Тот, не говоря ни слова, подобрал вожжи и, громко хлопнув кнутом, бросил экипаж вперед, по следу автомобиля. Мы проехали через площадь и выскочили на Невский проспект. Движение было не очень интенсивным и вскоре, обгоняя ехавшие пролетки, мы увидели впереди двигавшийся на медленной скорости нужный нам автомобиль. Следуя за ним, свернули на Невский проспект и наконец остановились перед домом банки-

ра А. Ротштейна. Одноглазый выскочил из машины, подбежал к парадному крыльцу и позвонил. Спустя некоторое время дверь открылась, и он, обменявшись несколькими фразами с привратником, заскочил в дом. Выйдя оттуда через несколько минут, он подошел к машине и, взяв чемодан, понес его в дом. Покинув дом минуты через две, он задержался на крыльце и, оглядев улицу, снял свой головной убор, вытер пот со лба и внутренней поверхности шапки. Убедившись, что все спокойно, он сел в автомобиль, который стоял с включенным двигателем, и сразу же поехал вперед.

Запомнив дом, в который занесли чемодан, я подтолкнул кучера, и мы снова поехали за автомобилем. Так мы петляли по городу еще минут двадцать, пока автомобиль не остановился возле доходного дома купца Селиванова. Все трое пассажиров вышли из авто и налегке отправились к крайнему подъезду. Когда они вошли в него, шофер надавил на газ и тронулся с места стоянки. Выждав некоторое время, я, дав задаток кучеру и приказав ждать меня, выскочил из экипажа, подбежал к тому подъезду, в котором скрылись мои подопечные, и вбежал в него. Остановившись на секунду при входе, я прислушался. Было слышно, как по лестнице раздаются шаги поднимающихся людей. В этом здании лифта не было, а лестница, ведущая наверх, имела форму спирали. Это дало мне возможность, чуть выдвинувшись за угол первого лестничного пролета, увидеть всю троицу. Они поднимались не торопясь, осматривая по ходу висевшие на две-

рях медные таблички с фамилиями жильцов. Наконец они нашли нужную дверь на четвертом этаже, и одноглазый позвонил. Дверь почти сразу же открылась, затем послышался глухой звук начавшегося разговора, после чего все вошли в квартиру, и дверь со скрипом захлопнулась.

Выждав минуты три, я тихонечко поднялся вслед за ними и на двери, за которой они скрылись, увидел табличку, на которой славянской вязью было написано «Адвокат Остерман». Выяснив то, что мне надо было, я быстро спустился вниз и, сев в ожидавший меня экипаж, покатыл домой.

Беседа «по-венски» (Операция «Ящик Пандоры»)

Приехав домой, я первым делом позвонил своему начальнику. Барышня-телефонистка очень долго соединяла нас, ворча в трубку милым голоском. Наконец ротмистр снял трубку и, узнав меня, поинтересовался как обстоят дела. Мы переговорили ничего не значащими фразами, которые имели двойной смысл. В конце разговора для уточнения деталей я предложил своему начальнику встретиться в ресторане «Вена». Затем, приняв душ и переодевшись, я уселся в мягкое кресло в овальном углу гостиной и, вытянув ноги, стал анализировать сложившуюся ситуацию. Она напоминала головоломку, концы которой были спрятаны внутри. Необходимо было правильно определить место входа в нее, чтобы докопаться до истины, и на основании этого сделать правиль-

ный вывод. Решать эту задачу следовало оперативно, так как времени не было совсем. Но то, что произошедшие события были связаны напрямую с моим заданием, было однозначно. Что же еще было в багаже императора такого, что определенные силы достаточно упорно и целенаправленно пытаются помешать его вывозу за пределы страны, а то и просто завладеть им? Размышляя над этой проблемой, я для себя сделал два вывода: первый – постараться выяснить, что еще скрывается в багаже императора, второй – как можно быстрее вывезти его из Зимнего дворца.

Приняв решение, я сделал еще несколько звонков своим самым надежным помощникам и назначил им встречу на утро следующего дня. Затем я позволил себе немного расслабиться с бокалом терпкого красного крымского вина в любимом мягком кресле. Итак, начинается новый этап моей деятельности хранителя, и перед стартом, который начинается уже сегодня, следовало морально хорошо подготовиться, привести в гармонию свои мысли и чувства, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

Ближе к девяти вечера я, умывшись и переодевшись в вечерний костюм, вышел на улицу, поймал извозчика и направился в ресторан. Несмотря на сложную обстановку в стране и в столице, рестораны и другие заведения подобного рода работали в полную силу. Цены, естественно, выросли на порядок, но лоск и обслуживание остались на прежнем уровне, поэтому желающих попасть туда было хоть отбавляй.

Ресторан находился на Малой Морской улице в доме №13. Правда, теперь, в связи с войной и патриотическим движением, он сменил свое название и именовался скромно «Ресторан И.С. Соколова», но публика и шарм остались прежними. Здесь собирался весь литературный и театральный цвет столицы. Среди завсегдатаев были А. Куприн, А. Толстой, А. Блок – восходящая звезда. Обычно этот народ собирался ближе к 23.00, когда начинался ужин. А до этого обед, который длился с трех часов дня до шести вечера, посещало около 600 человек, уютно чувствовавших себя в четырех огромных залах и 19 кабинетах, наслаждаясь сеансами французской борьбы и бильярдом. Вечером же здесь царила другая атмосфера. Оркестра не было, но в центре основного зала стоял рояль, и многие знаменитости, в том числе Ф. Шаляпин, Л. Собинов, часто пела знаменитая Марго и другие, баловали публику своими экспромтами. Царили веселье, шум, гам, литературные споры и шутки. В этой обстановке было возможно, не привлекая к себе особого внимания, вести деловые разговоры, так как каждый был предоставлен самому себе и своей компании. Другое дело, ресторан «Данон», где мне приходилось бывать по роду своей деятельности. Его посещали не только Г. Распутин, И.С. Тургенев, Н.И. Костомаров и другие, но и члены императорской фамилии и сам Николай II, который встречался здесь с балериной Кшесинской. Поэтому приходилось проводить определенные мероприятия, чтобы некоторые из этих встреч не были преданы

огласке. Поэтому на втором этаже находился кабинет для особо важных гостей, который во время этих встреч приходилось блокировать соответствующим образом.

Здесь же, в ресторане «Вена», все было попроще. Царил эдакий дух братства. Заводилой выступал А. Куприн, который обычно прибывал сюда из других ресторанов в компании своих наиболее стойких собутыльников, которые выдерживали этот ресторанный марафон, полный впечатлений и последних новостей, и заказывал себе неизменную отварную ветчину под соусом «бешемель» и немного джина. Хмуро оприходовав этот нехитрый заказ, он веселел и начинал куражиться, выдавая кучу последних новостей, среди которых были очень даже интересные. Поэтому я периодически посещал этот ресторан и пользовался случаем узнать побольше почти из первых уст. Ресторан работал до трех часов ночи, но гуляние здесь практически проходило всю ночь. Утром для желающих здесь с двенадцати до пятнадцати часов дня подавался поздний петербургский завтрак стоимостью в один рубль семьдесят копеек, неизменным составляющим которого был графинчик водки. Естественно, после бурной ночи, желающих было хоть отбавляй. И здесь утром тоже велись интересные разговоры, дающие пищу для ума и тех грядущих событий, которые могли произойти в столице.

Подъехав к ресторану и расплатившись с извозчиком, я направился к парадному входу, который блестел огнями и начищенным степенным швейцаром. Бросив на меня про-

фессиональный взгляд, он снял фирменный картуз, склонился в поклоне и произнес «Добро пожаловать, ваше благородие», открыл дверь передо мной. Пройдя через нее я очутился в широком коридоре, блестящем мраморными полами и огромными зеркалами гардеробной. Бросив пальто, шляпу и трость в руки подскочившему дежурному, я направился в зал ресторана, мимоходом глянув на свое зеркальное отражение. Все вроде бы было в порядке.

При входе в зал из полумрака выдвинулся метрдотель и осведомившись о моем заказе, быстро лавируя, провел меня к нужному столику. Ротмистр сидел уже там, попивая сельтерскую воду. Обменявшись с ним рукопожатием, я присел на стул, услужливо пододвинутый метрдотелем. Сразу же, словно из-под земли, появился официант, который положил перед каждым из нас шикарно оформленные в тисненую красную кожу меню и карту вин и услужливо склонился в полупоклоне, ожидая наш заказ. Раскрыв меню, мы с ротмистром погрузились в изучение блюд и закусок. Каждый выбирал на свой вкус. От разнообразия блюд и французских названий пестрело в глазах. После некоторого колебания я выбрал себе суп-пюре из перепелок Виктория, филе де беф а-ля Жардиньер с соусом Перегюль и пломбир Меттерних, не считая разных закусок. Кроме того, мы заказали пару бутылок французского вина и пунш Ромен. Ротмистр выбрал себе суп-пюре Сант-Гюбер, стерлядь Империял и фруктовый пломбир. Сделав заказ и отпустив официанта, мы об-

менялись быстрыми взглядами и стали с ничего не значащим видом рассматривать посетителей за соседними столиками. Публика только начала заполнять зал с гомоном, приветственными возгласами и выстрелами из бутылок шампанского «Вдова Клико». Рояль сиротливо стоял в одиночестве, поблескивая лаком от висевшей над ним люстры. В остальной части зала царил полумрак и посетители ресторана занимались или светскими разговорами, или предавались обжорству, находясь в разной стадии веселья и отдавая дань превосходной кухне ресторана. Находясь в полумраке, возле одной из центральных колонн зала, мы достаточно хорошо видели посетителей ресторана и мелькавший между столиками обслуживающий персонал. Сегодня ресторан в основном заполняли представители высшего общества столицы. Вон виден четкий профиль князя Барятинского, а за соседним столиком блестит бриллиантами княгиня Семенова-Дольская. А вон группа гвардейских офицеров развлекается с артистками императорского театра. А за третьим столиком устроился банкир Синютин. Крепко зажав в руке вилку, он что-то втолковывает сидевшему напротив джентльмену средних лет, явно похожему на иностранца. Чуть влево, в дальнем конце зала, всюю уже гуляет компания армейских интендантов со своими подрядчиками, явно награв руки на армейских поставках. Как всегда, обычная публика, соответствующая тому периоду событий, которые происходят сегодня в стране. Оставались еще столики у дальних колонн и отдель-

ные кабинеты, которые плохо просматривались отсюда, однако ближайшее окружение не вызывало опасений. Узнаваемые люди были, но близких знакомых и явно или скрытых враждебных субъектов не было. Можно было приступать к беседе, тем более, что официант уже расставил часть из заказанных нами закусок и, налив вино, скромно ждал дальнейших указаний. Отпустив его взмахом руки, ротмистр достал портсигар, щелкнув крышкой вынул из него папиросу и стал разминать ее тонкими пальцами. Затем, прикурив от горящей на столе свечи, поднял глаза на меня, как бы приглашая к разговору. Немного помедлив, я поднял бокал вина и, кивнув собеседнику, сделал небольшой глоток, наслаждаясь его запахом, вкусом и тем тонизирующим действием, которое оно оказывало на организм, и в свою очередь посмотрел на ротмистра.

– Как он там? – спросил меня мой начальник.

– Да ничего. Держится молодцом, правда, похудел и побледнел. Может быть, стал более задумчив, что вполне естественно. А так вроде бы ничего, – ответил я.

– Да, тяжело ему сейчас, – вздохнул ромистр. – Все-таки принять такое решение – это надо иметь мужество. Не каждый так вот откажется от власти и какой-абсолютной... Другие за меньшее готовы глотку зубами перегрызть, ногтями зарезать, лишь бы удержаться у кормила. А он ради страны, ради семьи отказался. Хорошо это или плохо – мне трудно судить. Время покажет и расставит все на свои места. А нам,

кто остался верен присяге, надо сделать все возможное, чтобы оградить его от всяких неприятностей и выполнить свой долг по отношению к нему. Он теперь у нас один – спасение государства.

– Это наша стратегическая задача, – подхватил я. – Однако, кроме этой есть и другие, хотя и более мелкие, но не терпящие отлагательств.

И я кратко проинформировал его о последних событиях, участником которых я оказался. Закончил я свой доклад перед второй сменой блюд. Выпив еще по бокалу вина и принявшись за аппетитные куски мяса, я невзначай задал вопрос своему шефу о причине такого пристального внимания определенных сил к багажу царской семьи.

Это не застало врасплох ротмистра. Очевидно, он был давно готов к тому, что когда-то этот вопрос прозвучит. Недовольно поморщившись, он ответил, что, во-первых, это личный багаж бывшего первого лица в государстве. А государство огромное и богатое не только ресурсами, но и политическими событиями. И все это отражено в личных дневниках царя, которые могут очень многое рассказать. Во-вторых, (при этом он пристально посмотрел мне прямо в глаза и медленным голосом произнес), там находится шкатулка с предсказаниями о будущем страны монаха Авеля.

– Ты, очевидно, понимаешь, что это такое, – продолжил он. – Ведь все его предсказания сбывались. Никто не видел этих предсказаний, кроме первых лиц государства. Написан-

ные монахом Авелем по просьбе императора они хранились в Гатчинском дворце на пьедестале в небольшом зале в опечатанном и закрытом на ключ узорчатом ларце. Императрица Мария Федоровна, вдова Павла I, поместившая его туда, завещала открыть этот ларец только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора, и только тому, кто будет в этот год занимать Царский престол в России. А скончался Павел I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Новый государь России узнал тайну ларца 12 марта 1901 года. Я не присутствовал на этом таинстве, там была только царская семья, но, по свидетельству придворных, настроение у царской фамилии перед поездкой в Гатчину было праздничное. И выезжали они как раз из Царскосельского Александровского дворца. Однако возвращались задумчивые и, как говорят, даже очень печальные. С этого момента государь стал часто говорить о 1918 годе как о некоей роковой дате лично для него и всей царской семьи. Очевидно, зная о своем дальнейшем пути, он так легко и отрекся от престола. Ну и последнее, – как бы между прочим заметил он, расслабляясь в кресле. – Там спрятана основная часть архива нашего ведомства. Причем настолько основная, что она содержит такие данные о структуре, агентах как внутри страны, так и за границей, финансах, прошлых операциях и т.д., что, попав в чужие руки, она сможет принести непоправимый ущерб не только нашей организации, но и той будущей работе, которую мы планируем проводить. Надеюсь, вам понятно, что я имею в виду. Поэто-

му учитывая, что смутой охвачена вся страна, я решил переправить этот архив в более надежное место. А в подвалах королевских замков Англии он будет в большей безопасности, чем здесь.

– Вы это решили самостоятельно? – спросил я.

– Да, не только решил, но и лично осуществил эту операцию.

– В каком же ящике он находится? – спросил я.

– В одном из всей этой сотни. Не обижайтесь, поручик. Указав вам ящик, я тем самым заставляю обращать ваше внимание именно на него, что может вызвать подозрение со стороны окружающих вас людей и спровоцировать их на определенные действия. А так вы будете более бдительно следить за всем багажом, что будет вполне естественно и не вызовет особых подозрений.

– А есть общая опись имущества и вложений в каждый ящик?

– Естественно, – ротмистр с усмешкой посмотрел на меня. – В одном экземпляре, который находится у императрицы. Вам, я думаю, он ни к чему, так как никто не должен вскрывать ящики. Они все заколочены и опечатаны.

– Понятно, – ответил я. – Кто еще знает об архиве?

– Никто. Я да теперь вы. Подозревают, конечно, многие, так как там собрано достаточно большое количество я бы сказал «взрывных» материалов не только на постоянно меняющееся руководство страны и его окружение, банкиров,

заводчиков, членов их семей и прочее, но и явных и тайных агентов, которые орудуют сегодня здесь. Поэтому, как я уже говорил, догадываются многие и, естественно, пользуясь сложившейся нестабильной обстановкой, хотят захватить этот материал. Я постоянно чувствую в последнее время, как «дышат мне в затылок».

Наша беседа проходила под аккомпанемент начавшегося представления знаменитого венгерского ансамбля. После зажигательных венгерских и цыганских мелодий зал взорвала модная песенка «Конфетки-Бараночки», вызвавшая восторг в зале. Многие пустились в пляс, подпевая в такт зажигательной песне.

– Деньги на мероприятие возьмете из резервного фонда. Банки заморозили свои операции, и поэтому мы не сможем воспользоваться специальными счетами. Кстати, вы определитесь с помощниками, – добавил ротмистр, допивая бокал с вином и с сожалением глядя на публику, которая от буйного веселия впала в протрацию, внимая старинному романсу, повествующему о неразделенной любви, который исполняла незабвенная Марго.

– Да, – ответил я, – есть у меня надежные помощники, с которыми я проводил уже не одну операцию.

– Хорошо, – сказал ротмистр, – если у вас нет больше вопросов, давайте завершим нашу встречу. Вы уйдете первым, а я еще задержусь на некоторое время и рассчитаюсь. Желаю вам успеха. Меня в ближайшее время не ищите, если пона-

добиться, я вас сам найду. Я займусь немецким посольством. Какая-то подозрительная возня имеет место там.

– Разрешите откланяться, – произнес я, вставая из-за стола.

Ротмистр протянул мне руку, и я пожал ее. Повернувшись и пройдя через танцующие пары, я вышел из зала в услужливо открытую метрдотелем дверь.

Крутая подворотня

Забрав свои вещи в гардеробе и дав чаевые, я вышел на улицу и сразу попал в объятия холодной погоды. Дул несильный, но пронизывающий ветер, изредка вбрасывая на мое пальто еще скупые капли дождя. Крикнув извозчика, примостившегося сбоку нескольких автомобилей, стоящих перед рестораном, я впрыгнул в экипаж и покатил домой, анализируя по пути беседу с ротмистром. Слежки за собой я не заметил, да и извозчик с виду был обыкновенным, ничем особым не выделяющимся, сгорбавившимся на переднем сидении и дрожащим от порывов ветра. Улицы были пустынные и почти без света. Также темно было и в окнах пролетавших мимо домов. И прохожих почти не было, а те, которые попадались по пути, шли быстрым шагом, стараясь как можно быстрее добраться к домашнему очагу.

Лошадь постепенно набирала темп, и вдруг извозчик, громко гикнув, пустил ее в бешеный галоп. Я от удивления привстал на сиденьи, чтобы спросить, что случилось, как он

еще раз громко крикнув, натянул вожжи и резко развернул экипаж в проулок. Тележка накренилась, и меня выбросило на мостовую, прямо в черное чрево подворотни огромного доходного дома.

Слава Богу, тренированное тело в полете сумело сгруппироваться, и я, пролетев буквально в сантиметре от распахнутых настежь створок ворот, упал почти в середину входной арки. Не шевелясь, я включил все свои навыки, лихорадочно пытаюсь проанализировать возникшую ситуацию под стук удалявшихся в неизвестность копыт и скрипа колес нанятого мною экипажа. Не успев еще как следует прийти в себя, я услышал шорох и приближающиеся шаги нескольких человек, которые с трех сторон окружили меня. Решив не подавать вида, что я в сознании, я стал ждать продолжения, пытаюсь понять – случайность это или закономерное явление, которое было организовано на достаточно профессиональном уровне. По шумному дыханию над моим, якобы без признаков жизни телом стояло три человека. Может, где-то был еще четвертый, но это меня тем более не радовало.

Оружия со мной не было, но трость, с которой я не расставался, была крепко сжата в моей правой руке. От моих молчавших визави не пахло ситным хлебом и махоркой, значит, это были не солдаты. Не слышно было и запаха спиртного и кислых щей, а где-то как бы издалека пробивался запах хорошего одеколona явно не отечественного производства. Пауза, затянувшаяся минуты на две, дала мне возможность со-

браться с мыслями и подготовиться к дальнейшим действиям. Я уже почти был готов начать активное физическое наступление в случае необходимости и из горизонтального перейти в вертикальное положение, как раздались чьи-то шаги и моя молчавшая троица, как бы подтянувшись, повернула головы в сторону подходившего. «Ну вот и четвертый, – подумал я. Все становится на свои места».

Остановившись возле моей головы, он резким начальственным тоном с небольшим иностранным акцентом спросил:

– Ну, что тут у вас? Я приказал его не трогать. Он мне нужен живой.

– Никто к нему и пальцем не прикоснулся, – ответил субъект, стоявший справа от меня. – Как вылетел из пролетки, так и лежит до сих пор. Видать, здорово долбанулся об стенку.

– Общайте его, – приказал начальственный голос, – а затем в машину и на место, а там разберемся.

Стоявший справа от меня, видно, старший троицы, наклонился и протянул руку к внутреннему карману моего пальто, в котором лежало портмоне. Ничего там кроме денег не было, все, что я получил, было надежно спрятано в одном из тайников. Но и то, что было со мной, отдавать неизвестно в чьи руки мне не хотелось. Поэтому его приблизившееся ко мне лицо вдруг столкнулось с моими выброшенными ему навстречу пальцами левой руки, вонзившимися ему в глаза.

Дико взвывая и закрыв их руками, он резко отшатнулся назад. В это время трость, направляемая правой рукой вонзилась в солнечное сплетение стоящего слева сухощавого субъекта, который, не успев издать и звука, сложился пополам и стал беззвучно открывать рот, стараясь схватить как можно больше воздуха. Одновременно вскочив на ноги и продолжая движение, я левой рукой нанес удар третьему противнику в район горла, в ту точку, которая отвечала за его моторно-рефлекторные действия. Он закатил глаза и, как тряпичная кукла, молча сложился возле моих ног. На ходу повернувшись к четвертому субъекту, я увидел лишь мелькавшие в лунном свете фалды пальто, затем послышался шум быстро уезжающей машины.

Я оглядел поле боя. Три серые фигуры, одна в штатском и две в военном, в живописных позах валялись в подворотне, крихтя и постанывая. Я быстро обыскал их, но никаких документов кроме оружия не обнаружил. Схватив фигуру в штатском, я приподнял его и спросил:

– Кто вы и что вам от меня надо?

– Да пошел ты..., – разразился тирадой в три армейских этажа мой собеседник.

– Умеешь говорить душевно, – ответил я ему, крепко придавив артерию в правом предплечье. – Отвечай на поставленный вопрос, а то вообще разговаривать не сможешь.

Его лицо исказилось от боли, и он простонал просьбу отпустить его предплечье.

– Вчера вечером подошел к нам этот человек и предложил напугать за хорошие деньги одного молодчика. – Ваше дело скрутить и передать его мне, – сказал он. Ну мы подумали, деньги хорошие, почему бы и не сделать. Вот и сделали.

– А как он выглядит? – спросил я.

– Да такой худой, подтянутый, глаза злые, говорит как-ким-то глухим и явно не нашим голосом.

– А еще какие приметы?

– Да, вроде так явно никаких. Правда, на среднем пальце у него был перстень с изображением вроде бы какого-то или глаза или еще чего, я не понял. Вот вроде бы и все.

– А сам ты кто? – спросил я проходящего в себя штатского.

– Да кто? Бывший студент, вот зарабатываю себе на пропитание.

– А они? – я кивнул в сторону постанывавших его соратников.

– Да так, ворье. Потихонечку грабят, воруют, продают на толкучке. Вообще, рыночные кадры. У них там целая банда. Вот они и промышляют, где могут.

– А сам ты как попал туда?

– Да так и попал! Жрать-то надо. Вот меня этот немец и приметил, потому что считал, что хоть один из троих должен быть интеллигентного вида и с мозгами.

– А почему ты считаешь, что это был немец? – вновь возвратился я к этой теме.

– Точно, немец. Когда мы загнали ему цену, он выругался по-немецки «Доннер ветер». Я учил язык и могу отличить чистое произношение.

– А чем он расплачивался?

– Как чем? «Катеньками», естественно.

Выяснив все, что мне было нужно, я оставил троицу зализывать свои раны и направился пешком домой. Благо, до родного дома было не так далеко. Кроме того, не нужно было ожидать, когда вновь будут сведены мосты, хотя до утра оставалось не так уж много времени.

Естественно, всю оставшуюся ночь я провел без сна. Кроме мыслей о ночном происшествии, мне необходимо было продумать всю операцию по вывозу багажа и определить необходимое количество людей, которых следовало привлечь для ее осуществления. Как сделать это, не привлекая особого внимания и новой власти, и бывших царских сановников, и охраны, поставленной Временным правительством? Надежных людей в это смутное время практически не было. Столицу захлестнули воровство и бандитские разбои. Каждый, попавший сюда с окраины, пытался что-то прибрать для себя каким угодно способом. Ложь, обман, убийство среди бела дня стали практически нормой столичной жизни. Многие пытались выслужиться перед новой властью, готовы были заложить и мать родную, не говоря уже о замыслах бывшего самодержца и его подчиненных, оставшихся верными ему и присяге. Анархия и неразбериха не

только царили в высших кругах и правительстве, но и прочной удавкой опутали транспорт и всю систему управления. Необходимо было в данной ситуации, используя все эти минусы, найти лазейку, через которую можно было решить поставленную передо мной задачу.

Разбив эту задачу на составные части, как нас учили, я выделил главные звенья, заключающиеся в проблеме транспортировки и человеческого фактора, и прикинул варианты их решения на практике. Постепенно у меня определились направления для реализации этой сложной задачи. Но для того, чтобы принять окончательное решение, мне необходимо было разведать ситуацию.

Зимний дворец

Практически не сомкнув глаз, наутро я, одевшись в старый офицерский мундир без знаков различия отправился в город. Сначала я поехал в Зимний дворец, где добрых два часа изучал подходы к южному крылу здания, в котором находились ящики, и прикидывая как можно их вывезти оттуда. Затем я перекинулся парой слов с часовым охраны, выкурив с ним по папироске, и узнал, что бывшая рота охраны императора, пусть не в полном составе, но до сих пор находится во дворце, ожидая дальнейших указаний. А самое главное то, что некоторые из них несут охрану на второстепенных участках, вдалеке от центрального входа, то есть там, где на-

ходились нужные мне помещения. Поговорив еще немного с часовым, я распрощался с ним, дав ему напоследок три папиросы, которые он бережно засунул вовнутрь солдатской шапки, и пожелав мне здравствовать, трусцой пошел, поеживаясь от холодного ветра, по своему периметру. А я, спрятав голову в отворот шинели, направился через всю продуваемую ветром площадь к самокатчикам, которые располагались недалеко от Зимнего на соседней улице. Мне позарез нужны были хотя бы три грузовика. Тогда я бы смог за один раз перевезти весь груз в нужное мне место.

Подойдя к самокатному отряду, я прошел мимо часового, который, не моргнув глазом, молча пропустил меня. Возле гаражных боксов и ремонтной суеты я выискал капитана Семенова, который командовал этим отрядом. Он вместе с двумя механиками осматривал броневики бельгийского производства, регулируя на нем поворотную пулеметную башню. Увидев меня, капитан расплылся в улыбке и, вытирая ветошью промасленные руки, протянул их мне для приветствия. Мой внешний вид не заинтриговал его, так как он знал, чем я занимаюсь, и поэтому видел меня иногда в довольно странном виде.

– Добрый день, Вольдемар, – поздоровался он со мной. – Какими судьбами тебя забросило в нашу скромную самокатную обитель? – продолжал он, пожимая мои руки.

– Да вот, решил поведать старого знакомого и узнать побольше новостей, – сказал я, отвечая на его приветствие.

– Давай отойдем в сторонку и обменяемся впечатлениями, – предложил я, отводя его в сторону, где было меньше людей. – Мне нужна твоя помощь, Степан, потому что кроме тебя ее никто больше не в состоянии оказать.

– Ты меня интригуешь и играешь на самолюбии, – и он дружески похлопал меня по плечу.

– Да нет, действительно, только у тебя есть такие мощные грузовые авто. Не мог бы ты одолжить мне хотя бы три из них, чтобы перевезти ящики с лекарствами на железнодорожную станцию для отправки поездом в Крым.

– Да ты что, сегодня никак не могу, у меня вон график на все автомобили расписан. Мало того, что транспорта не хватает, так и броневики сейчас, как никогда, требуют под ораторскую трибуну. Больно модно стало говорить речь с броневика. А каково! Соответствует духу времени. Эх, если бы говорили, а то лопочет каждый о своем и призывает, давайте, ребята, за мною! А те, ребята молча курят махорку и мотают портянки, а между делом подбрасывают подлянку ораторам. А те раздуваясь от гордости и самодовольства, как кисейные барышни, продолжают молотить чепуху.

– Надоело, прогавили страну и армию, разъединили народ... Надоело, – и он зло сплюнул.

– Постой, постой, успокойся, возьми себя в руки, – я, как мог стал его успокаивать, отвлекая внимание от наболевшей темы.

Он еще немного позловредничал в адрес временного пра-

вительста и партий всех мастей, а затем внезапно успокоившись резко сказал:

– Давай завтра с утра, я тебе и документы дам, и броневик в сопровождение, а то наскочит какой-нибудь летучий отряд матросов и конфискует твои лекарства как предмет первой необходимости на матросской кухне.

Я, естественно, согласился с его доводами, и мы, мирно распрощавшись, разошлись каждый по своим делам.

Добравшись домой, я позвонил своим помощникам и по условному коду назначил встречу возле самокатного дивизиона в семь часов утра.

В состав моей неоднократно проверенной команды входило четверо. Иванов Андрей – виртуоз по метанию не только ножей, но и любых других предметов, причем с абсолютным попаданием в цель. Взяв какую-нибудь вещь в руку, он сразу определял ее вес и центр тяжести и мог моментально запустить ее в цель именно так, как он наметил. Он мог не только отключить сознание человека, но и по желанию обездвижить его или частично, или полностью. Следующим в списке шел Порфирий Арестахов, увлеченный боец не только джиу-джитсу, но и японских единоборств. Но лучше всего он владел русским кулачным боем, который отличался от остальных неподражаемым изяществом контакта, что давало возможность укладывать на землю известных специалистов азиатских методик борьбы.

Степан Лобанский был мастер-золотые руки. Все, что ни

попадало к нему в руки, находило применение и становилось полезной вещью даже в нашем сложном деле. Он словно нутром чувствовал, для чего этот ненужный хлам может пригодиться, и лепил из него все, что угодно, по своему усмотрению.

Замыкал эту шеренгу Василий Цымбал – красавец мужчина, которого женщины боготворили, ну и соответственно он их тоже любил. Обладая красивой внешностью и густым баритоном, он мог в беседе произвести неизгладимое впечатление не только на женский пол, но и на многих политиков, довольно настойчиво и результативно проталкивая нужную мне идею.

Все они отличались отменным здоровьем и физической подготовкой, были в меру начитаны и образованы, могли по ситуации мгновенно изменять внешность как в физическом, так и психологическом плане. Недаром с ними занимались ведущие артисты Мариинского театра под видом участия народа в театральных действиях. Таким образом, ребята были прекрасно подготовлены, и каждый из них обладал своими уникальными качествами, которые делали из них боевую команду со специфическими возможностями, могущую решать любые поставленные задачи. Спусковой механизм этой команды был в моих руках, и, как показала практика, мы всегда находили приемлемое решение любой сложной проблемы. Я долго подбирал команду, много сил и средств потратил на ее подготовку, но все это дало свои положитель-

ные результаты. Были и другие, которые находились в резерве, и по мере необходимости выполняли те или иные поручения или вливались в команду на определенном этапе операции, подкрепляя ее своими личными качествами и умениями. Вкратце объяснив ребятам их задачу, я подготовил документы Красного Креста на груз и отправился на железнодорожный вокзал, чтобы договориться о вагоне для перевозки багажа в Крым.

Красавец вокзал был заплеван и прокурен, стоял тяжелый запах немых тел и человеческого пота. Во все стороны сновали пассажиры с мешками, фронтовики с оружием, офицеры и гимназисты. Прибывали и убывали санитарные поезда, из которых выгружали раненых, а когда подходил наконец какой-то наспех сформированный поезд, то толпа, как маятник, мощным толчком бросалась в его сторону и брызгами людских тел заполняла до отказа его вагоны, расплескавшись даже по крыше, порой привязывая там себя веревкой, чтобы не сорваться во время движения. Шум, гам, мат давил на барабанные перепонки, усиливаясь эхом высоко поднятой крыши вокзала.

Спросив у первого встречного офицера, где находится комендатура, я отправился в сторону ее расположения, фильтруя взглядом толпу пассажиров, текущую мне навстречу. Поднявшись на второй этаж привокзального здания, я открыл дверь и вошел в помещение военной комендатуры. Сразу за дверью стоял стол, за которым сидел фельдфебель

с шикарными усами и листал большой канцелярский журнал. Увидев меня, он привстал и, отдав честь, поинтересовался, чем может помочь. Я спросил его, где мне можно найти штабс-капитана Левского, которого я знал давно и который, кстати, распорядился отделом подвижного состава комендатуры, и направился по указанному мне фельдфебелем направлению. Найдя нужный мне отдел, я открыл дверь и шагнул в комнату. В этот самый момент мне в грудь плавно спикировал бумажный самолетик, пущенный чьей-то рукой. Все присутствующие в комнате офицеры обернулись на меня и на мгновение замерли, ожидая, очевидно, моей реакции на плавно крутящийся бумажный аэроплан. Подхватив его, я отправил самолетик в обратный полет, тем самым разрядив обстановку, и окончательно вошел в комнату.

– Ба, Владимир, – услышал я знакомый голос моего приятеля. – Какими судьбами в наши пенаты, не хотите ли заказать императорский поезд? – и мой знакомый штабс-капитан, приятель, игрок, любитель женского пола, обладающий и рядом других не менее значительных достоинств, с распростертыми руками двигался мне навстречу из угла комнаты.

Подойдя ближе, он обнял меня и потащил к своему начальственному столу, при этом громко представляя меня присутствовавшим здесь офицерам:

– Господа, прошу любить и жаловать моего старинного друга, поручика Потемкина.

Усадив меня на стул, он несколько секунд рассматривал

меня и, не найдя никаких изменений, заявил:

– Никаких перемен. Все такой же. А говорят, в туманном Альбионе от постоянных дождей и туманов кожа приобретает серый цвет. По тебе такого не скажешь. Так что привело тебя к нам? Говори, не тяни, если что-то надо решить. А об остальном поговорим в ресторане. У меня там заказан столик и есть девочки – первый класс. Так что никаких отказов, а то обижусь на целую жизнь.

Подождав, пока иссякнут его первые эмоции от нашей встречи, я изложил ему свою просьбу. Он на секунду задумался, затем, повернув голову, крикнул рядом сидевшему корнету, чтобы он подал ему шестой журнал с расписанием движения поездов на юг. Взяв его, он начал листать страницы, хмыкая про себя, когда всматривался в записи.

– Вот, послезавтра, в двадцать один ноль ноль отбывает комбинированный состав на Севастополь. Я могу прицепить к нему санитарный вагон, в котором ты и перевезешь свои лекарства. Кстати, и часть раненых захватишь. Их там будут встречать, заодно и доставишь куда надо свои ящики. Соответствующие бумаги я тебе выправлю. – Корнет, – позвал он опять молодого офицера, – подготовьте указание прицепить к пятому литерному на Крым санитарный вагон, стоящий у пакгаузов на четвертом пути. К вам подойдут от господина поручика его люди. Отдайте им бумаги и помогите при погрузке.

– Слушаюсь, господин штабс-капитан, – ответил корнет.

– Погоди, – я встрял в разговор, – раз все так складывается, не могу ли я завтра погузить мои лекарства в этот вагон, так как уже договорился о транспорте. Если, конечно это возможно. Там и заночуют мои люди.

– Почему нет. Корнет, вы слышали?

– Так точно!

– Вот и выполняйте.

И корнет, развернувшись, пошел выполнять распоряжение штабс-капитана.

Повернувшись ко мне, он вытащил из кармана часы и, посмотрев на них, с удовольствием ометил:

– Так, домой, уже пошел шестой час, а я еще и не обедал, а ресторан у нас на шесть вечера. Так что, если у тебя нет других просьб, давай собирайся и едем, отметим нашу встречу. – Коленька! – крикнул он, – давай заканчивать дела, подгоняй авто и поедем, а то, наверное, нас заждались, – сказал он двигавшемуся к нам чернявому капитану. – Знакомься, граф Строганов, наш собутыльник и похититель женских сердец. Не гусар, но очень храбр и активен на женском фронте, и если у меня бывают поражения, то у него сплошные победы.

Обменявшись с графом рукопожатием, мы встали и по лестнице спустились вниз, где стояло несколько автомобилей. Граф уселся за один из них. Дежурный солдат подбежал к радиатору авто и ручкой завел двигатель. Автомобиль, подрагивая, плавно подкатил к нам. Усевшись в него, мы сразу покатали в ресторан, где нам предстояло провести вечер.

По дороге разговор крутился вокруг предстоящего вечера, положения на фронте и тех девушек, которые были ангажированы в ресторан. Несмотря на то, что уже темнело, улицы были полны народа. По дороге пролетали лихачи, несущиеся вскачь, полные подвыпивших офицеров, которые, вырвавшись по каким-то делам с фронта, пытались набраться в столице как можно больше впечатлений. Им было все по колено, ибо впереди их ждала неизвестность, грязные окопы и непонятная война. Фронт вроде бы стабилизировался, военные действия велись вяло, те солдаты, которые не разбежались, сидели тихо в окопах и занимались братанием с врагом или политикой на нейтральной полосе. Причем самое интересное было в том, что братание с нашей стороны шло стихийно, с немецкой – организовано, в основном по команде офицеров. Даже в этом проявилась специфика немецкой нации.

Ресторан, как всегда, горел огнями, манил к себе музыкой и блеском зеркал. Словно не было войны, продовольственных затруднений и других проблем. Здесь жизнь была ключом. Единственное, что бросалось в глаза, так это то, что изменился цвет одежды посетителей. В основном стала преобладать военная форма. А дамы? Дамы остались по-прежнему во всей своей красе, стремились все так же поразить мужские сердца.

Подлетевший к нам метрдотель провел нас к зарезервированному столику, который был удобно расположен в центре

зала. Отсюда было хорошо наблюдать за народом, который во всю пил, жрал, плясал, пел, зевал и орал. Все это создавало знакомую ресторанный атмосферу. Сделав заказ, мы сели за столик и продолжили начатую беседу, а граф, извинившись, поехал за приглашенными на вечер дамами.

– Вот ты подумал, кому нужна эта война? По большому счету – ни нам, ни Германии. Она в принципе не выгодна никому, – снова начал разговор штабс-капитан. – Ведь все понимают это и, тем не менее, крутят, крутят, особенно в верхах. Так закрутили уже, что сегодня и не знаешь, где мы находимся и что будет завтра. Народ гибнет зря на фронте, в тылу хаос, только железная дорога еще держится, царя нет, временное правительство – дерьмо. Чего ждать? Как все еще держится, я не представляю себе.

– Да, положение серьезное, – поддакнул я. – Зачем мы связались в это, кто-то же за этим стоит?

– А ты не догадываешься? Ведь все уже об этом говорят в открытую. Наш союзник, старая и «добрая» Англия, со своей традиционной политикой «разделяй и властвуй». Им ведь невыгодна ни сильная Россия, ни сильная Германия. А не дай Бог, эти страны объединят свои усилия, тогда Англии конец. Нет гегемона, нет политики влияния, нет ничего, – выдал тираду штабс-капитан.

Переведя дыхание и закулив папиросу, он продолжил.

– А ты знаешь, что несмотря на все усилия временно-го правительства, на все эти переговоры они, ближайшие

родственники, отказались приютить у себя императора вместе со всей семьей. Видите ли, это может быть политически опасно для Англии и может грозить ей определенными потрясениями.

Эта новость, как молния, ударила меня.

Как так? Ведь все усилия, связанные с транспортировкой багажа, переводом капиталов и организацией убежища для царя, – все это было нацелено на Англию. Как же теперь быть? Ведь царь уверен в обратном. Он очень верит в своего брата – короля Англии. Они и внешне очень похожи, и питают очень сильную симпатию друг к другу. И этот его самый дорогой родственник так просто предает его? Уму непостижимо! А может быть, это все игра для того, чтобы отвлечь общественность? А фактически договоренности остаются в силе и подготовка отъезда продолжается. Ведь пока у меня нету сведений об отказе предоставить английский крейсер для перевозки вещей графа Воронцова и багажа императора. Значит, все осталось по-прежнему и не надо паниковать, а действовать по обстановке.

От этих мыслей мне стало жарко и, налив себе полный стакан сельтерской воды, я залпом выпил его под удивленный взгляд моего собеседника. Обстановку разрядил граф, который привез двух чудесных девушек. Одна из них была модисткой, другая – сестрой милосердия. Они были одеты в простенькие платья, очень прилично смотревшиеся на них. Без жеманства, с достоинством они уселись за стол и начали

рассказывать об интересных случаях, которые произошли с ними сегодня.

Познакомившись с ними, я вместе со всеми отдал дань гастрономическим чудесам ресторанной кухни, выпил полбутылки «Смирновской» и станцевал по два танца с каждой из дам. Затем распрощался со своими собутыльниками, несмотря на их категорические предложения остаться. Мне надо было подготовиться к завтрашнему дню. Домой я добрался без проблем и сразу завалился спать. Утром, собрав всю команду и проинструктировав всех, мы направились в автодивизион. Там уже были готовы три грузовых автомобиля, в кузовах которых лежал брезент для укрытия ящиков. Рассевшись по машинам мы тронулись к Зимнему дворцу. Как и договаривались, мы подъехали к черному ходу, который сразу открыл нам охранник еще из царской гвардии, и быстро стали грузить ящики на автомобили. Погрузка заняла около часа. Как раз рассвело, но погода стояла туманная как перед дождем. Это нам было на руку. Не мешкая, мы поблагодарили охранника за службу и сообщили ему, что о его поступке доложим Его Императорскому Величеству, что вызвало у него слезы умиления и воспоминания о старых временах. Мои помощники были одеты в солдатскую форму, а наш самый говорливый агент – в матросскую, так как эта братва, если остановит, признавала только своих. Все, естественно, были вооружены. Кроме винтовок у каждого в кармане был наган. Быстро рассадив людей, кого в кабину, кого

наверх, мы отправились к железнодорожному вокзалу. Улицы казались вымершими, и мы без сучка и задоринки быстро добрались. Подъехав к комендатуре, мы вызвали корнета и вместе с ним двинулись к пакгаузу, где стоял санитарный вагон. Дав команду часовому пропустить нас, корнет подождал, пока мы не перегрузим в вагон ящики, затем распрощался, взяв под козырек, и отправился в комендатуру. Я еще раз проинструктировал свою команду и вместе с машинами отправился в автодивизион, чтобы поблагодарить его командира за помощь.

Аэропланы

Теперь мне необходимо было каким-то образом как можно быстрее переправить в Крым четыре главных ящика, в которых хранилось пророчество и зашифрованный архив. Остальные уже погружены и ждут отправки по железной дороге, обвешанные всеми необходимыми бумагами, которые делали мой груз законным. Что касается этих четырех ящиков, то хотя ротмистр и не сказал мне, какие это ящики, я без труда их вычислил по известным мне признакам. Дело в том, что каждый предмет имеет определенную ауру, которую может различить только посвященный человек, обладающий определенной практикой. Это примерно то же самое, что читать мысли собеседника. Ведь мысли имеют образы и определенную материальную основу, которую замечает не

каждый. И при соответствующем настрое можно читать их и предугадывать действия партнера не только через жесты и игру глаз. Так и здесь, полевые структуры вещей выдавали себя, поэтому довольно легко было определить, где что лежит.

Сложность транспортировки заключалась в том, что ящики были длинные и тяжелые. Во-вторых, покрашены в яркий цвет и опечатаны царской печатью с надписью по бокам «Собственность Его Императорского Величества Николая II».

Кроме того, сверху ящиков был изображен двухглавый орел. Везти ящики в таком виде по железной дороге было опасно, так как они своим видом уже провоцировали различную неуправляемую публику на проверку содержимого. Отправить их по морю было очень долго, да и матросы Кронштадта, подверженные большевистской агитации, с подозрением относились не только к своим офицерам, но и всему тому, что напоминало им прошлые обиды. Расхлябанность и анархия захватили не только армию, но и гордость России – флот. Вседозволенность привела к пьянству, разврату, резкому падению дисциплины. Каждый считал себя вправе поступить с представителями прошлой власти так, как он считал нужным. И это «нужное» часто приводило к простому нажатию на курок того, что было в руке или на плече. Сотни честных офицеров были убиты или арестованы, избиты или растерзаны обезумевшей от вседозволенности толпой, кото-

рой прошлые обиды теперь давали возможность отомстить. И это мщение постепенно превращалось в кровавую вакханалию, которая, как черная пелена, накрывала всю страну. Закон не работал. Временное правительство постепенно теряло контрольные рычаги управления, которые все больше и больше переходили в руки Советов. А те, движимые жадной властью, потакали кровавым инстинктам толпы, напарвляя ее негативную энергию против монархии, дворянства, купечества и даже интеллигенции, которые являлись опорой самодержавия. Высший командный состав, генералитет были деморализованы. С одной стороны, необходимо было придерживаться союзного договора и продолжать военные действия на фронтах, командуя остатками царской армии, с другой – необходимо было определить свою позицию по отношению к тем событиям, которые происходили в стране. Большинство продолжало честно выполнять свой долг, но были и такие, которые сразу примкнули к «победителям» и искали высших должностей в формировавшейся новой структуре власти. Страна, разорванная на куски, продолжала жить, и решать как могла множество задач и проблем, которые во весь рост встали перед нею и каждым ее гражданином. И выбор пути любого был четко предопределен. Он зависел от совести, воспитания и образования человека, то есть от его прошлой жизни, которую он уже потерял, и от того, что он хотел получить в новой.

Прикидывая так и эдак, я в конце концов принял реше-

ние эти четыре ящика попытаться перевезти самолетом, а остальные – поездом, в санитарном вагоне. Мне необходимо было успеть сделать это как можно быстрее, до того, как английская эскадра, стоявшая на рейде у берегов Крыма, снимется оттуда.

Дело в том, что согласно договоренности англичане должны были забрать царскую семью вместе с багажом. Но сложившиеся обстоятельства не дали возможности сделать это. Поэтому эскадра стала на рейд возле Севастополя, и один из ее кораблей должен был принять на борт имущество семьи графа Воронцова, у которого были давние связи с английской аристократией.

Приняв решение, я стал думать, как его реализовать. Для транспортировки четырех достаточно тяжелых ящиков мне нужен был большой самолет, который, учитывая нестабильность в Крыму, мог сесть на воду возле Воронцовского дворца в Алушке. Таким самолетом мог быть только четырехмоторный летательный аппарат «Илья Муромец», созданный на Русско-Балтийском заводе И.И. Сикорским. Он представлял собой грозную боевую машину, оснащенную пулеметами и бомбами. Таких самолетов не было ни в одной армии мира. Его даже планировали для экспедиции на Северный полюс. Ну а если он вылетал на бомбометание, то части неприятеля несли огромные потери. Чтобы противостоять этому, немецкие конструкторы придумали мощные дирижабли, которые имели достаточно большую дальность по-

лета и грузоподъемность, но были весьма уязвимы, имея газовую оболочку и тихий, по сравнению с самолетом, ход. Поэтому этот самолет мог безболезненно доставить по назначению нужный мне груз. Однако проблема заключалась в том, что этих самолетов было очень мало и они были рассчитаны на сухопутные аэродромы. А морская авиация не располагала ни одним таким летательным аппаратом. Поэтому в первую очередь я решил отправиться на Русско-Балтийский завод к председателю правления генералу В.М. Шидловскому, который одновременно был и командующим эскадрой воздушных кораблей, состоящей из самолетов «Илья Муромец».

Надев форму морского офицера, я прибыл на извозчике к заводууправлению. Перед заводом ходили патрули из солдат и рабочих с красными нарукавными повязками, то и дело въезжали и выезжали грузовые машины и подводы с грузом. Чувствовалось, что здесь еще сохранилась дисциплина и завод работал несмотря на события и дезорганизацию, которая имела место в Петрограде. Предъявив документы дежурному прапорщику, бросившемуся мне навстречу в проходной, я в его сопровождении, придерживая рукой болтавшийся сбоку кортик, поднялся в приемную по широкой лестнице, устланной красной дорожкой. В приемной сидели офицеры и штатские лица, очевидно, подрядчики завода. Лощеный поручик, сидевший за письменным столом у входа в кабинет, привстав, спросил:

– Как изволите доложить?

– Капитан третьего ранга, по делам службы, – ответил я ему, протягивая документы.

Он взял их и, сделав отметку в журнале, предложил присесть. Найдя свободное место возле низкого столика, расположенного напротив кожаного дивана, я присел и, раскрыв принесенную с собой папку, стал просматривать лежащие там листы, незаметно изучая посетителей. Из морского ведомства не было никого. На диване, положив ногу на ногу, сидели генерал, полковник, штабс-капитан, а рядом двое гражданских, причем один из них явно купеческого вида. Очевидно, между ними шла вялая беседа, которая была прервана моим появлением. Не торопясь ее начинать, они словно собирались с силами, молча, ненавязчиво рассматривая меня, словно пытаясь выяснить, что я за «птица» и какова цель моего визита к генералу. Пока они определялись со своим отношением ко мне, зазвонил один из телефонных аппаратов, стоящих на письменном столе. Адьютант, моментально привстав, схватил телефонную трубку, приложил ее к уху и, выслушав собеседника, ответил:

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Затем схватил со стола красную папку с бумагами и скрылся за дверью кабинета. Все с надеждой уставились на нее в ожидании приема. Минут через десять адъютант вышел из кабинета и, картинно осмотрев присутствующих, неожиданно произнес:

– Капитан третьего ранга, прошу-с, – и открыл передо мною дверь в кабинет. Под удивленные взгляды присутствующих я двинулся на прием.

Переступив порог, я оказался в довольно большом кабинете. В дальнем углу стоял дубовый резной письменный стол, на котором несмотря на обилие бумаг чувствовался порядок. За этим столом сидел пожилой генерал в пенсне, который подписывал бумаги, искоса поглядывая на меня. У него было одухотворенное лицо, на грудь ниспадала седая борода, разделенная надвое. Слева от стены стоял большой стол, обставленный стульями с высокими спинками, а стены кабинета были отделаны большими деревянными панелями. От всего этого веяло солидностью и придавало какой-то уют, тем более, что солнце проглядывало сквозь незашторенные окна, своими лучами подчеркивая теплоту деревянных конструкций, которые мягко искрились своей лаковой поверхностью.

Сделав несколько шагов по направлению к столу, я остановился и представился:

– Капитан 3 ранга Беланов по делам службы просит аудиенции у Вашего превосходительства.

Шидловский встал, протянул мне руку и широким жестом пригласил присесть на стул, стоявший у приставного столика письменного стола. Поблагодарив, я присел и положил на колени свою кожаную папку, придав лицу деловое выражение.

– Давненько к нам не заглядывали флотские офицеры, – произнес Шидловский. – Что привело вас к нам? И чем мы можем помочь флоту?

– Можете, господин генерал, – ответил я. – И даже очень.

– Интересно, интересно, – произнес он и, отложив бумаги, которые продолжал просматривать, беседуя со мной, уставился вопрошающе на меня. – Кстати, капитан, по какому ведомству служите на флоте? – спросил он.

– По ведомству Его Императорского Величества, – ответил я, решив идти ва-банк.

– Не понял! Все мы там служили, а теперь неизвестно где. Вот работаем, несмотря на этот бедлам, выполняем свой долг перед отечеством, несмотря на митинги и прямой саботаж. Слава Богу, многие рабочие понимают, что мы делаем для страны нужное дело, и бдительность усилили, и оцепление вокруг завода выставили, а то постоянно какие-то попытки проникнуть на завод, перебои с подвозом продовольствия, материалами, сырьем. А фронт все требует – дайте, дайте, дайте! Кстати, и вы пришли тоже с таким же требованием. Или я ошибаюсь? – и он вопросительно снова посмотрел на меня, зажав в руке остро отточенный карандаш.

– По большому счету, нет, – ответил я. – Но у меня не совсем обычная просьба, Ваше превосходительство, – я решил прощупать его. – Дело в том, что граждане нашей многострадальной державы сегодня оказались раздробленными на всевозможные политические группы и группки. Причем

большинство людей оказалось там в результате своих личных интересов по принципу «пойдешь туда, а вдруг там можно больше получить». И довольно незначительная часть населения думает о долге, о державе, об императоре, который хоть сейчас и не у власти, но является символом страны, который был объединяющим фактором во все времена, даже если он и наделал много ошибок. Но, во-первых, кто их не делал, а, во-вторых, многое ведь зависит и от советников и приближенных. Если отодвинуть в сторону личность царя, то все равно надо признать, что институт царской власти всегда был символичен и во все времена служил огромной объединяющей силой, ведя на подвиги поколение за поколением. С этим символом почти всегда побеждали и всегда шли своим путем несмотря на все препятствия, которые имели место на этом пути. И вот сегодня этим символам и лично государю угрожает опасность. Как по-вашему, что должен сделать каждый здравомыслящий человек, патриот своей страны? – я сделал паузу и в упор посмотрел на генерала, ожидая его реакции.

Генерал задумчиво смотрел на меня, видимо, анализируя мои слова, и как бы в раздумье произнес:

– Я считаю, что каждый честный человек должен оставаться верным тем идеалам, которые дали ему возможность стать человеком. Они общеизвестны, а что касается символов, то это святое, это должно быть всегда в сердце каждого из нас, это то, что нас объединяет и делает гражданами своей стра-

ны. Убери их – и на это место придет пустота, неверие, уныние и, самое главное, стремление определенных личностей заполнить эту пустоту другим, даже враждебным нам содержанием. Поэтому, я считаю, наша задача – сохранять и защищать эти символы, идеалы и тот образ жизни, который присущ нам. Что касается государя, то я несмотря на то, что он отрекся от престола, всегда был верен присяге, данной ему, и остаюсь в этом мнении до конца. Я очень благодарен ему, когда он поддержал наше предложение и дал разрешение на финансирование строительства десяти экспериментальных самолетов «Илья Муромец». За это время мы доработали недостатки в конструкции и сейчас запустили его в серию. Конечно, есть проблемы, но по ходу дела мы устраняем их в новых модификациях. Вон как они успешно воюют на фронтах! Да-с, ну что мы с вами, капитан, расфилософствовались, если можно так выразиться, реалии требуют от нас действий, и поэтому в моей приемной всегда куча народа. Итак, что за дело привело вас ко мне? Признаться, у меня давно не было посетителей из морского ведомства, поэтому я сразу и решил принять вас, чтобы узнать, что за оказия привела вас сюда.

– Позвольте, Ваше превосходительство, ввести вас в курс дела, – начал я осторожно. – Как вам известно, 23 декабря 1914 года наш государь Николай II подписал решение Военного Совета о формировании Управления эскадры воздушных кораблей, укомплектованных аэропланами «Илья Му-

ромец». Начальником этого управления были назначены Вы, Ваше превосходительство, так как ваш завод полностью готовил эти аэропланы.

– Да, это давно известно, – сказал генерал, – и эта эскадрилья подчинена непосредственно начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Но при чем здесь это? Или вы хотите на флоте иметь такие бомбардировщики, чтобы воевать с линкорами и подводными лодками?

– Ни в коем случае, хотя мысль очень интересная, – ответил я. – Разрешите продолжить?

– Пожалуйста.

– Так вот, Ваше превосходительство, на приеме в Зимнем дворце во время представления по случаю вашего назначения на эту высокую должность государь Николай II вручил вам генеральские погоны.

– Да, – ответил генерал и вопросительно посмотрел на меня.

– Так вот, – продолжал я, – если вы позволите напомнить, эти погоны передал государю на подносе с царскими вензелями молодой человек. При вручении государь имел честь трижды облобызать вас и напутствовал верою и правдою служить Отечеству.

– Ну, помню, – ответил генерал, – ну так что из этого..., погодите, погодите, – медленно произнес он, – так это были вы?...

– Да, ваше превосходительство.

– Так значит вы не..., – и он взмахом руки указал на мою морскую форму.

– Вы правильно все поняли, господин генерал, позвольте теперь приступить к сути вопроса.

– Извольте, – ответил он, приходя в себя от понимания необычности ситуации и, вполне возможно, необычной просьбы, которая может последовать от меня.

– Как вы знаете Его Императорское Величество вместе с семьей арестован и находится в заточении в Царском Селе. Учитывая сложившуюся ситуацию...

– Уж не хотите ли вы вывезти его оттуда? – перебил меня генерал.

– Нет, ваше превосходительство, пока это преждевременно и нынешнее правительство дало гарантию его безопасности. Но государь обратился с просьбой временно спрятать в надежном месте некоторые атрибуты государственной власти и символы династии Романовых, которые перешли ему по наследству, для сохранения до лучших времен. Я нашел такое место, не буду скрывать, в Крыму и хотел бы вашей помощи для того, чтобы переправить их туда. Железная дорога, морской транспорт в связи с обстановкой в стране отпадают. Вся надежда на ваши чудо-аэропланы «Илья Муромец».

– Позвольте, позвольте, батенька, – генерал разволновался и, отбросив условности, встал из-за стола и подошел к карте, висевшей у него за спиной. – Как вы это себе мыслите?

– и жестом пригласил меня подойти.

– Ну, на мой непрофессиональный взгляд, очень просто.

Я подошел к карте и, ведя по ней карандашом, показал, как я представляю себе доставку груза на самолете.

– Ну, знаете! – только и произнес генерал, разведя руками. – А вы представляете себе, что самолет надо будет дозавести, что часть территории – это та, где идут боевые действия, что наши самолеты поднимаются только с сухопутных аэродромов и пока не дружат с водой?

– Да, знаю, – ответил я. – Поэтому я и пришел к вам как к патриоту, талантливому организатору и человеку, которому не безразлично будущее страны.

Генерал замолчал, посмотрел на меня, покачивая головой, и медленно опустился в свое кресло, в задумчивости постукивая карандашом по столу. Затем поднял трубку телефона и приказал дежурному адъютанту пригласить в кабинет инженера И.И. Сикорского. Пока мы обсуждали последние события в Петрограде, в кабинет, испросив разрешения, вошел И. Сикорский. Это был среднего роста подтянутый человек, в кожаной куртке, державшийся очень уверенно и без подобострастия. После того, как нас представили друг другу, генерал сказал:

– Уважаемый Игорь Иванович, капитан третьего ранга выполняет очень ответственное задание, и ему нужен наш аэроплан для полетов в Крым. Однако проблема заключается в том, что добраться туда можно, только пересекая террито-

рию, где идут боевые действия, и более того, непременным условием является приземление в конечном пункте на водную поверхность. Можем ли мы технически решить эту задачу, причем в очень сжатые сроки?

Сикорский задумался на минутку, очевидно, прикидывая в уме возможные варианты, и ответил:

– В принципе, да. Постараемся к колесам пристроить поплавки, сделав таким образом, чтобы они, то есть колеса, при необходимости убирались при помощи лебедки из кабины пилота.

– Вот и хорошо, – сказал генерал. – Думаю, вам два дня хватит.

– Ну хотя бы три, господин генерал.

– У нас нет времени, задание очень срочное. Может, есть какие-нибудь другие варианты решения этой проблемы? – спросил Шидловский, вопросительно глядя на инженера.

Тот на секунду задумался, а затем, словно спохватившись, сделал шаг вперед и произнес:

– А что если, Ваше превосходительство, мы используем самолет, который почти переоборудовали для военно-морского ведомства в качестве самолета-разведчика? Это новая модификация с нашими двигателями, более мощными, чем зарубежные. Размах крыльев 32 метра, потолок подъема 3000 метров, экипаж 5-7 человек, на вооружении 6 пулеметов системы Кольт и Максим, спереди пристроена специальная смотровая кабина с автоматической пушкой для борьбы

с цепелинами, может нести до 500 кг бомб. Модификация ИМ-Г-1 тип Б. Ну а если вместо бомб взять топливо и масло, то и грузоподъемность увеличится, и дальность полета, соответственно.

– А чего вы молчали об этом раньше? – спросил генерал.

– Так вы не спрашивали, ваше превосходительство.

– Ну да ладно, это, кстати говоря, выход из положения, с моряками я договорюсь, а вот как быть с экипажем? Нужен ведь опытный экипаж, а у нас, учитывая эти могучие самолеты, таких обученных экипажей раз, два и обчелся. Где его взять? А также, наверное, еще и один истребитель для прикрытия.

И этот вопрос был также адресован Сикорскому.

– Есть тут у нас один, достаточно боевой, который приехал получать новый аэроплан. Правда, не в полном составе, но что важно – некоторые члены экипажа участвовали в перелете Петроград – Киев. Время перелета составило четырнадцать часов тридцать восемь минут. Так что опыт таких полетов у них есть, а что касается истребителя, то его, я думаю, можно взять из морского ведомства. Там у них есть отряд морской авиации, – и он вопросительно посмотрел на меня, в ответ я согласно кивнул головой.

– И вот что я хотел еще предложить, – медленно произнес инженер. – Мы сейчас с лабораторией господина Жуковского работаем над проблемой создания системы невидимого самолета. Они больше теоретически, а мы практи-

чески. Да вы знаете об этом господин генерал! Более того, уже на сегодня имеются определенные результаты. То есть мы собрали необходимое оборудование и установили на легком моноплане, подняли его в воздух, и аэроплан исчез из поля зрения, стал невидимым. Остался только звук работающего мотора. Действует это оборудование от двигателя самолета. При определенных оборотах винта включается система искажения, назовем ее так, чтобы не залазить далеко в дебри физики, и вокруг самолета появляется электромагнитное поле, которое накрывает его, опираясь на приспособления, установленные на крыльях и хвосте аэроплана, делая его невидимым для нашего восприятия. Сейчас мы устанавливаем такое, но более мощное оборудование на этот морской аэроплан, и питаться оно будет от трех двигателей самолета. Поэтому должна увеличиться и надежность системы и улучшиться «прозрачность аэроплана». Вообще это чудо-машина, с увеличенной грузоподъемностью, так как оборудование системы тоже имеет какой-то вес. В принципе, мы запланировали в этом эксклюзивном экземпляре грузоподъемность в пределах 1300-1500 кг.

– Эта грузоподъемность как раз устраивает меня. В крайнем случае, можно будет сократить часть экипажа, – перебил его я.

– Так вот, – продолжал Сикорский, кивнув мне головой, – я предлагаю этот самолет немного дооборудовать и использовать для вашей миссии, тем более, что вы будете лететь по-

что над территорией противника, и поэтому система «прозрачности» вам может даже очень пригодиться. И для вас, и для нас это сыграет положительную роль, и мы проверим ее действие в боевой обстановке.

Слушая Сикорского, я поймал себя на мысли, что такой удачи не ожидал. Теперь все зависело от решения генерала. Тот вопросительно посмотрел на меня.

– Я согласен, – ответил я на его немой вопрос.

– Ну вот и хорошо. Забирайте капитана с собой и введите его в курс дела, а мне надо продолжить прием посетителей, неудобно, когда генералы долго ждут аудиенции, – произнес он, крепко пожав мне руку.

– Все, что надо, – обратился он к Сикорскому, – делайте от моего имени и держите меня в курсе дела.

Мы с инженером вышли из кабинета и направились в ангар, где стоял наш аэроплан. Увидев его вблизи, я ахнул от восхищения. Это был огромный красавец, пахнувший клеем и лаком, раскинувший свои крылья, почти касавшиеся стен помещения. Внутри этих крыльев выделялась большая кабина, оцетинившаяся пулеметами, причем один из них находился в хвостовой части. Спереди самолета, в небольшой нише, находилась маленькая скорострельная пушка, хищно вытянув свой ствол вперед.

– Это новая наша модификация, – пояснил Сикорский, по хозяйски протянув руку приглашающим жестом в сторону кабины.

По приставной лесенке мы забрались в нее. Она была достаточно просторна. Слева, справа и в хвосте находились откидные сидения для пулеметчиков и ременная система их фиксации. Посередине располагался бомбовый люк с хранилищем. Кроме того, с левой стороны на месте одного из пулеметов устанавливалось оборудование, создающее электромагнитные поля и соединенное проводами с двигателем. Соответствующие приборы были уже установлены возле кресла пилота, на отдельном щите, слева от штурмана. Меня интересовало, как я могу пристроить в кабине свои ящики. Обсудив на месте эту проблему с инженером, мы решили, что груз будет размещен на бомбовом люке и закреплен ремнями. Потребуется небольшая, почти косметическая переделка. После этого мы обследовали шасси и договорились, что на самолет будут установлены дополнительные баки для горючего, чтобы увеличить дальность полета.

После обсуждения всех технических деталей я договорился с инженером о встрече с экипажем и ушел с завода.

Встреча с экипажем

Через день утром мне позвонил Сикорский и пригласил приехать к обеду на завод. Уладив все свои дела в первой половине дня, часам к двенадцати на рысаке я прибыл к заводоуправлению. Поднявшись на третий этаж, я постучал в дверь и вошел в кабинет инженера. Увидев меня, он вскочил

из-за стола и, не надевая сюртука, который висел на кресле сзади, энергично пожал мне руку.

– Вот и хорошо, что вы приехали. Сейчас я подпишу пару бумаг, и мы пройдем с вами в ангар, где я представлю вам экипаж. Учитывая ваши пожелания, он состоит из шести человек. Командир-пилот А.М. Костенчик, опытный летчик, выпускник Гатчинской летной школы, имеет опыт дальних полетов и прицельного бомбометания. Кстати, он напрочь разбомбил железнодорожную станцию Даудевас возле Фридрихштадта, чем здорово помог нашим войскам. Правда, и экипажу сильно досталось. Второй пилот – прапорщик А.В. Меньшаков, а остальные четверо рядовые-пулеметчики. Мы их тут три дня тренировали в стрельбе из пулеметов. Сделали тир и пулеметные гнезда на подвесных ремнях, собственно, как и на аэропланах. Ну и под разным углом выдвигали макеты самолетов, по которым они вели прицельную стрельбу. Кстати, получается неплохо. Ну вот, я уже готов. Прошу, – и он, открыв дверь, пропустил меня вперед к выходу.

Выйдя в коридор, мы через проходную направились в ангар. На улице уже ярко светило солнце, придавая необычный колорит зданиям и ангару, пробиваясь своими лучами внутрь и оставляя затемненными места, пока недоступные им.

Войдя в ангар, мы застали весь экипаж в сборе, выстроенный в одну шеренгу с правой стороны самолета. Впереди

стоял командир корабля и второй пилот, кожаные куртки которых, поставляемые нашими союзниками, буквально горели на солнце желтоватым цветом. Далее по ранжиру располагались члены экипажа. Поочередно здороваясь со всеми, я подошел к последнему замыкавшему шеренгу фельдфебелю. Протягивая ему руку для рукопожатия, я поднял глаза на его лицо и оторопел от изумления. На меня смотрела белозубая улыбка на фоне лица, цвета черного дерева. Передо мной был африканец, одетый в русскую военную форму. Пожимая мне крепко руку, он представился на чистом русском языке – фельдфебель Питер Макфой. Ответив на его рукопожатие, я вопросительно посмотрел на Сикорского. Тот, мило улыбаясь, разъяснил, что Питер очень опытный стрелок, воюет почти с начала войны и на его счету очень много сбитых вражеских самолетов. Как оказалось, Макфой был американцем и плавал матросом на корабле, поставлявшем грузы в Россию. После конфликта, произошедшего на корабле, он вынужден был бежать с него в Одессе, где и прибил к аэродрому. Там он показал себя хорошим механиком, а затем освоил специальность стрелка и стал летать на самолетах, так постепенно и вписался в этот экипаж. Как оказалось, его род был из Нигерии, и Питер обладал определенными качествами, дававшими ему возможность выходить победителем из схваток. Во время боевой обстановки он как бы считывал мысли противника, предугадывал его дальнейшие действия и быстро и адекватно отвечал на них. Был он высокого роста, широко-

плечий, с неизменной белозубой улыбкой на лице.

Познакомившись с экипажем, мы вместе осмотрели те новинки, которые были применены в ходе переоборудования аэроплана, а затем экипаж занял свои места в летной кабине и провел тренировку возможных действий в ангаре, привыкая к новому оборудованию. В ходе этой тренировки мы договорились, что завтра утром вылетим в Гатчинскую летную школу, где уже в полете проверим работу самолета и оборудования.

На следующий день в семь утра я был уже у ангара. Аэроплан, выведенный из него, стоял во всей своей красе на летном поле. Было еще темновато, но погода обещала бытьлетней, и небольшие белые тучки, которые плыли по небу, не могли быть нам помехой. Вокруг самолета суетился экипаж, техники и Сикорский. Поздоровавшись со мной он предложил сразу пройти в кабину самолета, где мне предложили надеть такую же кожаную куртку, как и у всех остальных членов экипажа. Пока я надевал ее, завелись двигатели аэроплана, и их работа наполнила дрожью и мощью гула всю кабину. Мне предложили сесть рядом с Сикорским на откидной железной лавке, и вскоре самолет начал свой разбег, затем оторвался от земли, набирая высоту и подвывая моторами. Кабина наполнилась ровным гулом и, поглядывая сквозь окошко вниз, я увидел величественную картину Петрограда, раскрывшуюся во всей своей красе с первыми лучами восходящего солнца, которое огромным сияющим диском под-

нималось прямо перед нами. Его лучи, продвигаясь по просыпающемуся городу, выхватывали золотые маковки церквей и храмов, а те, словно от божественной искорки, загорались ярким золотым светом, распространяя вокруг себя сияние, озаряя улицы и редких прохожих, спешивших по своим делам. Город словно раскрывался навстречу свету, но там, куда не доставали солнечные лучи, стояла темная чернота, еще сохранявшая свою ночную тайну. По мере нашего полета земля под нами все более и более светлела, наливаясь сочным утренним светом, радуя глаз зеленым ковром лугов и лесов.

Вскоре показался гатчинский аэродром, на который достаточно уверенно приземлился наш самолет. Нас встретил начальник Гатчинской школы и его заместитель. Пока настраивали оборудование и самолет, мы мило побеседовали с ними, выкурив по паре папирос. Вскоре доложили, что аэроплан готов к испытаниям. Мы все вместе поднялись на деревянную вышку и, вооружившись биноклями, приготовились к эксперименту. По команде Сикорского дежурный офицер поднял на вышке флаг, и самолет, взревев моторами, пошел на взлет. Медленно оторвавшись от земли, он с грозным рычанием стал набирать высоту. На самолете и на вышке был установлен радиотелеграф, при помощи которого планировалось вести переговоры и корректировать полет. Вскоре он ожил. Пилот докладывал, что набрал нужную высоту и просит разрешения включить оборудование. Инженер кивком

головы дал свое согласие. Телеграфист застучал телеграфным ключом, а мы все прильнули к биноклям, наблюдая за самолетом, парящим в небе. Он как раз пролетал недалеко от нашей вышки. На фоне огромного красно-белого восходящего солнца он казался маленькой букашкой, которая летит, притягиваясь мощным светилом, и, как стрекоза, вот-вот обожжет свои крылья об этот невероятно яркий свет, который все более и более приобретал светлый оттенок. И вот наконец солнце как бы выпрыгнуло из-под земной тверди и залило все вокруг своим светом. И в этот момент самолет исчез, остался только рык моторов, который то затихал, то снова набирал свою силу. Мы стали напряженно вглядываться, ориентируясь только по звуку, искать хоть какие-то признаки аэроплана на небе. И мне вроде бы показалось какое-то пятнышко, мерцающее там, откуда доносился звук мотора, но при более пристальном рассмотрении я ничего не обнаружил. Офицеры Гатчинской школы, не посвященные в происходящее, с тревогой вертели по сторонам головами, пытались найти аэроплан, при этом бросая настороженные взгляды на нас. Однако отработанная годами субординация не давала им возможности задавать мучавшие их вопросы. Так продолжалось минут двадцать. Наконец снова ожил телеграф, и Сикорский дал разрешение на окончание эксперимента и посадку самолета. Звук аэроплана стал приближаться к нам, и вдруг он появился словно ниоткуда, постепенно материализуясь по мере приближения к взлетно-посадочной полосе.

Пока он садился, я спросил Сикорского:

– А в темное время суток, как действует ваше оборудование?

– Признаюсь честно, мы пока не проводили таких экспериментов в этом направлении, так как ночью самолеты практически не летают. Но ваш вопрос достаточно интересен, и мы в ближайшее время попытаемся что-либо предпринять, – ответил он.

Наконец гул моторов стих, и экипаж стал выбираться из кабины самолета. Мы с инженером и другими офицерами подошли к ним. Поздравив всех членов экипажа с успешным полетом, я отозвал пилота и инженера для дальнейшего разговора.

– А как будет себя вести истребитель сопровождения? Как он будет держать дистанцию и общаться с командиром бомбардировщика? А если, не дай Бог, нападут вражеские истребители? Как вы будете взаимодействовать, отражая атаку?

– Да, об этом я не подумал, – сказал Сикорский.

А пилот лишь вопросительно поднял брови и пожал плечами.

– Давайте договоримся таким образом, – сказал я. – Завтра я постараюсь определиться с пилотом истребителя, пришлю его к вам, а вы уже все вместе обсудите эту проблему и постарайтесь решить ее. Времени у нас мало, поэтому надо как можно быстрее готовиться к вылету.

– Хорошо, – согласился он, и мы, распрощавшись с офицерами школы, попросив их сохранить в тайне все то, что они видели, полетели обратно.

Прилетев на завод, я попрощался со всеми и сразу отправился в адмиралтейство, чтобы ознакомиться с личными делами морских авиаторов и подобрать соответствующую кандидатуру пилота-истребителя. В адмиралтействе меня отослали в управление военно-воздушного флота, расположенного на первом этаже. Побеседовав с заместителем начальника управления и рассказав ему придуманную на ходу проблему отработки взаимодействия между бомбардировщиками и истребителями, я был препровожден в полуподвальное помещение, где располагался архив, наградной и кадровый отделы под неусыпным оком пожилого обер-фельдфебеля. Посадив меня за отдельный стол достаточно просторного помещения, он, следуя указаниям полковника, положил передо мной около двадцати папок с личными делами пилотов. Сняв фуражку и расстегнув китель, я принялся за их изучение.

Мне необходим был профессионал, человек коммуникабельный, нестандартного мышления и, само собой разумеется, патриот. В личных делах передо мной раскрывались не только лица боевых офицеров-пилотов, но и их биография, характер, идеалы, которым они служили, тактика ведения боя, победы и поражения. Пищу для этого давали краткие рапорты вышестоящих начальников, представления к награ-

де и другие бумаги, которые только подчеркивали индивидуальность каждого. Вот например, выпускники Гатчинской летной школы Башко, Панкратьев, Руднев, Лавров – мужественные, храбрые пилоты, на деле доказавшие свой профессионализм. А вот дела пилотов седьмого истребительного авиаотряда – прапорщик Янченко, Макеенок, Гильшер, Бычков – настоящие герои. Вот сообщение Ставки Верховного главнокомандующего, которое только подтверждает сказанное: «В районе Богородчан (в Галиции) нашими летчиками – поручиком Макеенком, корнетом Гильшером и прапорщиком Янченко – сбито два германских самолета, упавших в расположении противника, причем сбитый поручиком Макеенком самолет при падении загорелся». Я стал просматривать дела этих офицеров и убедился, что они действительно вели активные боевые действия на Юго-Западном фронте. Просмотрев все дела этого отряда и его командира подпоручика Орлова, я не нашел дело пилота Гильшера. Почему-то мне захотелось его посмотреть особенно сильно. Я встал и подошел к столу обер-фельдфебеля, который приподнялся и вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил ему свою просьбу. Он кивнул головой и быстро стал перечитывать большой журнал, лежащий перед ним на столе.

– Это дело затребовал к себе начальник Управления военно-воздушного флота генерал-майор Н.В. Аневский.

– Где его кабинет? – спросил я.

– Третий этаж, комната номер семнадцать, – отрапорто-

вал обер-фельдфебель.

Поблагодарив его, я направился в кабинет генерала. Он как раз оказался на месте, только что прибыв из ставки. Представившись адъютанту, я попросил аудиенции. Тот, записав меня в журнал посетителей, вместе с другими бумагами в папке пошел на доклад к генералу. Минут через пятнадцать, выйдя оттуда, пригласил меня в кабинет, почтительно придерживая открытую дверь. Генерал-майор был энергичным человеком, среднего роста, с короткой прической и небольшими усами. Он быстро ходил по кабинету, о чем-то размышляя про себя и кивая головой в такт своим мыслям. Увидев меня, он остановился и, выслушав мое представление, пригласил присесть за стол, продолжая расхаживать по чуть поскрипывающему паркету.

– Ваше превосходительство, – продолжил я. – По долгу службы я подбираю для задания, связанного с производством и совершенствованием бипланов, хорошего пилота. Но мне нужен, как вы понимаете, не просто хороший, а очень хороший пилот. Я просмотрел почти все дела, однако оказалось, что одно из них находится в вашем ведении. Не сообразовали ли вы, господин генерал, разрешить мне ознакомиться с делом корнета Гильшера с тем, чтобы сделать окончательный выбор, о чем и доложить Вашему превосходительству.

– Гильшер, Гильшер, – наморщил лоб генерал. – А, Гильшер, не корнет, а уже поручик. Да, это дело у меня. Вот

оно, на столе. Я его потребовал в связи с представлением его на звание поручика и награждением Георгиевским оружием. Кстати, он недавно был у меня на приеме и просил оставить его в авиации.

– Оставить в авиации? – я вопросительно посмотрел на генерала.

– Да, в авиации, – подтвердил он. – Пилот Гильшер попал в катастрофу, подчеркиваю, не был подбит, а попал в катастрофу – вышли из строя рули высоты. При попытке посадить аэроплан ему оторвало левую стопу, и он сейчас ходит на протезе. Однако летных навыков не потерял и летает так же отменно, как и раньше. Я решил поддержать его похвальное стремление и направил ходатайство об оставлении поручика Гильшера в авиаотряде Великому князю Александру Михайловичу, который, как вы знаете, патронирует этот род войск. Так что теперь вам решать, нужен он вам или нет, а мы уже сделали свой выбор, – с этими словами он передал мне личное дело поручика, и мы расстались.

Придя в архив я раскрыл личное дело пилота. С фотографии на меня задумчиво смотрел молодой человек в гимнастерке с Георгиевской лентой на груди. Тонкое аристократическое лицо, вытянутый с горбинкой нос, плотно сжатые губы и чуть наклоненная вперед голова много говорили о характере этого человека. Широко раскрытые глаза с чуть настороженным любопытством смотрели на мир, словно стараясь вобрать в себя все то новое и интересное, что было

вокруг. Можно было сделать вывод о том, что передо мной был портрет молодого человека, рано повзрослевшего, уже много повидавшего в своей жизни, знающего себе цену и готового идти только вперед.

Как оказалось, родом он был из старинных московских столбовых дворян. Его мать была урожденная Азанчева-Азанчевская. Словом, происхождение было отменным. Тем более двойная фамилия уже сама по себе обеспечивала надежную сакральную защиту и подпитывала своей энергетикой личность. А то, что она начиналась на двойное А..А., говорило о широте натуры и прагматизме. Недаром мы в лесу, заблудившись, кричим не «бее», не «мее», а только «аууу...». И это «ау» широко расходится по лесу, не заглушаясь деревьями, а наоборот, как бы резонируя от них, все более набирая силу, сканирует пространство и определяет твое месторасположение. А уж утонченный нос – это своего рода компас, который позволяет человеку ориентироваться в пространстве и выбирать нужное ему направление. Это касается не только местоположения в лесу. Оно распространяется и на нашу повседневную жизнь. Недаром в народе ходит столько пословиц, которые касаются этой части нашего лица. В целом, визуально, пилот мне понравился. Теперь я стал разбираться в его служебных бумагах.

Согласно им он окончил Московское Алексеевское коммерческое училище, увлекался верховой ездой. В ноябре 1914 года поступил юнкером в Николаевское кавалерийское

училище, которое закончил по первому разряду в мае 1915 года с присвоением звания прапорщика. Отличный стрелок. Имеет специальные нагрудные знаки за стрельбу. Был зачислен в тринадцатый драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк. Еще во время учебы в училище заинтересовался авиацией и подал рапорт начальству. По окончании училища был откомандирован в Гатчинскую авиационную школу, продолжая числиться за драгунским полком. Учеба продолжалась с июня по август. Именно в августе он, сдав экзамены по матчасти, совершил свои первые полеты. Важным было и то, что, еще не имея звания пилота, он был откомандирован в Царское Село для несения службы в специальном авиаотряде по обороне резиденции царя Николая II. В возрасте двадцати лет, в сентябре он получил звание пилота и был направлен в четвертый армейский авиационный отряд. Направляя в штаб отзыв о качествах пилота, начальник авиационной школы полковник Ульянин был краток: «Предназначенный в четвертый армейский авиационный отряд прапорщик Гильшер – отличный...». В период службы в этом авиаотряде закончил Одесскую авиационную школу, освоив самолеты системы «Ньюпор», «Моран», «Совпич», после чего был направлен в седьмой авиационный отряд истребителей-бипланов «С-16», конструкции И.И. Сикорского, оснащенных синхронным пулеметом. Во время службы в авиаотряде проявил себя отличным пилотом, никогда не уклонялся от боя. На-

гражден орденом «Святого Владимира IV степени с мечами и бантом», Орденом «Святого Георгия IV степени», представлен к награде Георгиевским оружием. В его аттестации было записано буквально: «Корнет Гильшер – идейный работник. Любит свою службу авиации прежде всего, храбро ведет воздушные бои, очень дисциплинирован. Характера спокойного. Всего больше подходит для истребительного дела». А командир седьмого авиаотряда в своем представлении прямо пишет: «Временно командующий седьмым авиационным отрядом истребителей корнет Гильшер – отличный боевой летчик, хладнокровный. Горячо любит авиацию. Будучи командующим отрядом, поддерживает в отряде дисциплину и порядок. Высоких нравственных качеств, относится серьезно и добросовестно к порученному делу». За время службы Гильшер изучил азбуку Морзе, что было важным для меня, и сконструировал тренажер «для поддержания навыков стрельбы из пулемета». В конце представления шла скрупулезно составленная таблица сбитых Ю.В. Гильшером самолетов противника, которых было достаточно много.

Итак, это был тот пилот, который мне нужен. Он подходил по всем параметрам. Первое – отличный специалист, знающий отечественные и зарубежные самолеты. Это было очень важно, так как любая вещь, созданная человеком, несет в себе его энергетику, культуру, сакральные составляющие, которые как бы ее оживляют. Тем более аэроплан, который, отрываясь от земли, предоставлен не только материальным

стихиям, и в сложной ситуации не известно, как себя поведет независимо от мастерства пилота. Поэтому мы предпочитаем отечественные самолеты, а то, что Гильшер уже летал на них и знал другие системы, было большим плюсом. Тем более, что я постоянно ощущал невидимое присутствие чего-то, что пыталось контролировать мои мысли и поступки. И вполне вероятно, в небе могло что угодно произойти, так как именно по этой субстанции распространялся невидимый контроль и осуществлялось большинство действий. Поэтому такой пилот-профессионал, уже обладающий двойной защитой, был крайне необходим. Во-вторых, он знал азбуку Морзе, что давало возможность наладить контакт между двумя аэропланами. Что касается его ранения, то он и на протезе очень ловко управлял аэропланом. Кроме того, как ни парадоксально, это дало толчок к обострению и совершенствованию его других качеств, таких как интуиция, трезвый расчет, пространственное воображение и так далее.

Перелет

Наконец настал день отлета. Рано утром мы с моими помощниками загрузили ящики в санитарную машину и привезли их на летное поле. Погрузив в аэроплан и привязав их крепко к бортам ремнями, мы спустились по трапу вниз и я отпустил их домой, приказав ждать моего сообщения. Обсудив с пилотом план полета, мы поднялись в воздух, когда

на горизонте появился огромный круг нашего дневного светила. И мы, как две потерявшиеся во времени птицы, медленно поплыли ему навстречу в тишине, нарушаемой только ревом наших моторов на фоне расцветающего дня.

Первоначально все шло нормально. Ровно гудели моторы, заполняя все пространство вокруг, поэтому приходилось общаться жестами. Наш истребитель то парил над нами, то подлетал к самолету с одной из сторон, жестами показывая, что у него все в порядке и небо чисто от вражеских самолетов. Через три часа полета мы достигли нашего первого промежуточного пункта. Нас в воздухе встретил «Ньюпор», который, кувыркаясь в воздухе, повел на посадку. За штурвалом оказался молодой летчик, недавно окончивший летную школу и решивший покрасоваться перед нами, за что получил нагоняй от командира авиаотряда. Заправив самолеты горючим, мы перекусили в летной столовой и, разузнав у командира летную обстановку, снова поднялись в воздух. На этот раз истребитель шел сверху, впереди, осматривая внимательно воздушное пространство. Дело в том, что мы вошли в зону действий германских дирижаблей «Цеппелинов», которые, прорываясь через линию фронта, достаточно далеко забирались в наш тыл, собирая разведывательную информацию и нападая на отдельные военные соединения, передвигавшиеся по этой территории, и на объекты. Их специфика состояла в том, что они могли, зависнув за тучей, медленно продвигаться вместе с ней вперед, а затем, включив моторы, вне-

запно появляться перед ничего не подозревавшими пилотами, всей своей достаточно активной огневой мощностью сбивать аэропланы и снова прятаться за тучей. Именно для борьбы с ними мы и поставили на наш самолет безоткатное орудие.

Где то к обеду мы благополучно добрались до второго пункта нашей дозаправки, дотянув, что называется, на «честном слове», так как один из двигателей стал греться и буквально «пожирать» топливо. На этот раз нас никто в воздухе не встречал. Мы зашли на посадку с безветренной стороны и приземлились рядом с пятью аэропланами, стоящими в ряд возле взлетной полосы. Пока мы выбирались из самолетов, к нам подскочил прапорщик и, представившись, пригласил пройти к недалеке стоящему дому, к командиру авиаотряда. Приблизившись к нему, мы вслед за прапорщиком вошли в достаточно большую комнату, где навстречу нам поднялся штабс-капитан Орловский, как представился он.

– Какими ветрами вас занесло сюда, да в таком необычном составе? – спросил он, приглашая нас располагаться на лавках, стоящих вдоль стены и с любопытством посматривая на нашего афроамериканского пилота.

– Выполняем указание Генштаба по разведке и картографии местности, – ответил я, подавая ему распоряжение на бланке генштаба.

Ознакомившись с ним и увидев, что мы еще стоим, он еще раз предложил нам сесть и спросил, чем может нам помочь.

– Да нам бы заправиться и посмотреть двигатель, который что-то барахлит.

Он задумчиво пригладил свои волосы и, глядя на прапорщика, медленно произнес:

– Нет проблем, горячее вчера подвезли, механики сейчас займутся вашим мотором, посмотрят, что там случилось. Давай, Игорь, команду, – и он кивнул прапорщику, который уже привстал со стула, собираясь выполнять команду. – Да и не забудь покормить экипаж, – бросил он вдогонку уходящему помощнику.

– А вас, – он обратился ко мне, – прошу отобедать со мной. Сейчас вас проводят немного отдохнуть, а затем милости просим на наш скромный обед. Повар у нас знатный, раньше работал в одном из питерских ресторанов, а затем добровольцем пошел на фронт, вот и воюет на нашей кухне каждый день, поражая нас своим искусством, – говорил он, провожая нас к выходу. – Честь имею, господа, – и закрыл за нами дверь.

Дневальный, стоящий у дома командира, увидев нас, отдал честь и пригласил следовать за ним в домик, стоящий недалеко от штабного. Мы все направились туда, однако второй пилот, извинившись, попросил у командира разрешения уйти и направился к аэроплану, чтобы проконтролировать работу механиков, которые уже возились возле двигателя. Оставшиеся двинулись вслед за дневальным. Войдя в дом, мы сбросили с себя кожаные куртки, умылись и, присев на

стулья и расположенные здесь же железные кровати, попытались немного расслабиться и привести свои мысли в порядок.

Первая половина дня, несмотря на проблемы с мотором, прошла довольно успешно. Мы были близки к конечной цели нашего путешествия. Оставался всего один перелет. Погода пока не вызывала опасений, правда, на небе стали появляться небольшие тучки. Но в общем погодные условия благоприятствовали нашему перелету. Необходимо было как можно быстрее добраться до Алупки, где недалеко стояла английская эскадра. Так размышлял я, наблюдая, как мои товарищи приводят себя в порядок и отдыхают перед новым этапом полета. Это наблюдение не было просто моим праздным любопытством. Я потихоньку, оценив их в полете, теперь присматривался к ним в спокойной обстановке. После напряженной работы период расслабления очень важен. Человек, сбросив с себя груз ответственности, отпускает свои чувства на волю и проявляется совсем с другой стороны. Меняется выражение лица, тембр голоса, взгляд, походка и прочее. А походка, жесты и мимика могут сказать о многом, если человек умеет читать это особое «письмо». Вот наш чернокожий друг. У него на лице постоянно белозубая улыбка, но движения его плавны и собранны. Со стороны он напоминает большую черную кошку, которая в любой момент может прыгнуть или на тебя, или в сторону, в зависимости от обстоятельств. Он постоянно посматривает по сторонам, словно

ожидавая каких-то неожиданностей, которые могут угрожать ему. Очевидно, это связано с его прошлой жизнью и профессией стрелка, который должен регулярно следить за воздушным пространством в процессе полета и вовремя отразить возможный вражеский удар. В противоположность ему первый пилот бомбардировщика с наслаждением курит папиросу, откинувшись на стуле и полузакрыв глаза. Его поза говорит о том нервном и физическом напряжении, которые приходилось испытывать ему во время полета, держа в руках тяжелую ручку управления такой мощной машины. Что касается пилота истребителя, то несмотря на свою ногу он не сидит на месте, а ходит по комнате, рассуждая о тактике воздушного боя. Весь его опрятный вид и собранность говорят о целеустремленном характере и способности идти до конца для достижения поставленной цели.

Все это было для меня очень важным, так как от этих людей зависело успешное выполнение решаемой мною задачи. Все вроде складывалось хорошо, однако на душе у меня было беспокойно. Я чувствовал, что в ментальном пространстве уже начался поиск меня, ибо волны, посылаемые невидимым мне оппонентом, уже достигали нас, изменяя пространство вокруг, по мере их прохождения и отбрасывали блики, которые отражались и в комнате и на лицах моей команды. Необходимо было приготовиться к любым неожиданностям. Я решил это сделать после обеда, так как надо было хоть немного дать людям отдохнуть. Мои мысли прервал прапорщик,

пригласивший нас на обед. Он также доложил, что в моторе перетерся шланг бензонасоса, и поэтому расход топлива превысил нормы и, на наше счастье, бензин выливался не на двигатель, а вниз, на фюзеляж. Сейчас неисправность устраняют. Поднявшись, мы следом за ним пошли в столовую для летного состава. Там уже был накрыт стол, на котором стояли тарелки с аппетитно пахнущим борщом, рядом свежий румяный хлеб, стаканы с компотом и кастрюля картошки с мясом.

Недалеко от нашего столика уже обедал какой-то летчик. Увидев нас, он приветливо махнул рукой, схватил стоящую рядом с ним бутылку виски и два стакана и подскочил ко мне:

– Капитан Винсон, американец, – представился он. – Войю за Антанту и Россию.

Он быстро присел и налил в два стакана виски, предлагая выпить за дружбу между Америкой и Россией. Натолкнувшись на мой вежливый отказ, он не огорчился, выпил сам и стал рассказывать, как он попал сюда, как здесь тяжело достать настоящий виски, но русский самогон лучше всякого виски. Конечно, его научили пить и спирт, но это крайний вариант, когда нет ничего. Он разговаривал с постоянной улыбкой на лице. Очень его заинтересовал наш необычный самолет. И он с добродушной улыбкой сказал, что подсел ко мне с целью знакомства. Разговорившись, я выяснил, что он и другие представители летного состава воевали во Франции

и переброшены были сюда союзным командованием для того, чтобы оценить потребность союзников в самолетах и вооружении. Его ненавязчивые, осторожные вопросы, которые он задавал мимоходом, были направлены на одно: выяснить цель нашей миссии на таком необычном самолете.

Продолжая со мной разговор, он то и дело бросал взгляд на нашего темнокожего стрелка. Наблюдая за американцем, я понял, что он обязательно попытается встретиться с ним и будет расспрашивать своего земляка о цели нашего полета. Позднее я узнал, что капитан изучал не только потребности Российской армии в аэропланах, но и способы ведения воздушной войны, новейшие самолеты, применяемые противником, и системы борьбы с ними. Это было его прямое задание, так как американцы собирались использовать полученный опыт в войне с Мексикой. Это касалось в первую очередь истребительной авиации. Что же касается нашего «тяжелого» аэроплана, то ни в одной из воюющих армий такого самолета не было, поэтому понятен был и тот интерес, который он проявил к нам. Анализируя положение дел, исходя из своего задания, капитан составлял подробные отчеты и через свои каналы и через Красный Крест отправлял их в госдепартамент. Скрывать нам особо было нечего, и я поделился информацией с капитаном об аэроплане, однако в кабину его не пустил, сославшись на ремонтные работы.

Дирижабль

Наконец-то мы вылетели. Стояла относительно теплая погода, но несмотря на это по небу поплыли тяжелые кучевые облака, которые на горизонте как бы покрывали землю, словно оберегая ее от чего-то, грозящего ей там, за горизонтом. Аэроплан, надрывно взревев моторами, оторвался от земли и медленно пополз в небо. Достигнув кучевых облаков и найдя в них свободный коридор, мы взяли курс на Черное море, летя так, чтобы в периодических разрывах облачного поля можно было видеть ориентиры на земле. Полет проходил нормально, и все немножко расслабились, периодически шутя над нашим темнокожим стрелком, который, нахохлившись, сидел за своим пулеметом, постоянно осматриваясь по сторонам в поисках вражеского аэроплана.

Самолет летел, касаясь крыльями малых облачков, и тогда их мягкий туман как бы врывался в кабину, окутывая всех членов экипажа, придавая им некий фантастический вид. Вдруг аэроплан вырвался из облачности на небольшое открытое пространство, в конце которого висело громадное, серовато-белое грибовидное облако неопределенной формы. Перед пилотом встал вопрос: или поднять самолет вверх, или пройти под облаком, опустившись ниже к земле. Очевидно, легчик выбрал второй путь, так как он экономил горючее и время, и, опустив нос самолета, стал медленно снижаться.

Облако приближалось, приобретая все большие размеры,

и края его, как щупальцы твари, потянулись к самолету, словно пытаясь схватить его. В самом облаке по мере приближения были видны какие-то процессы, которые перемещали огромные массы воздуха в виде густых кусков, перемешивающихся друг с другом, постоянно меняясь местами. Мы почти поравнялись с ним, и все члены экипажа, замерев, смотрели вверх, на проплывающую над нами огромную массу, которая как бы притягивала к себе все, что находилось вокруг. Аэроплан, натужно взревев и словно оттолкнувшись от тучи, рванул вперед и как-то сразу выскочил на относительно чистое пространство, в конце которого висела еще одна туча. Пилот, привычно опустив нос аэроплана, снова решил облететь ее снизу и прибавил скорость с целью быстрого подъема самолета после пролета под тучей. И туча, словно приветствуя наш маневр, стремительно понеслась нам навстречу. Когда до нее осталось почти ничего, она под воздействием воздушных потоков как бы внезапно уплыла в сторону, представив нам бок огромного немецкого дирижабля, который неподвижно висел в воздухе, дрейфуя вместе с тучей. Его гондола оказалась чуть выше нашего аэроплана, и мы увидели сквозь стекло ее кабины, как засуетился экипаж, моментально разворачивая пулеметы в нашу сторону. Все застыли в оцепенении: еще несколько секунд – и наш самолет будет срезан пулеметным огнем и огненным смерчем рухнет вниз, погребая под собой все наши усилия. Кажется, катастрофа неминуема. Однако в эти секунды в кабине

стрелка-пулеметчика раздался громкий шум, кто-то смерчем пронесся сквозь кабину пилота, выскочил на оружейную площадку, озарившуюся сразу оружейным огнем, который мгновенно превратил величественный дирижабль в огненный шар как раз в тот момент, когда мы оказались на линии его пулеметного огня.

На секунду зависнув в воздухе, гондола рухнула вниз, прямо перед носом аэроплана, обрушив на нас горящие лохмотья от обшивки и части конструкции, которые, к счастью, не причинили нам особого вреда. Самолет промчался сквозь огненное зарево, словно вихрь, оставляя за собой пламенеющие обломки и несчастный экипаж, который, раскрыв рты в немом крике, камнем несся к земле.

Нам повезло. Аэроплан слушался штурвала, правда не так, как раньше, двигатели работали без перебоев, только на крыльях в некоторых местах и на фюзеляже оказались пробоины, которые в определенной мере и повлияли на управляемость нашего аэроплана.

Все были шокированы. Затем медленно посмотрели на пулеметчика и застыли на месте. Лицо нашего чернокожего друга было бледно-красного оттенка. Он застыл на месте, уставившись на обломки дирижабля, крепко сжимая в руке спусковой крючок носового орудия.

– Ну ты и даешь! – промолвил пилот, и все дружно зааплодировали пришедшему в себя и сильно смутившемуся пулеметчику. Он шумно вздохнул и завозился, выбираясь из

подвесной артиллерийской платформы и пролезая в кабину под дружеские похлопывания товарищей.

– С меня бутылка шампанского «Вдова Клико», – воскликнул я! – По прилету и обмоем наше спасение, и нашего спасителя. Честно говоря, я пережил несколько неприятных минут.

– Лучше виски и не одну бутылку, а так, чтобы хватило на всех. Надо же успокоить нервы, – отреагировал Майкл.

– Какое там, – продолжил разговор второй пилот. – Я чуть в штаны не наложил. Или бы мы в них врезались, или бы они нас срезали пулеметами. Как-то очень хитро спрятался этот дирижабль, да и в таком месте, где нет военных объектов и линия фронта достаточно далеко. Что он искал здесь? И ведь смотрите, он был развернут всей своей боевой мощью в нашу сторону. Только облачность, которая скрыла нас и наше неожиданное появление, и реакция Майкла спасли нас.

– Неужели он ждал нашего появления? – поддержал разговор третий член экипажа. – Если это так, то значит их как-то и кто-то предупредил о нашем вылете, и они спокойно поджидали нас с тем, чтобы угробить. Если это так, то что же мы везем с собой в этих ящиках, что от самого Петрограда, мы все время движемся в «почетном» немецком эскорте?

– Конечно, нам повезло, – игнорируя последний вопрос, я попытался перевести разговор на другую тему. – Но все это, на мой взгляд, случайность. Может быть, их интересуется наш аэроплан, его новая модификация. Вы же знаете, как

они бомбят немецкие позиции, не оставляя там живого места. Вот поэтому они и интересуются нашей новой техникой.

– Да, – подхватил дискуссии первый пилот. – Самолет что надо. Такого нет и, наверное, не будет больше нигде. Вот смотрите, прошли через такую огненную бурю, а ему хоть бы хны. Летит себе как ни в чем не бывало и гордится своими боевыми ранениями. Я летал на разных аэропланах: и французских, и английских, и немецких. Дерьмо они по сравнению с нашим «Ильей Муромцем». Очень легкие, какие-то ненадежные. А здесь чувствуется сила, уверенность и в целом надежность, словно не летишь по воздуху, а едешь по ровной дороге. И ветер так же свистит в окна, как в авто.

Так за разговорами мы подлетели к побережью Черного моря, проплыли над Каркинитским заливом и, взяв курс на Севастополь, вскоре увидели в лучах заходящего солнца очертания Воронцовского дворца. Пилот развернул машину над ним и, поймав попутный ветер, стал плавно спускаться на водную гладь. Благо на море начался вечерний штиль. Благополучно приводнившись, мы направили самолет к причалу, на котором собралась толпа любопытной челяди и сам управляющий именем.

Аэроплан плавно подплыл к причалу, покачиваясь на волнах. Я приказал всем оставаться на своих местах, выбравшись из кабины, сделал несколько шагов по крылу самолета и спрыгнул с него. Ко мне сразу же подошел управляющий и представился. В свою очередь и я назвал себя и предъ-

явил ему свои полномочия в виде брегета, подаренного мне императором. Отведя управляющего в сторону от любопытствующей толпы, я попросил его убрать с причала мешавших нам людей и организовать разгрузку ящиков. Тот отдал соответствующее распоряжение и дворцовая обслуга пошла по своим делам. На причале остались только четверо молодцов с тележками. Привязав самолет к причалу, я дал команду начать разгрузку, и экипаж при помощи служителей дворца стал разгружать ящики, складывая их на причале. Здесь они поднимались на тележку по одному и отвозились в сторону дворца. Пока шел процесс разгрузки, у меня с управляющим состоялась беседа по поводу сохранности груза.

– Куда вы намерены их определить? – спросил я.

– В подвал, – ответил управляющий, – чтобы все видели, что это медикаменты. А ночью мы перенесем их в другое место, – и загадочно улыбнулся.

Пока разгружали ящики, я осмотрел фасад дворца. Не то, чтобы я раньше не был здесь, дворец находился не так далеко от дворца императора Николая II, дело в том, что архитектура дворца всегда поражала меня. Она олицетворяла собою как бы единение двух миров и двух цивилизаций – христианской и мусульманской, и поразительно было то, что христианская сторона выходила на цветущий сад, который был разбит среди скал по указу графа Воронцова. А мусульманская сторона была открыта морю и обдувалась всеми солеными ветрами. Эту архитектуру предложил англичанин-архитек-

тор, которому граф заказал создать здесь, на каменных скалах, свой не похожий ни на что дворец. Этот архитектор, достаточно молодой, слыл большим оригиналом и мистиком. В свои молодые годы он был достаточно знаменит оригинальными находками в решении различного рода архитектурных проблем. И здесь он создал такой шедевр, который поражал многих современников, и зная, съезжавшаяся сюда в период летнего отдыха на балы, восхищалась продуманностью стиля и открытости, которую олицетворял собою дворец. Но это была только верхняя часть здания.

Существовала, как еще оказалось, и нижняя часть этого громадного сооружения, которая была известна немногим. И она хранила много тайн, которые не раскрыты и по сегодняшний день. Да и сам граф Воронцов был большим оригиналом с нестандартным мышлением. В период Отечественной войны 1812 года он в своем подмосковном имении за свои средства организовал для солдат большой госпиталь, лечил их там и по выздоровлении выдавал деньги на дальнейшее пропитание. Переодевшись в крестьянское платье, пробираясь в оккупированную французами Москву, добывая военные сведения для русской армии. Назначенный губернатором Новороссии, он тратил свои деньги на развитие экономики этого края, выплачивая населению деньги за каждое посаженное в степи дерево. Поощрял виноградарство, овцеводство, первый открыл угольную шахту в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, развивал каботаж-

ное плавание. Многие молодые люди известных фамилий считали за честь верой и правдой служить стране под его началом.

Когда выгрузили последний ящик и покатали его на тележке, я пошел следом, сопровождаемый управляющим. Он подвел меня ко входу в подвал и открыл его большим ключом. В нашем присутствии ящики были внесены туда и управляющий, закрыв дверь, громко заявил присутствующим, что содержимое этих ящиков составляют лекарства, которые будут направлены в госпитали раненым солдатам. Убедившись, что ящики закрыты, я попросил управляющего поселить меня так, чтобы в какой-то степени можно было наблюдать за входом в подвал. Он находился как раз под венецианским мостиком, который соединял две стороны замка — северную и южную. Управляющий, кивнув головой, пригласил меня отужинать и представить хозяйке имения графине Воронцовой. Я согласился, но попросил у управляющего дать мне время, чтобы переговорить с экипажем аэроплана. На пирсе было уже практически безлюдно, лишь отдельные любопытные рассматривали огромный самолет, покачивающийся на волнах. Экипаж, сгрудившись в кучу, покуривал, разговаривая о чем-то и посмеиваясь между собой и над Майклом. Его появление здесь вызвало особое удивление у персонала дворца. Они буквально облепили его со всех сторон, особенно детвора, которая смотрела на него, раскрыв рты. Я подмигнул ребятам, щелкнул кого-то по носу и подо-

шел к пилотам, которые громко хохотали в это время, с юмором вспоминая пережитые страхи и проблемы перелета.

– Ну что вы решили? – спросил я у пилота.

– Наверное, полетим, горючего нам хватит. Долетим до Севастополя, там заправимся и обратно в Петроград. Кстати, истребитель уже ждет нас там. – ответил мне летчик.

– Господа, – заявил я командным глосом, что заставило экипаж моментально встать по стойке смирно. – Разрешите от имени командования, и нашего государя-императора, и от меня лично поблагодарить вас за проявленное мужество, и отвагу, и успешно выполненное задание.

Пожав руки членам экипажа, я еще раз поблагодарил их и подождал, пока они поднимутся в аэроплан, прогреют моторы и взлетят. Тишина, стоявшая вокруг, сразу наполнилась гулом, и самолет, как бы присев на секунду, вдруг встрепенулся и начал свой разбег по волнам, оставляя за собой белый след, помчался вперед и, подпрыгнув, завис над морем, а затем, развернувшись, взял курс на Севастополь, помахав на прощание крыльями. Я смотрел на него, все уменьшавшегося в размерах и напоминавшего большую птицу, которая медленно летит на фоне заходящего солнца и темнеющего горизонта. Гул постепенно затих и снова наступила тишина. Люди начали расходиться, а я стоял и думал, правильно ли я поступил, отпустив самолет. Не проще ли было сразу полететь к англичанам и сгрузить груз? Скорее всего, что правильно. Во-первых, прибытие самолета уже вызвало вопро-

сы. Во-вторых, с англичанами надо было еще связаться и договориться о времени и месте встречи. В-третьих, весь груз надо было доставить сразу. А посему следовало дожидаться основной части багажа, которая следовала поездом в сопровождении моих людей. Я еще раз посмотрел в сторону улетевшего самолета, думая о том, что они возможно без приключений долетят до Севастополя и успешно вернуться на базу в Кронштадт. Повернувшись, я направился в замок, преодолевая многочисленные ступеньки, вырубленные в скалах.

Алупкинский дворец

Сад благоухал ароматом цветов, которые перемешивались с морским воздухом, создавая необычный колорит и запах, навевающий негу и спокойствие. Однако это было кажущееся спокойствие, потому что еще предстояло решить очень много сложных вопросов по транспортировке моего ценного груза на английский крейсер. Поднявшись наверх, я еще раз прошел мимо подвала, бросив мимолетный взгляд на дверь, и вошел в здание через центральный вход. Здесь меня встретил управляющий, который представил графине Воронцовой, довольно хорошо сохранившейся, пожилой женщине. Расспросив меня о петербургской жизни, об императорской семье, она любезно пригласила меня пройти в столовую залу, где был накрыт стол на две персоны.

На ужин в основном были поданы различные блюда, при-

готовленные из морской рыбы, которые мы запивали бутылкой отличного крымского вина, скрасившего нашу беседу и позволившего в какой-то степени успокоить напряженные нервы. Поговорив о петербургских знакомых, об императорском дворе, событиях на фронте и в Крыму и в целом о дальнейшей судьбе России, хозяйка поднялась из-за стола и, откланившись, пошла в свои покои. Я тоже встал и, подождав, пока она выйдет, направился в отведенную мне спальню, сопровождаемый прислугой. Это была комната на втором этаже, где стоял старинной работы столик, деревянная кровать, комод с зеркалом, кресло и несколько стульев. На полу был расстелен ковер ручной работы, изображавший охоту на львов. Раздевшись и помолившись, я моментально погрузился в сон, надеясь встать пораньше, чтобы решать проблему транспортировки груза и изучить на месте возможные варианты ее решения.

Однако поспать мне не удалось. Буквально через несколько минут в дверь комнаты раздался тревожный стук. Я подскочил с постели, на ходу достав револьвер, подкрался к двери и, став боком возле нее, прислушался. За дверью стоял запыхавшийся человек, который часто дышал от бега и периодически осторожно постукивал в дверь.

– Кто там? – спросил я.

– Ваше благородие, – раздалось из-за двери, – господин управляющий срочно просит вас подойти к нему в кабинет, – раздался знакомый голос слуги, который ранее сопровождал

меня по дворцу.

– Сейчас оденусь и выйду, – ответил я.

Быстро одевшись и засунув револьвер в карман, я открыл дверь, перед которой со свечой в руке стоял слуга. Мы немедленно пошли к выходу, сопровождаемые изгибающимися тенями, которые причудливо плясали от колеблющегося пламени свечи, переплетаясь с тенями предметов, которые встречались на нашем пути. В кабинете управляющего горел свет. Увидя нас, он вскочил.

– Ваше благородие, как мне только что сообщили, кто-то пытался влезть в подвал, в который мы выгрузили ваши ящики.

Управляющий выглядел побледневшим и, казалось, очень сильно напуганным. Горящая на столе свеча колебалась, играя светом, и освещала его лицо то с одной, то с другой стороны.

– Откуда такие сведения?

– Верный мне слуга, который присматривал за этим, доложил мне, – ответил управляющий. – Он проходил по двору и увидел две тени, которые мелькнули от подвала к выходу из дворца. Он бросился за ними, но калитка в воротах оказалась открытой, и злодеи убежали в сторону парка.

– Что вы на это скажете? – и он вопросительно посмотрел на меня.

Сказать было нечего. Было понятно, что каким-то образом весь мой маршрут, казалось бы, продуманный до каж-

дой мелочи, был известен моим преследователям. И противная сторона начала предпринимать активные действия для того, чтобы помешать мне осуществить задуманное. Необходимо было что-то предпринимать. Что??? Куда перенести эти ящики, чтобы потом связавшись с английской эскадрой, переправить их. Я молча сел на стул и жестом пригласил присесть управляющего.

– Успокойтесь! Давайте подумаем, – сказал я, – эти ящики не представляют большой ценности, там только лекарства и кое-какие вещи, которые мне необходимо отправить в Англию. Может быть, это были какие-то вору, разбойники? Ведь в последнее время довольно часто случаются грабежи помещичьих усадеб, дач. И, к сожалению, может быть и ваш дворец тоже под их прицелом, несмотря на ту доброту, которую и граф и его наследники проявляли к крестьянам и дворовым.

– Я все понимаю, – ответил управляющий. – Однако раньше такого не бывало. Конечно, сейчас не то время. Некоторые косо смотрят, даже казалось бы, и из ближайших слуг. Ходят, гордо подняв голову. Но тем не менее, пока все это было в рамках управляемости. А здесь, каким-то образом пробравшись через сад, они полезли именно туда, где мы с вами недавно закрыли на замок ваши ящики. Слава Богу, что замок старинной кованой работы.

– Так что же делать? – мой вопрос словно повис в воздухе. – Есть ли более укромное место, где можно было бы подер-

жать ящики, пока не придет основной груз? Я думаю, это не займет много времени.

Немного подумав, управляющий ответил, что такое место есть.

– Где? – спросил я, глядя ему в лицо

Он отвел глаза и, немного подумав, ответил:

– В подземелье!

– Что, в этом дворце существует подземелье? – удивился я.

– Да, – ответил он. – Оно было заложено с начала строительства дворца, а потом расширено и проделаны подземные ходы, которые выводят в том числе и непосредственно к морскому берегу.

– И кто об этих подземельях знает?

– Сейчас почти никто, – ответил управляющий. – Я и еще один мой верный слуга. Но какие-то догадки есть у хозяйки в виде преданий, потому что мы буквально недавно спрятали в это подземелье все ценные вещи семьи, картины, фамильное серебро и так далее. Это было связано с тем, что, как вы изволили сказать, были попытки пробраться во дворец с целью грабежа. А учитывая то, что сегодня такое беспокойное время, то мы решили обезопасить себя и переправить все это в Англию, к своим близким.

– Так что же мы стоим? – воскликнул я. – Давайте как можно быстрее перенесем наш груз туда. Но при этом хочу заметить, что это придется сделать нам с вами, потому что

больше привлечь вашу прислугу к этому мне не хотелось бы.

– Как скажете. А теперь, чтобы не терять зря времени, позвольте пройти со мной и пока графиня отдыхает, мы откроем вход в подземелье и быстро перенесем туда вещи.

С этими словами управляющий встал, открыл дверь и, пропустив меня вперед, пошел рядом со свечой, показывая мне направление. Выйдя на улицу, мы быстрым шагом подошли к двери в подвал. Управляющий открыл его своим ключом и осветил пространство небольшой комнаты, где спокойно лежали наши ящики. Затем мы осмотрели входную дверь и обратили внимание на свежие царапины и вырванные куски дерева, которые говорили о попытке взломать дверь железной фомкой. Однако кованая основа двери выдержала, кроме того, у взломщиков было мало времени, поэтому попытка взлома окончилась провалом. Подкатив рядом стоящую тележку, мы, поднатужившись, вдвоем погрузили на нее один из ящиков и вывезли на улицу. Управляющий закрыл дверь, и мы поехали к черному входу во дворец. На улице не было ни души. Нигде в окнах дворца не горел свет. Однако было достаточно светло, так как луна, хоть и закрывалась периодически тучками, однако давала возможность своим рассеянным светом достаточно хорошо различать дорогу. Так мы перевезли все четыре ящика. К счастью мы никого не встретили по пути, так как была уже глубокая ночь, да и количество слуг во дворце, как оказалось, было

сокращено до минимума, и поэтому никто не слонялся по ночам. Затем управляющий открыл дверь, и мы через черный вход и амфиладу комнат втащили ящики в каминный зал. Увидя мое удивление, управляющий шепотом сказал, что именно здесь находится ближайший вход в подземелье. Но для того, чтобы его открыть, необходимо проделать определенные манипуляции с южной части дворца.

– Я прошу вас оказать мне в этом помощь, – сказал управляющий.

И с этими словами поманил меня за собою. Мы вышли во двор и повернули направо. Здесь внутри высокой стены, за плетями дикого винограда, окутавшего ее, оказалась небольшая, едва заметная на этом фоне дверь. Управляющий открыл ее и тихонько при блеклом свете луны стал подниматься по едва заметной извилистой тропинке ко дворцу. Минут через пять мы уперлись в кованую ограду, преградившую нам путь. В ней оказалась калитка, которую осторожно открыл управляющий и жестом пригласил меня пройти вперед. Затем он тщательно закрыл ее и пошел по небольшому дворику, направляясь в темноватый угол, где журчала вода. Подойдя поближе, я увидел каменную стеллу, в середине которой было вырезано изображение льва, из пасти которого лилась прохладная вода. Она серебрилась и ласково журчала в лунном свете, поражая своей прозрачностью, и стекала в небольшую каменную чашу, разливаясь вокруг и наполняя ее своей прохладой. Я наклонился и увидел свое

отражение, которое четко впечаталось в это водное зеркало, изредка колеблясь от прибывающей воды. Дело в том, что когда мы смотрим в водное зеркало, происходит вхождение структуры сознания в информационное поле воды. Происходит узнавание, которое может быть обоюдным, или наоборот, с учетом того, какой информацией заряжена вода. И она в свою очередь узнает нас по определенным параметрам, которые заложены в нашем организме, и распространяет их у себя в памяти. Почему, например, одни люди плавают хорошо, а другие не умеют? Это по крайней мере говорит об их несовместимости со структурами воды, внутренних проблемах и так далее.

Вдруг какое-то волнение охватило меня. И в тот же миг зеркало воды покрылось рябью, куда-то пропал лунный свет, и сразу все изменилось вокруг. Вода вдруг стала тяжелой, утратила свою игривость, а черты моего лица стали расплываться. Я резко отпрянул и быстро огляделся вокруг, но все было по-прежнему. Светила луна и так ярко играла серебряными бликами вода. Я перевел взгляд на управляющего, который недоуменно смотрел на мое растерянное лицо.

– Все в порядке, – сказал я. – Просто чуть закружилась голова. Это бывает, ведь я третьи сутки в дороге.

– Да, – хмыкнул он. – Обилие кислорода и аромат наших орхидей порой доводят людей до обморока. А вода идет сюда самотеком, прямо с гор, холодная и чистая. Если по утрам регулярно умываться ею, то будешь здоровым, краси-

вым и сильным. Существует предание, что крепостной, который вырезал этот каменный фонтан, полюбил молодую красивую девушку дворянских кровей, гостившую здесь у графа Воронцова. Естественно, это была платоническая любовь. Девушка тоже отвечала ему взаимностью. И когда она приезжала сюда, то первым делом как бы мимоходом узнавала, где он, и пыталась как можно дольше побыть с ним вместе. Он работал, а она смотрела на него украдкой. Слов почти не было, их заменили страстные вздохи и красноречивые взгляды. Обустроивая свое поместье, граф Воронцов решил сделать возле южного фасада наверху фонтан наподобие знаменитого фонтана слез в Бахчисарае. О ком страдала душа графа – неизвестно, но он вызвал мастера и дал ему задание сделать это. И бедный парень ухватился за эту идею и принес графу проект, который тому понравился. В имение привезли плитку белого мрамора, и резчик взялся за работу. Долго он трудился над фонтаном, вкладывая сюда всю свою душу. А когда закончил и установил его, рядом оказалась эта девушка, пришедшая посмотреть.

Мастер не выдержал, подбежал к ней, схватил ее за руку и, бросившись на колени, сказал, что струны фонтана это его слезы, которые постоянно переполняют его сердце от того, что он может видеть любимую только издали, боясь подойти и прикоснуться к ней. И эти слезы, как капли чистой воды, разбиваются о человеческое непонимание и условности, которыми опутана наша жизнь. Поэтому этот фонтан посвя-

щен ей, и он просит, если будет такая возможность, чтобы она хоть изредка приходила сюда и вспоминала о нем. Она стояла ни жива, ни мертва, вся во власти его слов, словно тая от его прикосновения, мелкая дрожь стала сотрясать ее тело, глаза наполнились слезами, и она разрыдалась от нахлынувших на нее чувств. К несчастью, эту сцену увидел граф, также решивший прийти и посмотреть на фонтан. Увидев плачущую девушку и крепостного, державшего ее за руку, он решил, что парень оскорбил ее, и крикнув слуг, отдал приказ выпороть его на конюшне. Сам граф подбежал к девушке, стал успокаивать ее и отвел во дворец, отдав на руки жене и прислуге. Девушка от рыданий не могла вымолвить ни слова, хотя и пыталась что-то сказать. Парню дали полсотни плетей, от которых у него спина стала похожа на кровавый пузырь. Не выдержав такой несправедливости, он бросился в то горное озеро, из которого и течет эта вода. Перед этим он попросил друга передать любимой, что его душа и сердце растворятся в этой воде и будут каплями прикасаться к ней, напоминая о той любви, которую он питал к ней. И благодаря этому они снова будут вместе, лишь бы она изредка приходила к этому фонтану. Узнав об этом, девушка на следующий день уехала из имения в столицу. Мои предшественники на этой должности вспоминали, что в начале весны периодически приезжала дама в черном и долгое время проводила у фонтана. Теперь существует поверье, особенно среди молодежи. Если хотят быть вместе, то обязательно должны

омыть лицо друг друга из этого фонтана и постоять немного, взявшись за руки. Эта вода несет в себе особую энергетику, как бы охраняя и оберегая всех влюбленных.

«Вот такая история», – подумал я. Оказывается, эта вода живая, заряженная теплом, от сотен, людей, которые постоянно питаются ею, не говоря уже о такой душещипательной легенде, которая составляет ее сердцевину. Поэтому водное зеркало так бурно реагирует на любые изменения в окружающей среде. И то, что недавно произошло со мной, говорило о том, что здесь все не так просто.

– Мы сейчас поближе рассмотрим этот фонтан, – продолжал разговор управляющий.

И, привстав на цыпочки, заглянул за стеллу, затем просунул туда свою правую руку, а левой взялся за морду льва. Он в таком положении провозился минут пять, затем что-то шелкнуло, зашуршало, и раздался звук быстро льющейся воды. Затем управляющий пригласил меня подняться наверх по крутым ступенькам, при этом объясняя, что за счет сложной системы воды и противовесов открывается и закрывается вход в подземелье, причем каждый вход по-разному. Наконец, преодолев крутизну, мы оказались перед ажурной арабской вязью мраморного фонтана, окруженного колоннами. Он, казалось, светился изнутри, обливаемый лунным светом. И капли воды здесь играли совсем по-другому, как бы вспыхивая на мгновение и пропадая навсегда, растворяясь в общей массе воды. Управляющий, наклонившись,

нашел в стене какой-то рычажок, а затем в определенной последовательности сверху вниз нажимал на мраморные цветочные розетки фонтана. Однако на этот раз никакого шума я не услышал.

– Все, – сказал управляющий.

И мы друг за другом спустились вниз, закрыли дверь и калитку и вошли в каминный зал. В зале царил полумрак. Однако луна через огромные стрельчатые окна ярко освещала камин из белого итальянского мрамора, возле которого стояли наши ящики. По стенам, противоположным окну, бегали разнообразные тени от деревьев, качающихся под порывами начавшегося ветра. Они то протягивались, то изгибались в сторону камина и, казалось, вот-вот прикоснутся к нему и лежащим возле него ящиков. Но затем внезапно, словно испугавшись чего-то, бросались обратно и забивались на мгновение в темном дальнем углу, чтобы затем или украдкой, или внезапным броском снова ринуться в атаку. Аналогичным образом вели себя и наши тени, то изгибаясь и удлиняясь, то съежившись и прячась на резном паркете.

Управляющий подошел к камину и зажег свечу, стоявшую на нем в старинном бронзовом подсвечнике, и взял его в руки. Затем, сняв кованую железную решетку камина, встал на колени, вынул из подсвечника свечу, взял ее в левую руку и осветил в огромную пасть раскрывшегося каминного зева. Правой рукой он вставил подсвечник в какие-то отверстия в дымоходе и, нажав, дважды повернул подсвечник по

часовой стрелке. После того, как он вынул подсвечник, раздался щелчок и камин медленно выехал вперед. Управляющий, взявшись двумя руками за его левый бок, легко повернул в сторону окна. Передо мной открылось довольно широкое отверстие, в которое мог свободно, чуть-чуть согнувшись, пройти человек. Управляющий снова взял свечу и подсвечник и вошел в открывшийся проход, который упирался в глухую стену. Посветив себе над головой, он нижний ободок подсвечника снова использовал как ключ, повернул его три раза против часовой стрелки. Когда он вытащил подсвечник, глухая стена, стоявшая перед ним, чуть качнулась и медленно отъехала влево, открывая темное чрево подвала. На нас повеяло сыростью. Управляющий вставил свечу в подсвечник и по ступенькам спустился вниз, освещая довольно широкую камеру, по бокам которой находились три окованные дубовые двери. От свечи он зажег один за другим два смолистых факела, висевших в кованых кольцах на стене, что сразу создало какой-то уют в подземелье.

Подняв голову и посмотрев на меня, управляющий предложил снести ящики вниз, а потом переправить их к общему грузу семьи Воронцовых, который был складирован у выхода к морю. Естественно, я ответил согласием. И мы снова, пытая и надрываясь, перетаскивали ящики вниз через отверстие в камине и положили их возле стены. После этого поднялись наверх, где управляющий, прислушавшись к тишине, в обратном порядке закрыл камин и спустился ко мне. В подзе-

мелье было прохладно и сухо.

– Здесь хорошо продуманная система вентиляции, – сказал управляющий, открывая одну из дверей ключом, который выбрал из связки висевшей у него на руке. – Вы поостойте здесь, а я сейчас зажгу факелы в проходе к камере с грузом.

С этими словами он взял один из горящих факелов и скрылся в темном проеме открытой двери. По мере того, как он зажигал расположенные по стенам светильники, подземелье как бы оживало, наполняясь чуть желтоватым мерцающим светом. На стене, прямо передо мной стал появляться какой-то рисунок из квадратов и треугольников, которые разделяли стилизованные фигурки бегущих человечков, стреляющих из луков и бросающих копьё в эти геометрические фигуры. Я стал внимательно их рассматривать.

За этим занятием меня застал управляющий. Подойдя ко мне поближе и став за моей спиной он сказал:

– Это план подземелья, а фигурки указывают направление подземных ходов и выходов на поверхность. Этот план сделан специально в виде древнего письма по всем стенам. Надо читать не слева направо, а справа налево. Сначала правый рисунок, затем – левый, а потом по порядку. А наверху, – и он поднял глаза на потолок, где я увидел сложный орнамент арабской вязи, – изображена система запоров всех ходов и выходов. Встаньте вот сюда, – и он подвел меня к правому факелу, – и поднимите глаза вверх, – что я и сделал.

– Видите стилизованный подсвечник, тот, который я сейчас держу в руках? Его разной длины подставки для свечей являются ключом для центрального входа, а вон стилизованные волны – это наш выход к морю; видите кружочки с точкой чуть правее – это место, где расположен рычаг для открытия выхода, а справа изображение скалы – место, где этот вход открывается со стороны моря.

Постепенно я стал различать основную схему, которая была спрятана внутри арабской росписи.

– Я уже там все подготовил, – сказал управляющий.

И я, оторвавшись от изучения схемы, вместе с ним взял первый ящик и стал его тащить по довольно широкому проходу, постепенно уходящему вниз. Минут через пять мы достигли достаточно широкой комнаты, вырубленной в скале, где лежали прикрытые брезентом ящики с грузом. Поставив рядом с ними первый ящик, мы вернули за вторым и так по очереди перенесли их все. Запыхавшиеся, мы поднялись наверх. Управляющий потушил все факелы. Со свечою в руке он подошел к камину, постоял немного, прислушался и, взявшись рукой за выступающий из стены небольшой рычаг, принялся вдавливать его. Когда он достиг своего нижнего положения, камин чуть вздрогнул, но не отошел в сторону. Управляющий удивленно посмотрел на меня. Я подошел к нему, однако он махнул рукой и, упершись двумя руками в камин, чуть сдвинул его. Затем, взявшись за две медные ручки, специально приделанные по бокам, и поднатужившись,

попытался сдвинуть его влево для того, чтобы открыть проход. Однако камин упорно стоял на месте.

– Не изволите ли мне помочь? – наконец обратился ко мне управляющий, уступая место с правой от себя стороны.

Я молча подошел на освободившееся пространство и втиснулся между управляющим и стеной. Взявшись за ручку, я стал помогать ему разворачивать камин. Несмотря на то, что он чуть-чуть продвинулся влево, однако открываться не хотел. Так мы толкали его минут десять то в одну, то в другую сторону, стараясь сдвинуть с места. Наконец, устав и обливаясь потом, управляющий предложил отдохнуть. Сев на корточки, мы молча смотрели друг на друга. Затем я закрыл глаза и попытался включить свое внутреннее зрение, с тем, чтобы определить в чем дело и почему камин, несмотря на наши усилия, не открывается.

Минуты через две я вошел в нужное состояние и, настроившись мыслевзглядом, проник через стену и оказался в гостиной. Там царил все тот же полумрак, и изображение явно страдало искажениями. Нас учили, как гармонично разбираться в этой архитектуре видов, направляя свои чувственные мысли сверху вниз или наоборот, в зависимости от обстоятельств, применяя метод коррекции и пространственного восприятия. Кроме того, нестандартность возникшей ситуации говорила о возможных опасностях, которые грозят в таких переходах от неизвестных сил, стоящих на твоём пути. Поэтому, учитывая все это, я послал вперед блок защи-

ты в виде сложенных на груди рук, обозначавших энергетический щит, который мог меня хоть ненадолго защитить от возможных нападений, и обвел вокруг себя мысленный защитный круг. Вошедшему в зал случайному, постороннему человеку представилась бы картина в виде белого прозрачного облака, из которого пытливо смотрели глаза, окруженные мерцающей аурой. Разобравшись в архитектуре увиденной мной картины, я отрегулировал взгляд и стал медленно изучать комнату, обращая внимание на темные углы. Все казалось нормальным. Тогда я подплыл к той стороне, в которую должен был открываться камин. Увиденная картина поразила меня. В небольшом пространстве между правым боком камина и стеной лежало неизвестно откуда взявшийся подсвечник, нижней частью застрявший между двумя сторонами так, что это наводило на мысль о преднамеренности чьих-то действий. Одной стороной своего литого медного подножья он упирался в мраморную стенку камина, другой, чуть выдвинутой вперед, врезался в орехового дерева лутку двери и разрезал ее пополам. Очевидно, это было следствием наших усилий по передвижению камина. Внезапно мой щит издал характерный звук энергоудара. Я мгновенно повернулся и увидел летящую на меня темную массу, которая вырвавшейся кометой из зеркальной части буфета, стоявшего в дальнем конце комнаты напротив камина, неслась на меня. Мгновенно отскочив поближе к окну, я переброшил все свои силы на энергетическую защиту, и мой щит вы-

гнулся в сторону кометы и принял весь удар на себя. Сгусток темной энергии, не выдержав удара, раскололся надвое и стал на глазах рассыпаться на мелкие грязные хлопья, которые опадали на пол, сгорая от энергетического столкновения. Вполне очевидно, что энергетический потенциал заряда был не очень большим, малая величина зеркальной поверхности не дала ему возможность накопить больше отрицательной энергии и это спасло меня от больших неприятностей. Меня охватила дрожь и вспухло правое плечо, которое в момент удара было направлено в сторону щита. Мое сознание мгновенно раскололось надвое. Одной частью я был еще в комнате, а второй я видел себя в подземелье вместе с управляющим.

Очевидно, увидев мое состояние, он стал меня звать, а затем, подойдя поближе, стал теревить за плечо. Это заставило меня собраться и быстро войти в нормальное состояние.

– Все в порядке, – сказал я, хотя плечо начинало ныть все сильнее. – Сейчас я еще минут пять посижу, и мы продолжим.

Чтобы нейтрализовать сложившуюся ситуацию, я решил эти пять минут посвятить беседе.

– Можем ли мы выйти через другой выход? – я поднял глаза на моего визави.

Сев снова на корточки, он ответил:

– Теоретически – да. А практически... Дело в том, что мы открыли только один вход. Остальные заблокированы. И для

того, чтобы работали другие ходы, надо привести в действие всю систему, которая замаскирована в саду в гроте. Тогда начинают работать все входы и выходы. Учитывая, что никто, очевидно, не думал о постоянном использовании этого под-земелья, придумали эту систему, чтобы случайно кто-нибудь не наткнулся на один из входов.

– Так что же нам делать? – я снова подал свой голос.

– Ну попробуем еще несколько раз. Если не получится, подождем, пока не придут убирать покои, и тогда позовем на помощь. Конечно, в этом случае откроется тайна входа. Ну что же, придется его заблокировать и пользоваться дру-гими.

Беседуя с управляющим, я мысленно анализировал ситуа-цию, пытаюсь найти свою ошибку и выяснить, откуда узнали мой маршрут и мои действия. Кто постоянно идет за мной по пятам? Однако пока ничего конкретного мне на ум не при-ходило.

Окончательно придя в себя, я встал, и мы с управляющим снова взялись за дело. Раскачивая основу камина в разные стороны мы пытались сдвинуть его с мертвой точки. Посте-пенно камин стал поддаваться нашим усилиям. Наконец, ко-гда я чуть подвинул в сторону управляющего и уперся ногой в стенку входа, мы, еще раз поднатужившись, дернули ка-мин. Он вздрогнул и резко ушел влево. Одновременно что-то упало и с металлическим звуком загремело по паркету. Выбравшись наверх, мы увидели на полу деформированный

подсвечник и свежий разрез на чуть выгнутой ореховой лутке двери. Оглядевшись вокруг и подняв подсвечник с паркета, управляющий хмыкнул и удивленно посмотрел на меня.

– Ведь на камине не было второго подсвечника и он упасть сюда сам просто не мог, – сказал он, вопросительно глядя на меня.

Я лишь пожал плечами, оставив его реплику без ответа.

Увидев мою безразличную реакцию, управляющий подошел ко входу, вытащил оттуда первый подсвечник и, взявшись руками за камин, поставил его на место. Затем, вернув подсвечник на стойку камина, он взял деформированный, и мы быстрым шагом, пройдя через комнаты, вышли во двор. Было уже под утро. Стояли светлые сумерки, и луна постепенно заходила куда-то за горизонт, прячась в горах, уступая место уже нарождавшемуся солнцу. Распрощавшись и пожелав друг другу «спокойной ночи», мы разошлись. Я отправился к себе в комнату. Войдя в нее, я быстро разделся, умылся и, сделав холодный компресс из мокрого полотенца на распухшее колено, сел в кресло и задремал. Поспать хорошо у меня не было возможности. Необходимо было спешить.

Дорога на Симферополь

Разбудили меня яркие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь неплотно задернутые шторы и падавшие мне на лицо.

Все свидетельствовало о том, что новый день уже был в полном разгаре. Я взглянул на часы – было почти восемь часов утра. Значит я поспал около трех часов. Ну что же и на том спасибо. Сняв полотенце с колена, я потянулся, пробуя его на прочность. Вроде бы все нормально, болит, но терпимо. Умывшись и побрившись, я оделся и вышел во двор. Стояло яркое солнечное утро. Со стороны конюшен слышалось ржание и какой-то деловой гул. Глубоко вдохнув свежий прохладный воздух, я сбежал со ступенек крыльца и направился на хозяйственный двор в сторону конюшен. Управляющий уже был здесь, и наблюдал за работой конюхов и прислуги. Несмотря на наше ночное приключение он выглядел очень бодро. Пахло душистым сеном и конским потом. Этот запах смешивался с ароматом сада и уносился теплым ветерком вверх за горы. Вокруг разливались нега и покой, и мне вдруг захотелось плюнуть на все и уйти вслед за ветерком в этот сад, найти то место, откуда ветер черпал этот непередаваемый цветочный аромат, сесть на скамейку и отдаться под ласковыми лучами солнца природе, чтобы немножко расслабиться в этом бодрящем и ароматном рае. Однако дела требовали быстрых действий. Я стал в сторонке, чтобы не мешать управляющему, и принялся рассматривать великолепных коней в стойлах конюшни, освещенных поднимающимся солнцем.

Увидев меня, управляющий быстро закончил свои дела, повернулся и, подойдя ко мне, пожал руку с пожеланиями

доброе утра. В ответ я сказал, что утро прекрасное, спору нет, но надо что-то срочно предпринимать, чтобы решать возникшие проблемы. Отведя его немного в тень большого дерева, растущего возле конюшен, я попросил его выделить мне транспорт для поездки в Симферополь, чтобы подготовиться к приему оставшегося груза, едущего сюда в санитарном вагоне. По моим расчетам, он должен прибыть завтра утром. Не задумываясь ни секунды, управляющий ответил согласием.

– Я вам дам фаэтон и надежного кучера, своего, которому я доверяю, – ответил он.

– А то вы знаете наши горные дороги, крутые, с частыми обвалами, поэтому надо быть очень осторожным. Я думаю, часа за три, четыре вы доберетесь до Симферополя. Часа два будете решать свои проблемы, а к вечеру ждем вас на ужин. Я же здесь постараюсь проследить за тем, чтобы у нас не было ничего необычного, наподобие того, что давече произошло ночью.

– Благодарю вас, – ответил я. – Надеюсь, что такого больше не случится. Извольте отдать распоряжение по поводу фаэтона, – и я повернулся чтобы идти.

– Одну минуточку. Прошу вас пройтись со мной, – остановил меня управляющий.

И мы отправились к конюшне. Войдя в нее, управляющий громко крикнул: «Федор, Федор..!». Из дальнего стойла в левом углу конюшни откликнулся густым басом «Сей момент»

чей-то голос. И к нам стал приближаться здоровый мужик, с окладистой бородой, в руках которого были остро блестящие вилы, которыми он ворошил сено для коней.

– Чего изволите, Николай Петрович?

– Вот что, дружок, запрягай-ка вороного и отвези их благородие на станцию в Симферополь. Там подождешь, а затем вернетесь обратно.

– А какой фаэтон запрягать? – спросил Федор

– Возьми тот, зеленый. И посмотри, чтобы крыша нормально открывалась, а то дождь может застать в дороге, да и чтобы не протекала. Ну и в дороге там смотри, чтобы все было нормально, не лихачь.

– Слушаюсь, – ответил Федор, повернувшись ко мне и осмотрев меня с ног до головы, сказал:

– Ваше благородие, извольте отдохнуть малость, а я быстро тут подсучусь и где-то через полчаса соберу фаэтон. Если изволите, то я буду ждать вас у ворот при выезде из сада, чтобы мы кратчайшей дорогой сразу изволили выехать.

– Хорошо, – ответил я, кивнув управляющему, развернулся и пошел к выходу, чтобы собраться в дорогу.

По пути я отказался от завтрака, который мне предложила горничная, и направился в свою комнату. Пройдя через зал, я заметил, что следов ночных «боевых» действий ни на двери, ни на камине видно не было. «Ай да управляющий!» – с одобрением подумал я.

Войдя в свою комнату, я стал прикидывать, в каком ка-

честве мне лучше всего появиться в комендатуре вокзала, и решил, что роль интенданта, занимающегося развертыванием госпиталя для раненых солдат и матросов, будет наиболее подходящей. Приведя себя в порядок, я надел мундир и португею, проверил револьвер, взял шинель и направился к выходу. Перед этим я тщательно расставил свои вещи в определенном порядке и сделал на саквояже едва заметную метку. По дороге к выходу из сада я с удовольствием рассматривал садовые сооружения и скульптуры, которые были органически вплетены в структуру сада, создавая единый неповторимый ансамбль. Наконец я подошел к кованым воротам, которые были открыты, и буквально через минуту раздался цокот копыт, ко мне лихо подъехал фаэтон, сверкающий лаком зеленоватого цвета. На козлах его сидел Федор, одетый в ямщицкий сермяк, подпоясанный кушаком, который давал возможность ему вполне комфортно чувствовать себя на горном ветру. На голове у него лихо набекрень сидела шапка, из-под которой выбивались седоватые кудри, а в руках находился длинный кнут.

– Прошу садиться, ваше благородие, – сказал он, быстро глянув на мою форму и жестом показывая на великолепное кожаное сиденье, скромно выглядывающее из-под тени поднятого козырька фаэтона.

Рядом на сиденье лежало шерстяное одеяло из овечьей шкуры, которым в случае необходимости можно было прикрыть ноги. Я встал на подножку фаэтона, который прогнул-

ся под моей тяжестью, и сел на прохладное кожаное сиденье.

– Но, милай, – крикнул Федор и щелкнул кнутом.

Мы стали медленно подниматься по дороге, ведущей вверх, выезжая на основную магистраль к Симферополю. Поднявшись на гору, лошадь, тяжело вздохнув, потихоньку пошла рысью. Дорога была не очень широкой, но вполне достаточной, чтобы разъехались два возка. С горной вершины открылся великолепный вид на море, которое искрилось и играло серебряными бликами в лучах поднимающегося солнца. Вскоре мы выбрались на основную дорогу, и сразу подул сорвавшийся с гор легкий ветерок, достаточно прохладный, чтобы ощутить его «дружеское» прикосновение. Пришлось накинуть шинель. По дороге вскоре стали встречаться крестьянские возы и двухколесные арбы, перевозившие всякую всячину. Разминаясь с ними, порой было жутко смотреть вниз на открывающуюся панораму крутизны, так как фаэтон почти вплотную прижимался к обрыву. На дороге периодически встречались следы обвалов и оползней. Спустившись к подножию горного хребта, дорога выпрямилась и лошадь пошла ровнее, так как кучер перестал сдерживать ее вожжами. Интересно, что на фаэтоне было ручное приспособление в виде тормоза, которое Федор периодически использовал на крутых спусках, подкручивая ручку тормоза левой рукой. Через какое-то время по дороге стали попадаться не только телеги, но и фаэтоны с дамами и военными. А ближе к середине дороги до Симферополя я увидел

военные грузовые машины, легковые и тяжелые армейские фуры, перевозившие раненых и военные грузы.

Дорога была утомительной и сложной: то резко поднималась вверх, то, падая вниз, петляла либо влево, либо вправо. Наконец мы спустились в Алушту. Вдоль дороги стояли ряды трактиров и чайных. В воздухе плавал запах жареной баранины, шашлыков, чебуреков и другой снеди, которая готовилась тут же щедро, сдабриваясь различного рода приправами.

– Надо бы, барин, передохнуть, – прервал мое созерцание Федор, обернувшись ко мне запыленным лицом. – Лошадь устала, ее напоить надобно.

– Надо, так надо. Ты займись лошадыю, а я пойду в чайхану. Когда ее напоишь, заходи туда же, бери что хочешь. Я угощаю.

– Благодарствую, – ответил Федор, хмыкнув в свою бороду.

Я легко соскочил с фаэтона, разминая отеكшие ноги, а он направился с лошадыю к куче телег, пролеток и фаэтонов, которые сгрудились вокруг искусственного корыта с питьевой водой для лошадей.

В чайхане меня окружил шум и стойкий запах острой пищи. Привыкнув к полумраку, я обвел глазами зал и увидел свободный столик возле небольшого окошка, прятавшегося за углом. Пройдя через зал мимо посетителей, я сел за этот столик. Тотчас возле меня вырос молодой татарин с полотен-

цем на плече и с поклоном спросил, что я буду заказывать.

– Шурпу, баранью голень и чай, – сказал я. – Да, братец, тут зайдет мой кучер, такой с бородой, будь добр, обслужи его, а счет выставишь мне.

– Будет исполнено, барин, – ответил он и в мгновение ока испарился.

Я пристроил свою шинель на рядом стоящий стул и занялся изучением посетителей. В дальнем углу от меня сидела группа крестьян, гонявшая чай за самоваром. Чуть наискось от них сидела группа интендантов, очевидно, сопровождавшая какой-то военный груз. По их лицам было видно, что они пили не только чай, но и более «горячие» напитки. Ближе к центру зала расположились два прапорщика, по всей видимости направляющиеся на службу после училища. Это было понятно по их новеньким мундирам и поведению. Дальше к выходу сидела группа из трех человек, по одежде и манере поведения они походили на купцов, поставлявших продовольствие воинским частям. Вскоре мой взгляд наткнулся на стойку, за которой стоял старый татарин, скорее всего, хозяин заведения и следил за порядком в зале. Именно в это мгновение он внимательно смотрел на меня, очевидно, изучая, так как всех остальных он наверное уже знал. Поймав мой взгляд, он сразу преобразился: лицо расплылось в улыбке, и он приветливо поклонился, однако его глаза оставались достаточно холодными.

Осмотрев видимое мне пространство, я перевел взгляд на

дальний столик, стоявший вправо от входа, но из-за освещения (свет от окна падал прямо мне в лицо) и от того, что он находился как бы в тени, я плохо рассмотрел сидящих там людей, тем более, что они сидели как бы спиной ко мне. Но по силуэтам их фигур я предположил, что я где-то уже их встречал. Во-всяком случае, кого-то из них.

В этот момент половой принес мне вкусно дымящуюся шурпу в глиняной миске, хлеб и деревянную ложку. Положив все это передо мною, он поклонился и снова исчез. Отломив от огромного ломтя хлеба кусочек, я предался чревоугодию, поглощая обжигающую шурпу. В этот момент открылась дверь и в чайхану с шумом вошел Федор. Половой тотчас подскочил к нему и повел усаживать за столик, из-за которого уже поднималась чаевавшая ранее группа крестьян. Усевшись, Федор снял шапку, перекрестился и стал делать заказ. В этот момент крестьяне, открыв дверь, стали выходить на улицу. Переместившееся солнце осветило из приоткрытой двери столик в затемненном углу, который снова попал в поле моего зрения. Один из посетителей автоматически повернулся лицом в сторону яркого света, и я узнал его. Это был мой старый «знакомый», одноглазый бандит, встреченный мною в Царском Селе, а рядом с ним за столом сидели, скорее всего, его подельники.

«Что он здесь делает? Не меня ли выжидает на этой горной дороге? Это уже в третий раз он попадает на моем пути. Неспроста это, ох неспроста. Информации обо мне ми-

нимум, значит работает совершенно другое информационное поле, на более высоком уровне контакта. И наверняка это связано с янтарной комнатой!»

Эти мысли промелькнули у меня мгновенно, и я автоматически спрятался за полуизгиб стены возле столика. Во мне сработали навыки, полученные при обучении относительно расположения себя в новой среде, светоощущению и светоосвещению и снятию первых визуальных слепков с лица сидевших здесь посетителей.

Необходимо было найти выход из сложившейся ситуации. Не то, чтобы я боялся, но затевать здесь конфликт и привлекать к себе лишнее внимание мне не хотелось. Продолжая наблюдать, я дождался момента, когда ко мне снова подошел половой, и попросил его пригласить ко мне Федора. Закончив свою трапезу, тот степенно перекрестился и подошел ко мне.

– Чего изволите, барин?

– Друг мой, ни о чем не спрашивай, а ответь мне на вопрос: сколько тебе надо времени, чтобы подогнуть коляску ко входу?

– Ну, дак минут пятнадцать, двадцать, пока я ...

– Все ясно, – прервал я его, – давай договоримся так: через двадцать минут я выхожу, сажусь в коляску, и мы галопом летим отсюда. Тебе все понятно?

Федор внимательно посмотрел на меня, но лишних вопросов задавать не стал, сказала выучка.

– Да, я сей момент, – и он, нахлобучив шапку на голову, быстро пошел к выходу.

Расплатившись и выждав оговоренное время, я тоже двинулся к выходу, надев шинель и подняв воротник так, чтобы он закрывал часть лица. Столик моих «старых знакомых» я миновал благополучно, но когда подошел к входной двери, она неожиданно открылась и яркий солнечный свет ворвался в чайхану, что вызвало соответствующую реакцию посетителей. Все обернулись к вновь входящим, и я, пропуская их, вынужден был развернуться. Этого оказалось достаточно, чтобы меня узнали. Сначала на лице одноглазого возникло удивление, затем по мере узнавания его глаз стал наливаться кровью и ненавистью. Не дожидаясь его дальнейшей реакции, я выскочил во двор. К счастью Федор, был наготове, и я еще не успел сесть в коляску, как он, гикнув, хлопнул кнутом, и лошади галопом с места рванули вперед, чуть не опрокинув встречный тарантас. Меня кинуло на сиденье и, обернувшись, я увидел, как вся компания моих «старинных приятелей» буквально вылетела из чайханы и заметалась по двору, что-то крича мне вслед.

Выскочив на основную дорогу, мы сбавили скорость. Дорога шла под уклон, и поэтому Федору приходилось сдерживать лошадей, особенно на крутых поворотах, когда не видно, кто может вынырнуть тебе навстречу. Преодолевая очередной поворот, мы вдруг слышали наверху какой-то грохот. Инстинктивно подняв головы, мы замерли от удивле-

ния. На нас, подпрыгивая и разваливаясь, неслась старая арба, пущенная кем-то сверху и нацеленная на самое опасное место, которое мы должны были проезжать. Федор, мгновенно среагировав, мощным рывком натянул вожжи, и лошадь, заржав от боли и несущегося грохота, встала на дыбы. Арба, подпрыгнув и ударившись об защитную каменную стенку, развалилась на куски и с грохотом мимо нас умчалась в пропасть. За ней пронеслось несколько камней, которые врезались в защитную стенку и остались за ней. К счастью, дорога не пострадала, и Федор как можно быстрее постарался проскочить это место. Дальше мы ехали молча, переживая это происшествие и думая каждый о своем.

Крымская столица

Приближение к Симферополю ознаменовалось более оживленным движением автомобилей. Солнце уже поднялось во весь свой громадный рост и стало припекать более интенсивно. Поблуждав по проулкам, едва разминаясь со встречным транспортом, мы наконец выехали на привокзальную площадь. Здесь наблюдалось усиленное движение в связи с военными действиями, стершими грань между пассажирским и товарным вокзалом. Все шло так, как получалось, поэтому все смешалось: и отдыхающие, и солдаты, и грузы, которые на гужевом и автомобильном транспорте доставлялись с привокзальной площади по назначению. Оставив на

стоянке Федора с экипажем и разрешив ему погулять немного, я направился в комендатуру, чтобы выяснить положение дел с составом, в котором должен был приехать мой груз. По мере моего приближения к зданию вокзала навстречу мне стали попадаться иностранные офицеры, которые служили всякими советниками при военных миссиях союзников, а проще говоря, были наблюдателями за теми событиями, которые происходили в стране, и регулярно докладывали об этом по инстанции.

Сейчас они почему-то стали мигрировать в Крым, подумал я. На солнышко, к теплу потянуло их, нет, чтобы сидеть на фронте и помогать, чем можно, а то как же, устали, надо отдохнуть. Вон идет, оживленно жестикулируя, группа французов, а чуть в стороне – чопорный англичанин движется размеренной походкой так, словно проглотил палку. И все в предвкушении хорошего отдыха. Проходя мимо дру друга, мы обменялись приветствиями, и я вошел в здание комендатуры. После вокзального муравейника и приглушенного шума на меня обрушился сплошной гам. Стрекотали во всю телеграфы, передающие под диктовку всякую информацию и принимающие ее; звенели и брякали полевые телефоны, по которым от барышень телефонисток кто-то что-то требовал: кто-то не понимал, а кто-то честно признавался, что он не слышит. Вбегали и выбегали посыльные и вестовые, принося всякие приказы и распоряжения; и плюс ко всему, дым стоял столбом, поднимаясь клубами к расписному по-

толку и там оставался, придавая росписи совершенно новое качество. Найти нужного мне человека было довольно сложно, так как на посетителей никто не обращал внимания. Но мне надо было это сделать во что бы то ни стало. И я, став в сторонке, начал изучать обстановку, стараясь по едва заметным признакам выявить, кто здесь командует. Наконец я увидел за одним столом подполковника с большой окладистой бородой, который курил трубку и периодически подписывал бумаги, подаваемые ему на рассмотрение различными офицерами. Пробравшись к нему, я отрекомендовался представителем Красного Креста и изложил свою просьбу. Внимательно посмотрев на меня и на мои бумаги, он попросил сидевшего за соседним столом поручика железнодорожного ведомства посмотреть, есть ли какие сведения о запрашиваемом мною подвижном составе. Тот, покопавшись в ворохе телеграфных лент, лежащих в беспорядке на столе, нашел нужную и сообщил, что мой литерный поезд прибудет завтра в 8 утра в Симферополь. Поблагодарив офицеров за справку, я вышел из комендатуры.

Теперь мне необходимо было организовать встречу моего груза и транспортировку его в Алупку. Рассчитывать на помощь управляющего имением не приходилось, у него не было достаточного количества транспортных средств, пригодных преодолеть такое длительное расстояние. Нужно искать что-то здесь. Поразмыслив, я решил направиться в ближайший госпиталь, так как мне все равно предстояло раз-

грузить раненых солдат из вагона, прежде чем достать груз. Благо, далеко ехать не пришлось. Как раз прибыл состав с ранеными, и они на подводах потихоньку доставлялись на соседнюю улицу, где в доме купца Рагилова был организован госпиталь. Найдя его, я справился у санитаря, где находится патронесса, и поднялся на второй этаж по широкой белокаменной лестнице мимо сновавших взад и вперед медиков и раненых. Симпатичные сестры милосердия, пролетая мимо, строили мне глазки, а некоторые просто подмигивали, приглашая к знакомству. Конечно, можно было бы и познакомиться, тем более, что очень уж миловидные были эти прелестницы в белых косынках и широких платьях с красным крестом на груди, но, увы, поджимало время. Постучав в кабинет и услышав разрешение войти, я переступил порог и оказался в светлой, залитой солнцем комнате, в которой за письменным столом сидела знакомая мне графиня Флитчер-Гаевская собственной персоной. Одетая в костюм сестры милосердия, она курила в длинном мундштуке папиросу, одновременно вычитывая стоящую рядом санитарку.

Увидев меня, она удивленно подняла свои длинные ресницы к потолку, взмахом руки отпустила санитарку и, положив папиросу в пепельницу, медленно и томно выплыла из-за стола мне навстречу.

– Вольдемар, дорогой, какими судьбами? – заворковала она, протягивая мне руку для поцелуя.

– Засвидетельствовать вам свое почтение, мадам, со всем

уважением к вашему гражданскому подвигу, – польстил я ей, целуя руку.

– Да полноте вам, – томно проговорила она, – все мы по мере сил своих и возможностей делаем для страны все, что можем, поэтому я решила организовать госпиталь для наших солдатиков, арендовала дом, в котором принимаем и лечим раненых.

– Вот я как раз к вам по этому поводу, – вступил в разговор я. – Не будете ли вы так любезны разместить у себя десятка два раненых, которые прибывают утренним поездом из Петрограда?

– Сложный вопрос, Вольдемар, все переполнено, но для вас что-нибудь придумаем, в крайнем случае пока разместим их на полу и в моем кабинете, а потом переселим. Вы что, теперь тоже занимаетесь этим?

– Да, мадам, и этим тоже. Сейчас вся страна занимается этим. Да еще, мадам, не будете ли вы так любезны, завтра, после того, как мы перевезем раненых, выделить мне семь подвод для перевозки лекарства в имение князя Воронцова, мы там планируем тоже открыть госпиталь.

– Ну вы все такой же, вам одного одолжения мало, пользуетесь слабостью беззащитной женщины, которая не может вам отказать, хотя наверное стоило бы, – и она шутливо махнула рукой в мою сторону.

И пока мы продолжали наш светский разговор, у меня созрела мысль, почему бы не переночевать в Симферопо-

ле, тем более, что завтра следует организовать прием груза и все равно необходимо будет ехать сюда снова. А так я пристрою где-то переночевать Федора, а сам хоть отдохну немного, пригласив мою старую знакомую в ресторан.

Слушая краем уха графиню, перечислявшую наших общих знакомых, которые сейчас находились в Крыму, я выбрал момент и вклинился в разговор:

– Мадам, еще две нижайшие просьбы. Первая – это пристроить на ночлег моего кучера, так как я не намерен возвращаться сегодня в Алупку, а вторая ваше сиятельство – не откажите отужинать сегодня с влюбленным поручиком!

У нее перехватило дыхание, такого предложения она не ожидала, хотя давно строила мне глазки. И тут вдруг «нате вам».

– Нахал, – сказала она благосклонно, – надеюсь, больше вы никого не пригласили?

– Что вы, что вы, только мы вдвоем, и море шампанского, и танцы до упаду.

И ни сколько не жеманясь, она согласилась. Таким образом, я обеспечил себе приятный вечер и, возможно, ночлег. Договорившись с ней о встрече, я вышел из госпиталя, нашел Федора и поехал с ним в ресторан, по пути рассказав, где ему придется провести сегодняшнюю ночь.

Был уже третий час дня. В ресторане медленно играла музыка, и в такт ей двигались челюсти обедающих, которые заполнили все залы. Найдя администратора, я заказал столик

и определился с меню. Теперь можно было на всякий случай подыскать и себе ночлег. Выйдя из ресторана, я кликнул Федора и мы поехали в ночлежные дома, чтобы подыскать мне место отдыха. На удивление, все получилось замечательно. Только мы подъехали к дому, как оказалось, что освободилась одна из комнат, которую занимала семья полковника, и я быстро арендовал ее на ночь. Отпустив Федора на обед и дав ему пять целковых, я решил, не теряя времени, привести себя в порядок и немного отдохнуть перед рестораном. Позвав горничную, я велел ей принести бритвенный прибор с горячей водой и почистить мою военную одежду, так как весь мой багаж остался во дворце в Алушке. Побрившись и приняв ванную, я упал на двухспальную кровать и утонул в перине. У меня в запасе до ресторана было еще целых два часа свободного времени. Закрыв глаза, я решил применить его с пользой для здоровья, потому что было неизвестно, как сложится у меня ночь.

Разбудил меня деликатный стук в дверь. Это горничная принесла мне мое платье и начищенные до зеркального блеска сапоги. Одевшись и причесавшись перед зеркалом, я надел фуражку и вышел на улицу, где уже с экипажем ждал меня Федор. Вечерело, и на фоне багрового заката все казалось выкрашено в розоватый цвет. У меня как раз оставалось время, чтобы заехать за графиней и отправиться с ней в ресторан. Учитывая, что женщинам присуще свойство не соблюдать оговоренное ранее время и вообще поступать по своему

разумению, мы медленно отправились к дому графини.

Подъехав к белому сложенному из песчаника двухэтажному зданию, я выскочил из коляски и позвонил в колокольчик, прикрепленный над дверной ручкой. Дверь открыл привратник, который, узнав кто я, немедленно провел меня в залу и усадил в кресло, заявив при этом, что «Их сиятельство сейчас будут». Это «сейчас» длилось минут сорок. За это время я успел выпить две рюмки аперитива и рассмотреть все картины и гравюры, которые висели на стенах. Коллекция была очень неплохой.

Наконец послышался стук каблучков, и из соседней комнаты гордо выплыла графиня. Она была в светло-сером вечернем платье с декольте, которое подчеркивало ее изумительную грудь. Особый колорит придавали ей бриллиантовое ожерелье и сережки, которые кокетливо поблескивали в ушах. Намеренно небрежно собранные волосы ниспадали сзади на ее точеную шею змеиными кольцами, и, когда она их кокетливо поправляла, на левой руке поблескивал необычайно тонкой работы гранатовый браслет. Коралловые губы светились в улыбке, а широко распахнутые глаза, казалось, манили к себе и как бы вопрошали о произведенном впечатлении. Все в ней было к месту, ничего лишнего и все со вкусом. Оставшись довольной впечатлением, которое она на меня произвела своим видом, она протянула мне руку и, извинившись за задержку, пошла к выходу, по пути надевая меховое манто, поданное ей горничной.

– Как отдохнули, Вольдемар, хватит ли у вас сил провести вечер с дамой?

– С такой дамой я готов проводить время не только вечером, но и утром, – в шутливом тоне ответил я.

– Приятно слышать, – ответила она, подавая мне руку и садясь в фаэтон.

Усадив ее и приподняв верх фаэтона, чтобы не задувал ветер, я уселся рядом, и мы отправились в ресторан.

Вечерние улицы были заполнены народом. Гуляли отдыхающие, выздоравливающие солдаты во всю флиртовали с молодыми девушками и сестрами милосердия, даже гимназисты ходили парочками, воркуя о чем-то своем.

Перед входом в ресторан собралась куча экипажей и авто, которые по мере высадки пассажиров отъезжали в сторону и пристраивались на близлежащих улицах. Подождав своей очереди, мы вышли из фаэтона и вошли в ресторан. Здесь уже вовсю гудело веселье. Пока мы проходили к своему столику, пришлось раз десять раскланяться со своими старыми знакомыми, которые по различным причинам оказались здесь. Усевшись за стол, мы заказали крымского терпкого красного вина, которое не только хорошо согревает, но и дает возможность дать волю буйной фантазии, сохраняя при этом определенную степень рассудка. Недаром древние греки, да и врачи при различных болезнях, в том числе и любовных, рекомендуют красное, наполненное силою солнца вино. Затем подали закуски и приготовленного во француз-

ском соусе фазана. Пока меняли блюда на столе, мы с графиней успели раз пять потанцевать, расцеловаться с кучей знакомых, получить море приглашений и обсудить ту ситуацию, которая складывалась в Крыму в связи с присутствием здесь военных миссий и войск союзников. Когда мы приступили к десерту из мороженого и нежных крымских фруктов, было далеко за полночь. Графиня источала самую доброжелательность. Несмотря на наш активный отдых, она выглядела очень свежей и лукаво поглядывала на меня, словно пробуя на зубок: «а чего ты стоишь?». Эта игра была понятна мне, и я уже принял соответствующее решение.

Вместе с очередной партией посетителей ресторана мы вышли на улицу. Было холодновато и графиня куталась и прятала свой носик в меховое манто. Разыскав Федора, я усадил ее в экипаж и приобнял за плечи, словно защищая от холода. В ответ она молча положила голову мне на плечо, и мы размеренным шагом поехали домой. Возле дома я высадил графиню, снял фуражку и приложился в знак прощания к ее руке. Она погладила меня по голове, затем, приподнявшись на одну ступеньку, обернулась и произнесла вопросительно глядя мне в глаза:

– Не хотите ли чаю?

Я молча кивнул головой и, поняв друг друга, мы без слов зашли в дом. Навстречу нам выскочила заспанная служанка, взмахом руки она отослала ее и, кивнув на кресла, предложила расположиться в них. Я присел и положил фуражку на

журнальный столик, стоящий рядом, а она летящей походкой исчезла за дверь.

Минут через пятнадцать широко распахнулась дверь, и что-то неземное в розовом пенюаре поставило поднос с чаем передо мною, наклонившись так, что моя голова пошла кругом.

– Чай подано, – произнесла она и сделала книксен, хитро поглядывая на меня.

Не в силах сдержать уже свои эмоции, я заключил ее в объятия и, подняв на руки, стал кружить по комнате, пытаюсь понять, в какую дверь надо войти.

– Туда, – сказала она шепотом, обхватив меня руками, и мы ворвались в спальню и без боя взяли на бордаж широкую двухспальную кровать, которая мягко приняла нас в свои объятия. Дальше между нами пошла борьба за свободный доступ к телу друг друга. Моя одежда и портупья, ее пенюар и остальные части туалета стали жертвами этой борьбы, очутившись на полу. Страсти были накалены до предела, и наконец мы достигли друг друга, отдавшись им в полной мере. Она то улетала в поднебесье, прихватывая меня с собою, то кувыркалась где-то внизу, издавая сладостные стоны, то безвольно падала на спину, замирая от охватившего ее наслаждения. Сколько это продолжалось, неизвестно, но за окном стало уже светать. Наконец, оторвавшись друг от друга, мы без сил упали на спину. Графиня стала гладить меня своей рукой, целуя в плечо. Это оказало на меня тера-

певтическое воздействие, и от ее ласки я мгновенно уснул. Проснулся я в седьмом часу утра. Графиня мирно посапывала в постели, разбросав свои роскошные волосы на подушке. Быстро одевшись, я поцеловал ее в прелестное плечико и, отказавшись от завтрака, поспешил на вокзал.

Встреча багажа

На вокзале несмотря на утреннее время, было все так же шумно и людно. Зайдя в комендатуру, я выяснил, что поезд задерживается на три часа и прибудет в Симферополь часов в одиннадцать. У меня было достаточно времени, чтобы подготовить встречу. Найдя Федора на стоянке, я послал его за подводами в госпиталь, а сам решил позавтракать в привокзальном трактире. Выпив чаю с кренделями, я отправился встречать поезд.

На перроне уже толпился народ, представители различных госпиталей, встречающие раненых, интенданты, солдаты различных служб, пассажиры берущие штурмом отходящие поезда. Наконец послышался гудок паровоза, и к перрону в клубах дыма подкатил поезд, который я ожидал. Определив нужный мне санитарный вагон, я подошел к нему. Дверь открылась, и на перрон выпрыгнули мои подчиненные. Поздоровавшись, я спросил у них, как прошла дорога.

– Все нормально, ваше благородие, только пришлось немножко пострелять.

– Как пострелять? – удивился я.

– Да вчера ночью, когда на одном из полустанков мы доливали воду в паровоз, на поезд напала какая-то банда. Хорошо, что у них не было пулеметов, а то покрошили бы нас. Ну и мы не лыком шиты, у нас двое раненых, а их мы положили человек пять. Встретив наше сопротивление, они сразу же смылись. Видно, думали взять нас нахрапом, да не получилось.

«Опять, – подумал я, – не слишком ли много совпадений? Где груз, там и проблемы, не может быть, чтобы на воинский эшелон напала простая банда. Надо форсировать события».

Как раз в это время подошел Федор и представитель госпиталя. Начали разгружать раненых. Когда подводы вернулись, ребята вместе с кучерами погрузили на них ящики, и мы колонной направились в Алупку. Я ехал замыкающим, чтобы в случае чего обеспечить страховку. Выехав из Симферополя, мы оказались на основной дороге и тонкой змейкой начали подниматься вверх. Дорога заняла часов восемь и прошла на удивление спокойно. К вечеру мы достигли имени графа Воронцова. Разгрузив в подвал ящики и дав извозчикам на чай, я определил на ночлег моих подчиненных и стал готовиться к сеансу связи в ментальном пространстве с английским крейсером, стоящим недалеко на рейде.

Необходимо было дождаться двенадцати часов. Это было самое хорошее время для связи, когда все дневные дела и волнения закончены, а ночные только готовятся начать

свой бег. Этот период занимает довольно короткое время, примерно минут двадцать. Сила мысли, не встречая препятствия на своем пути в чистом морском воздухе, мгновенно находит свою цель и устанавливает контакт. Попросив у управляющего ключи от самой высокой угловой башни дворца, я поднялся наверх и повернулся в сторону крейсера. Часы показывали без пяти минут двенадцать. Подождав, пока стрелки часов не совместились на нужной мне цифре, я сконцентрировавшись, послал свой запрос на контакт. Буквально через несколько секунд голова у меня налилась тяжестью и появилось ощущение, что кто-то чужой хочет войти в мое сознание. Это означало, что оператор на месте и готов к диалогу. Обменявшись паролем, я приоткрыл свое сознание, и мы начали наш разговор на телепатическом уровне. Информация, которую получил я, ничего нового не принесла. Все оставалось по-старому, король Георг, несмотря на принятое решение и давление своего правительства по поводу царской семьи, готов во всем оказать содействие и принять на хранение багаж императора. Крейсер будет стоять на рейде еще около недели а может и больше, если ситуация не изменится. Они готовы принять на борт наш груз в любое удобное для нас время и готовы во всем оказать содействие. Я сообщил, что мы постараемся решить наши оставшиеся проблемы в течение этого времени и попросил подготовить на завтра на это же время эвакуацию груза на корабль, посчитав, что там он будет в большей сохранности, под охра-

ной личного представителя английского короля. Получив согласие, я поблагодарил собеседника за информацию, закончил сеанс и спустился вниз, закрыв башню на ключ. Придя в свою комнату, я быстро разделся и упал на кровать, забывшись тревожным сном.

Утром, встав пораньше, я провел инструктаж своей «гвардии» и разделил между ними дежурство за грузом, приказав ненавязчиво присматривать за ним. Позавтракав вместе с графиней и поболтав о вечном, я спустился в свою комнату и решил продумать маршрут до Юзовки.

Как ни крути, а путь был один – железной дорогой. А путешествие железной дорогой, как показала практика сегодня, достаточно опасно. Слишком много развелось банд из дезертиров, да и просто любителей поживиться чем-нибудь за чужой счет. Связавшись по телефону с комендатурой, я сквозь писк и шум на линии все-таки выяснил, что завтра в десять утра из Симферополя отправляется состав на Юзовку. Кроме грузовых вагонов будут и два пассажирских. Оказывается, железной дороге срочно понадобился уголь для паровозов, запасы которого подходили к концу.

Договорившись о предоставлении мне пяти мест в одном из вагонов этого состава, я пошел к управляющему, чтобы обсудить с ним вопросы предстоящей транспортировки груза. Мы с ним договорились, что складирование и его, и моих ящиков на пирс начнем после обеда, чтобы успеть все подготовить часам к десяти. Раньше не стоило, а позже тем более,

потому что вид горы ящиков в непредназначенном для этого месте вызовет кучу вопросов у любопытных, которые были и есть во все времена. Кроме того, я договорился с управляющим о том, что завтра в шесть утра он выделит мне транспорт до Симферополя, чтобы успеть на поезд до Юзовки.

Извинившись перед графиней, я попросил доставить обед мне в комнату. Хотелось побыть в одиночестве и хоть немного отдохнуть от обязательных светских разговоров. Тем более, что сегодня они сводились к одному очень сложному вопросу: что завтра с нами будет? А на него ответить я никак не мог. Это было не в моей компетенции. Пообедав, я повалялся часа два на койке, а затем, проверив оружие, пошел к управляющему, чтобы начать погрузку.

Проблема заключалась в том, что на пирс нельзя было подъехать на телеге. Поэтому приходилось по крутому склону тащить вниз по одному ящику. Задействованы были мои люди и некоторые наиболее верные слуги управляющего. Часам к десяти мы закончили складирование груза. Отпустив людей отдохнуть, мы с управляющим спустились в подземелье и прибавили к общему грузу моих четыре ящика.

Поставив охранять груз своих людей я снова поднялся на башню и послал на английский крейсер ментограмму о готовности. В ответ мне сообщили, что высылают шлюпы для перевозки ящиков, как было оговорено ранее. Спустившись на пирс, я приказал команде приготовиться к встрече, проверить оружие и быть начеку, а сам стал пристально вглядываться

ваться в морскую даль.

Через минут сорок на горизонте вырисовались два больших шлюпа, которые на веслах тихо шли к нам. Подпустив их поближе и спросив у сопровождающего английского офицера пароль, я разрешил им причалить. Все это время мои люди держали их на прицеле, чтобы в случае какой-либо провокации сразу открыть огонь. Но все обошлось, офицер оказался представителем короля Англии и тем человеком, с которым мы обменивались ментограммами. Мы по едва уловимым деталям сразу узнали друг друга и прониклись взаимной симпатией.

Шлюпы были достаточно вместительными, и мы сразу при помощи английских матросов загрузили весь груз. Приказав моим людям готовиться на завтра к отъезду, я сел в один из шлюпов и мы быстро отплыли по направлению к английскому крейсеру. Примерно на полпути, в районе Севастопольской бухты, стали взлетать ракеты и раздались гулкие взрывы. Все повернули головы в эту сторону, стараясь понять, что происходит. Как потом выяснилось это пыталась прорваться в бухту немецкая подводная лодка, но была обнаружена и отогнана сторожевыми кораблями.

Через полчаса после этого события мы достигли борта крейсера. На грузовой лебедке наш груз был поднят наверх, а затем складирован в одном из корабельных трюмов, который был в моем присутствии опечатан. Я расписался в описи имущества, один экземпляр которого остался у англий-

ского офицера, а второй я забрал с собой. Согласовав наши дальнейшие действия и тепло попрощавшись, я сел в поданный для меня мотобот и через полчаса уже выгрузился на дворцовом пирсе, где меня уже ждал управляющий. Теперь мне следовало готовиться к следующему этапу моего плана, а именно поездке в Юзовку.

Рано утром, собрав свою команду, я провел инструктаж. Определились ехать в том же качестве: в качестве команды солдат под руководством офицера. Цель поездки – организация доставки угля для Черноморского флота. Из оружия взяли карабины и револьверы. Все мои люди были одеты в солдатскую одежду и имели соответствующие документы. Пока мы определяли порядок следования и манеру поведения, раздался стук в дверь – это пришел управляющий и пригласил всех на завтрак. Команда в полном составе пошла кушать на кухню, а мы с управляющим перешли в зал, где уже был накрыт стол.

– Вас надо хвалить до бесконечности, – сказал я, усаживаясь за стол и пристраивая салфетку за отворот мундира, – все у вас четко и быстро, графине повезло с управляющим.

– Да что вы, милостивый государь, – скромно отмахнулся он, – просто опыт, да и люди понимают меня, никогда ничего лишнего не требую, а если надо, то и помогу, чем смогу. Вот на этом и стоим.

– Да, это великое дело найти взаимопонимание с подчиненными. Именно создание такой атмосферы понимания и

является высшим уровнем взаимодействия.

– Да, вполне может быть, но у меня это получается само собой.

– Очевидно, в этом и заключается ваш талант, – продолжил я, отдавая дань яичнице с беконом и запивая это великолепным кофе со сливками.

– Я там приказал приготовить вам немного припасов в дорогу: пироги с капустой и картошкой, курицу, жареного гуся, хлеб и так далее. Так что не обессудьте.

– Полноте, сударь, наоборот я очень признателен вам за заботу. Признаться, я об этом совсем забыл, а тут так все чудесным образом разрешилось.

– Вас снова повезет Федор. Он уже в курсе дела, прошел с вами испытание, да я и доверяю ему больше всех. Как долго вы намерены отсутствовать?

– Право, сложный вопрос, но постараюсь уложиться в течение недели, это, как вы знаете, связано и с нестабильной обстановкой и с англичанами, у которых тоже есть свои планы. Вдруг что изменится, то я поставлю вас в известность по телеграфу. Тогда действуйте согласно обстановке. Самое главное, что груз уже в трюме корабля, и я надеюсь, даже если что случится у нас, он будет доставлен по назначению в любом случае. Англичане умеют держать слово.

– Ну что ж, более, менее ясно, – сказал управляющий, и мы вместе отдали дань гастрономическому искусству поваров.

Закончив завтракать, мы вышли на улицу, где в приподнятом настроении, с полными вещмешками продуктов ждали покурявая мои люди. Рядом стояла молодая служанка с плетеной корзинкой, из которой выглядывали горлышки бутылок.

– Да, – сказал управляющий, – чуть не забыл, это вам на дорожку из наших винных подвалов, вино, коньяк и несколько бутылок нашей специальной водки. Очень рекомендую.

Я сначала хотел воспротивиться этому подарку, но увидев умоляющие глаза ребят, махнул им рукой, и бутылки в мгновение ока исчезли в солдатских вещмешках. Служанка еще раз кокетливо улыбнулась ребятам и, повернувшись, пошла по своим делам. В это время послышалось всхрапывание лошади – это Федор подкатил на своем фаэтоне и ждал нас за воротами. Я подал команду и, тепло попрощавшись с управляющим, мы расселись в фаэтоне и в предраассветном утреннем тумане тронулись в путь.

Фаэтон мягко покачивался на рессорах, солнышко потихоньку начало пригревать сверху, и с накинутой на тело шинелью я потихоньку уснул. Проснулся от случайного подскока колеса перед Симферополем. Ребята в отличие от меня не спали, чувствовали себя бодро и все время вертели головами, рассматривая и комментируя открывшуюся перед ними красоту.

А утро действительно было великолепным. Чистый воздух действовал опьяняюще, солнышко поблескивало из-за

горных вершин, которые нависали над дорогой, а море иногда в разрывах между ними ласково манило к себе своей голубой водною гладью. Казалось, живи и наслаждайся. Есть вот эта вечная красота, а все остальное суэта-сует, которая не стоит и выеденного яйца. Но человеку этого мало. Он эту всю красоту отодвигает на потом и занимается всякими мелкими, а иногда очень опасными делишками, тратя неизвестно на что свои силы и энергию. А потом говорит, что хотелось как лучше, а получилось как всегда. Очевидно, мы так устроены и ничего с этим не поделаешь. Единственное отрадно, что чем дальше, тем увереннее эта вечность постепенно входит в нас и забирает нас с собой, уже измененными и настроенными на ее восприятие в полной мере. У кого-то это происходит сразу, у кого-то к концу жизни. Но самое главное, что оно происходит.

Юзовские приключения

Быстро проскочив полупустынный город, мы подъехали к вокзалу. Здесь жизнь не прекращалась а продолжала набирать обороты, основой которой служили прибывающие и отходящие поезда. Распрощавшись с Федором и дав ему крупную ассигнацию на чай, мы, забрав вещи, двинулись в сторону комендатуры. Оставив ребят на улице, я зашел к знакомому теперь начальнику и выяснил, что состав на Юзовку сформирован и минут через двадцать начнется посадка.

Он выправил мне необходимые проездные документы и пожелал счастливого пути. Забрав бумаги, я вышел на улицу, позвал ребят и мы пошли на перрон. Здесь уже толпился народ, ожидавший прибытия поезда. Дамы с детьми и служанками, военные, интеллигенция разного пошиба, фронтовики и инженеры. Кто с отдыха, кто так же, как мы по делам своего ведомства, готовы были отправиться в путь. Наконец раздался свисток и к перрону подкатил состав, состоящий из товарных вагонов и четырех пассажирских, которые располагались в середине поезда, чтобы слишком не болтало и чтобы черный дым от трубы паровоза не сильно залетал в вагоны.

Народ зашевелился и засуетился, хватая огромные чемоданы, баулы, корзинки. Раздались призывные родительские крики, лай собачек, напуганных пыхтением паровоза. И вся эта масса двинулась к вагонам. В отличие от Петрограда здесь царил относительный порядок. Бравые кондукторы, плотной стеной ставшие у вагонов, четко и без промедления проверяли документы и сортировали пассажиров в вагоны. Пытавшихся прорваться без билета отсеивали в сторону, и они стояли возле вагонов, то ругаясь, то слезно моля строгих проводников. Однако те были неумолимы и четко придерживались инструкций. Пропустив гражданских пассажиров вперед, мы в общей толпе подошли к кондуктору, который тщательно проверил наши проездные документы и пропустил нас в третье купе. Дверь в него была открыта, и у окна уже

сидел пассажир, разглядывающий от нечего делать толпу за окном. Поздоровавшись с ним, мы начали рассаживаться на диванах, пристраивая наши вещи на багажные полки. Это был мягкий вагон, и купе было рассчитано на шесть человек. Наконец посадка закончилась, кондуктора вскочили на ступеньки и выставили желтые флажки, сигнализируя о том, что у них все в порядке. Звякнул станционный колокол, и паровоз, громко свистнув и пробуксовав колесами, начал медленно двигаться вперед. Минут через пятнадцать посадочная суета закончилась, на столиках в купе стали появляться корзины со всякой снедью и вагон заполнился запахом яблок, груш, жареной индейки, свежего лука и других припасов. Народ, успокоившись, готовился к утренней трапезе, хотя время приближалось к обеду. На моем брегете было почти одиннадцать часов.

Наш попутчик, молча наблюдавший, как мы обустроиваемся в купе, выбрав момент, когда я сел напротив него, представился – горный инженер Федор Степанович Бунсков, выпускник знаменитой Петроградской горной академии, и протянул руку. Я в свою очередь тоже представился и познакомил его со всей командой. Он церемонно пожал каждому руку, при этом мило улыбаясь. Пока они знакомились, я попытался повнимательнее присмотреться к нему. На вид ему было лет под пятьдесят. Кругленький, крепкого телосложения, с небольшой чеховской бородкой и такими же усами, в пенсне, он производил впечатление доброжелательного че-

ловека. Взгляд открытый, и рука при рукопожатии крепкая, что говорит о характере человека довольно много. Без заискивания, очевидно, привык общаться с рабочими и, вполне вероятно, пользуется у них уважением, это чувствуется по манере общения и его жестам, то есть вполне состоявшийся человек и, очевидно, специалист своего дела.

Учитывая то, что в вагоне начался праздник чревоугодия, ребята вопросительно посмотрели на меня. Поняв их молчаливый вопрос, я вслух сказал, что если они хотят, то пусть начинают завтрак. Они переглянулись и заявили, что подождут до обеда, намекая на засунутые в последний момент винные бутылки. Наш попутчик тоже заявил, что он успел плотно позавтракать в привокзальном ресторане, и поэтому воздержится от приема пищи. Уладив этот вопрос, мы занялись светской беседой. Меня интересовало то место, куда мы направляемся, чтобы определить линию своего дальнейшего поведения.

– А вы в какие пенаты едете, – начал разговор инженер, – может, чем смогу поспособствовать? – Я, сударь мой, служу главным маркшейдером в Юзовской горной конторе. Инспектирую шахты на предмет их правильной эксплуатации. А то понастроили их и купцы, и крестьяне, и помещики, а как правильно эксплуатировать, чтобы не было несчастных случаев, не знают. Вот поэтому государство и организовало такие конторы, чтобы убереечь народ и наиболее ретивых шахтовладельцев приструнить.

– Ну и как, получается? – в свою очередь спросил я.

– Да в принципе да, ну там со всякими издержками, – ответил он.

– И много у вас шахт?

– Крупных рудников с десятков наберется, ну а мелких и не сосчитать, – и он махнул рукою. – Понимаете, это как Клондайк в Америке. Сотни авантюристов приезжают сюда в надежде найти угольную жилу и разбогатеть. Но удается это только единицам. А сейчас уголь особенно востребован в связи с военными действиями и на железной дороге, и на флоте, и в промышленности. Мешает только вот эта непонятная политика.

– Да, ситуация сложная, – поддакнул я. – И мы также по этой части, за углем. А подскажите, что из себя представляет этот поселок и где можно разместиться на ночлег?

– Да поселок, как поселок. Правда, по сравнению с другими городишками и с центром в Бахмуте, этот лучше всех. Все-таки Джон Юз понимал, что специалисты должны жить в хороших условиях, и поэтому сразу после сооружения завода построил и для них поселок, так называемую «Английскую колонию». Это в южной части города, почти рядом с заводом. Кстати, здесь находятся и телеграф, и больница, и банк. Улицы, мощенные каленым булыжником, так что можно ходить, не боясь грязи. Вечером освещение газовое и кое-где электрические фонари, водопровод. Это вот для инженеров и мастеров из Англии. Кстати, и я там проживаю. А в север-

ной части живет основной народ, купечество, ремесленники, чиновничество. Тут тоже есть отделения банков, различные конторы, ресторан. Кстати, и гостиница «Великобритания» находится тут же. Она единственная в городе и там приличные условия. Если не понравится, то здесь же можно снять комнату или дом, служащие гостиницы всегда порекомендуют. Ну а вечером рекомендую вам сходить в ресторан. Там у нас после обеда играет женский оркестр. Такая музыка, такие женщины, – и он мечтательно закрыл глаза.

– Ну а что Юз, до сих пор командует заводом? – спросил я.

– Нет, его уже давненько нет на этом свете. Командует заводом наш брат инженер – управляющий этим акционерным обществом некто Свицын. И знаете, неплохо управляет. Видите ли, наследники в управляющих не прижились, одного даже рабочие на угольной тачке вывезли с территории завода и вывалили в грязь. Достал, видите ли, их своими придирами. Ну вот, акционеры покумекали и пригласили на эту должность нашего брата, инженера, управляющего другим заводом, пообещав ему хорошие дивиденды. И как видите, пришел, наладил производство, поставил своих специалистов – и завод заработал. Даже в это тяжелое время он четко выполняет все обязательства, обеспечивает удовольствием рабочих и держит порядок на производстве. Очень серьезный человек.

Так за беседой пробежало время. Глянув на часы, я понял те тактичные взгляды, которые бросали на меня мои подчи-

ненные, не решаясь прерывать нашу беседу. Был уже четвертый час. Паровоз всюду летел по железнодорожной колее, периодически покрякивая своим гудком. Инженер зевнул, наклонился и, подняв из-под столика свой баул, открыл и начал доставать оттуда свертки приговаривая: «Чем богаты, тем и рады. Пора, пожалуй, перекусить».

Я повернулся и кивнул своим ребятам, тем самым давая команду накрывать на стол. Они радостно засуетились, развязывая свои вещевые мешки и доставая оттуда вкусно пахнущие продукты. В течение пятнадцати минут все было приготовлено и порезано, и в заключение на стол была торжественно водружена банка с солеными огурцами. Увидев такое обилие и слаженные действия моей команды инженер, крикнул от удивления и с вожделием уставился на соленые огурчики.

«Да ты, братец, не только чревоугодник, но, оказывается, непрочь и заложить за воротник. Вот и хорошо, воспользуемся этим: и время хорошо проведем, и послушаем, чего ты нам еще не рассказал такого, что нас может заинтересовать». И я подмигнул ребятам, которые все поняли правильно и моментально достали бутылку водки, пристроив ее рядом с огурцами. Затем полезли в рюкзаки, доставая кружки. У меня с собой таковой не оказалось. Поняв мое замешательство, инженер снова нырнул в баул и выудил оттуда походные серебряные стаканчики, которые раздал каждому из нас, приговаривая : «Такой натюрморт грех и разрушать».

Действительно, на столе в живописном порядке громоздилась всякая съестная всячина, начиная от огурцов и заканчивая жареной перепелкой. И все это пахло необыкновенно вкусно. Все уставились на меня. Поняв их намек, я открыл бутылку и разлил всем поровну. Подняв рюмку, я предложил выпить за приятное знакомство, на что все ответили согласием и мгновенно исполнили пожелание. Затем все подождали, пока я по старшинству не взял кусок хлеба и огурец, и набросились на еду. Минут десять за столом длилось мочание, сопение и хруст соленых огурцов. Все сидели с закрытыми ртами, отдавая дань поварам графа Воронцова. Наконец, оторвавшись от стола, инженер предложил выпить за хорошую и быструю дорогу, что не нашло возражений у благодарных слушателей, и они в момент приговорили бутылку. По моему сигналу на столе появилась вторая бутылка водки. Когда мы подошли к третьей бутылке, за окном было уже темно и убаюкивающий стук колес служил хорошим стимулом к доверительной беседе. Мои ребята, уединившись, говорили о чем-то о своем, а мы с инженером продолжали изучать Юзовку как место моих дальнейших действий по решению поставленной мне задачи.

Выпив очередную рюмку, инженер душевно крикнул, занюхал ее корочкой и продолжил свой доверительный рассказ.

– Я вам скажу, что Юз был еще тот жук. Пока все не изучил досконально ничего большого не делал. Как вам нра-

вится – открыл кузню и почти бесплатно ковал сам крестьянам орудия их труда? Как оказалось, не задаром: он подбирал технологию сочетания местного угля и железной руды, чтобы производить сталь. А потом его супруга отказалась ехать в такую глушь. Так он построил дом, взял в него для ведения хозяйства домоуправительницу, и вскоре у него вдруг появился внебрачный сыночек, Ванечка. Каково, а!? Жена как узнала, так срочно примчалась, домоуправительницу рассчитали, но что это дало? Ванечка-то уже был. Так сегодня существуют две ветви Юзов, одна – английская, другая – юзовская. А каково! Но это еще не все. После отца всю власть на себя взяли сыновья. Так один из них, старшенький, начал похаживать к жене исправника, и когда тот застал их вместе, этот, старшенький, просто выкупил у него жену на время, заплатив несколько тысяч, и пользовался ею по своему усмотрению, а потом вернул за ненадобностью. А, какова семейка? Вот по его фамилии и этот поселок стал называться Юзовкой и, соответственно, железнодорожная станция тоже.

И он деликатно икнув, потянулся за бутылкой, налил себе в стопку и выпил сам напоследок. Проанализировав, как водка, обжигая, проходит через его внутренности, заметил:

– Это английские специалисты научили меня так пить. Куда нашим до них? Не поверите, многие из приехавших сюда спились, и их срочно отправили домой. У них там в основном джин, виски и другая муть, которая стоит очень дорого. А здесь у нас чистейшая, как слеза, родимая, да к тому же

очень качественная и дешевая, я уже не говорю о закуске, — и он, взяв двумя пальцами огурец, ловко отправил его в рот.

— Ну, пора и честь знать. Спасибо за компанию, теперь можно и вздремнуть.

И он начал сворачивать свои пожитки. Я крикнул ребят, и они быстро убрали со стола, вынеся мусор в тамбур. Был двенадцатый час ночи, и все стали устраиваться на ночлег. Вскоре в купе раздался храп, то с переливами, то со вздохом, ароматизирующий воздух парами выпитого алкоголя. Несмотря на неудобства все быстро заснули, а поезд нес нас вперед к неизвестности, пролетая сквозь темноту, навстречу новому дню. Каким будет этот день, зависело не только от нас, но и тех событий, которые в это время происходили в Юзовке.

Поутру, часам к десяти, мы прибыли на железнодорожную станцию. Попрощавшись с инженером и приняв от него визитную карточку, мы вышли на привокзальную площадь, имевшую достаточно внушительные размеры. Справа от здания вокзала находился большой храм, возле которого стояли извозчики. Наняв две пролетки, мы покатали к гостинице. Она была расположена на центральной улице, недалеко от завода и представляла собой двухэтажное здание, выложенное из красного кирпича. Оставив свою команду на улице, я зашел в гостиницу справиться насчет свободных номеров, каковых не оказалось, учитывая наплыв купцов и чиновников по военному ведомству. Предвидя такую ситуацию, я су-

нул портье червонец и стал обладателем резервного номера, расположенного на первом этаже. Учитывая, что еще в поезде я решил держать команду вместе, недалеко от себя, тем более, что нижние чины не живут в гостиницах, я еще получил и несколько адресов, где можно было остановиться на ночлег.

Перенеся из пролетки свои вещи в номер, я вместе с командой поехал по ближайшему адресу, к дому, расположенному на соседней улице, и на удивление, он нам подошел. Во-первых, там было две комнаты, во-вторых, дом имел два входа, парадный и черный, и в-третьих, из него можно было незаметно, через узкий проулок, выйти еще на одну улицу. В нашей ситуации это имело достаточно серьезное значение. Я, осмотрев дом, проинструктировал ребят, выделил им денежные средства и поставил задачу: в мое отсутствие, в команде по два человека, незаметно изучить поселок и его окрестности.

А мне необходимо было подготовиться к встрече с моим английским визави. Но чтобы не возникло всяких разговоров, необходимо было прежде всего встретиться с управляющим этого монстра, Новороссийского общества, и переговорить с ним. По пути в гостиницу я решил зайти в парикмахерскую, благо, она располагалась рядом. Над входом висела вывеска с изображением молодого камильфо на фоне ножниц и расчески с соответствующей надписью. Войдя в невысокое помещение, я увидел расположенные по центру

два кресла, которые пустовали в отсутствие посетителей. Ко мне сразу подскочил пожилой мастер в халате и с полотенцем через плечо.

– Господин офицер желают побриться, постричься?

– Пожалуй, только побриться, – ответил я, проведя ладонью по щетине заросшего подбородка.

– Очень хорошо, прошу сюда, – и он развернул передо мною левое кресло, стоящее возле окна.

Я снял фуражку, повесил ее на деревянную вешалку, стоящую при входе, и с удовольствием присел в мягкое кресло.

– Маня! – прокричал мастер, – быстренько воды, – крикнул он в соседнюю комнату, устраивая меня поудобнее и обматывая накрахмаленной и приятно пахнущей накидкой.

– Господин офицер первый раз у нас? Ой, не отвечайте и так видно. Просто я свою клиентуру знаю всю, а новый человек сразу виден. Как вам наш поселок? Конечно, не Париж, но жить можно. И порядка здесь больше, не то что в Петрограде, где бунтуют от безделья. А если бы работали, то не бунтовали бы. А как тут не работать! Вот у нас ровно в шесть утра первым гудит заводской гудок, а за ним все остальные. Будят смену. Как тут уснешь? Вот все и встают. Поселок ведь не такой большой, так что слышно везде. Ну соответственно народ и топает на работу от мала до велика. Вот и я работаю с десяти лет.

Он, начав говорить, не останавливался и не давал мне возможности вставить слово, намазывая мое лицо мыльной пе-

ной из чашки с горячей водой, которую принесла ему миловидная девушка и кокетливо поставила на стол, бросив милостливый взгляд на меня.

– Да, так вот я работаю с десяти лет у хозяина. Ровно два года я учился, подметал и мыл полы, инструмент. Брал его в руки, примеривался, учился им пользоваться. Через два года хозяин разрешил мне брить бутылку. Да-с, молодой человек, не удивляйтесь, именно брить бутылку. Я брал ее, любимую, повязывал на длинное, узкое горлышко салфетку, намазывал помазком и отработывал бритье опасной бритвой. Все, как на самом деле. Ровно через год мой хозяин в один прекрасный день разрешил мне побрить себя. И только после того, как я прошел это испытание, он допустил меня к клиенту.

И действительно, у него все получалось ловко и очень деликатно. Опасная бритва золлингеровской стали так и мелькала в его руках, забирая с моего лица мыльную пену и оставляя чистые полоски гладко выбритой кожи.

– Так вот я и говорю об этом, – продолжал он свою мысль. – А смотрите, что сегодня происходит? Чудеса, да и только. Власть не могут поделить. Испокон веков у нас была одна власть – управляющий заводом, исправник по полицейской части – и все. А теперь что? И представитель Временного правительства, и Совет рабочих депутатов! И что вы думаете они делают? Не поверите! Все заседают, все думают, как сделать это или то. Один только управляющий Свицын

и работает. Только благодаря ему у нас порядок, почти нет проблем с питанием и нет такого противостояния, как в Питере. Мы тоже тут газеты читаем и телеграфными новостями интересуемся. Ну что скажете, я не прав?

И с этими словами он развернул меня к зеркалу с тем, чтобы я мог оценить его работу.

– Освежить ? – и, получив мое согласие, он выплеснул на мое лицо из пульверизатора целую струю приятно пахнущего одеколона, от которого сразу стало покалывать кожу.

Расплатившись с ним и поблагодарив, я надел фуражку и вышел на улицу. Недаром говорят, что с древних времен парикмахерские и бани всегда были одними из основных источников получения информации. Работники этих заведений аккумулируют ее в себе и распространяют среди своих клиентов. Если хочешь, чтобы о чем-то все узнали, скажи об этом ненароком в парикмахерской, и об этом через день будут знать все.

Получив таким образом ценную информацию, я решил напрямик отправиться на завод и нанести визит господину Свицыну. Крикнув извозчика, я напрямик поехал к заводоуправлению. Дорога шла вниз. Вымощенная булыжником, она покачивала наш тарантас, дополняя это покачивание цокотом лошадиных копыт. Время было к обеду, и я не знал, на месте ли управляющий. Но все равно мне необходимо было срочно решать мои проблемы как можно быстрее, поджимало время.

Выскочив из тарантаса, я напрямиком направился в заводоуправление, стоявшее с правой стороны небольшой призаводской площади, в центре которой возвышалась заводская проходная и основные ворота. Здание было выстраено в английском стиле из красного кирпича. Сразу за входной дверью располагался большой холл, из центра которого приглашала навверх широкая мраморная лестница, покрытая красной ковровой дорожкой. Рядом сидел вахтер из отставных солдат. Увидев меня, он встал из-за стола и поинтересовался, что мне надо. Узнав, что мне нужен управляющий, он рассказал, как мне найти приемную на втором этаже, и сел на место.

Я быстро поднялся на второй этаж, пройдя мимо контрольных часов для работников, отмечающих по специальной вставленной в них карте время прибытия и убытия с работы. Третья справа дверь оказалась приемной управляющего. В ней сидела женщина средних лет и что-то печатала на печатной машинке. В приемной было пусто. Очевидно, я выбрал правильное время, как раз вроде обед и начался, но никто к нему пока еще не приступил. Увидев меня, секретарь вопросительно подняла брови, ожидая от меня объяснений по поводу цели моего визита.

– К господину Свицыну, по поводу военных заказов, – сказал я ей и помахал в руке заранее приготовленной бумагой.

Она, помедлив секунду и бросив взгляд на стоящие в углу

настольные часы, медленно встала из-за стола и, попросив меня подождать, скрылась за дверью кабинета. Выйдя оттуда минут через пять, она пригласила меня войти. Пройдя мимо нее, я вошел в достаточно большой кабинет, в центре которого стоял дубовый стол, за которым располагался мужчина лет сорока в инженерном сюртуке, вопросительно смотревший на меня.

Я подошел к столу, представился по полной форме и присел в стоящее рядом со столом кресло, повинуясь приглашающему жесту Свицына.

– Чем могу служить? – начал разговор управляющий.

Внимательно посмотрев на него и учитывая ту информацию, которую я собрал, и то положительное впечатление, которое он сейчас произвел на меня своими жестами, манерами поведения, я решил не очень скрывать цель своего визита и играть в открытую.

– Видите ли, господин управляющий, я представляю определенные круги в столице, которые связаны с вашими акционерами. И они поручили мне передать определенное послание их представителю и вашему работнику сэру Чарльзу Гарольду. И в случае его согласия сопроводить в столицу.

Я умышленно не назвал конечную цель нашего путешествия.

Он положил карандаш на стол, внимательно посмотрел на меня, затем пригладил свои волосы руками, выдавая тем самым, что он озадачен моим разговором, и медленно ответил:

– В принципе, я не вижу здесь особых проблем. Пожалуй-ста, встречайтесь, беседуйте. Правда, в случае его выезда в столицу из-за того, что на нем завязаны все финансовые дела акционеров, придется передать управление этими активами кому-нибудь другому. Но и это решаемо. Этим вопросом может заняться наш коммерческий директор. Но основная проблема заключается в том, что господин Гарольд на сегодняшний день находится неизвестно где.

– Как неизвестно где! – я чуть не подскочил в кресле от услышанного.

– Ну не совсем неизвестно где, – продолжил Свицын. – Кое-какими сведениями мы располагаем, но сделать ничего не можем.

Я непонимающе уставился на него.

– Милостивый государь, а не можете ли вы не говорить загадками, а прямо сказать, что же все-таки произошло!

Он внимательно посмотрел на меня, словно изучая, затем молча встал из-за стола, подошел к входной двери и закрыл ее на ключ. Не понимая его действий, я внутренне напрягся, готовый в любую минуту к неожиданностям, которые могут произойти сейчас. Однако все оказалось намного проще. Он подошел к стоящему сбоку шкафу, открыл его, достал оттуда начатую бутылку водки и тарелки с сыром, хлебом и колбасой. Затем вытащил оттуда две граненых рюмки, молча водрузил все это на стол. Видя мое недоуменное лицо, он подошел ко второму креслу, стоящему напротив от меня, и сев

в него, спросил, указывая на бутылку:

– Будешь?

От сказанного им у меня голова пошла кругом и надо было привести себя в чувство. Поэтому на его предложение я молча кивнул головой.

Свицын ,взяв бутылку, открыл ее и разлил каждому по полной рюмке.

– Извини, поручик, что я сразу на ты, просто я вроде как старше, да и голова идет кругом от всей этой кутерьмы. Так что не обижайся и давай поставим мозги на место.

С этими словами он поднял рюмку и мы выпили. Почти не закусывая, он налил по второй и мы послали ее вслед за первой, прислушиваясь к тому, как водка начала делать свою работу, возвращая нас в рабочее состояние. Налив по третьей рюмке, он отставил ее в сторону и произнес:

– Ну а теперь о деле. Я и сам в шоке от того, что произошло. Людям надо выдавать зарплату, а денег в кассе нет.

Я с недоумением уставился на него, какая зарплата, какая касса? Причем тут мой английский друг?

– Понимаешь, поручик, наш английский друг позавчера вместе с кассиром и одним охранником выехал в Бахмут. Они должны были в банке получить зарплату для рабочих, а он – решать там дела, касающиеся дивидендов акционеров. И вчера, когда они получили деньги и возвращались в Юзовку, по дороге на них напала банда атамана Маруськи, которая буквально недавно появилась в этих местах. Охранника уби-

ли, а кассира и англичанина они забрали с собой. Мы узнали об этом только сегодня утром. Ни требований, ни каких-либо других известий больше не поступало. Что делать, я не знаю. Власти, которые есть, отмахиваются от этой проблемы и ничего не хотят предпринимать. Да и, честно говоря, и сил у них на это нет.

– А большая банда? – спросил я.

– Да говорят сабель тридцать.

– И правда, что женщина атаман?

– Да, бывшая циркачка, и в банде у нее многие циркачи, поэтому крепко и держатся.

– И где они обитают?

– Да где-то там в лесах, на хуторах в районе Бахмута. Местный исправник попытался что-то предпринять, так они ему дом подожгли. Теперь сидит, не высовывается.

Он тяжело вздохнул, потянулся к рюмке, поднял ее и, прищурившись сквозь стекло, произнес:

– Я так понимаю, ты все равно не отступишься и что-то будешь предпринимать.

Я молча кивнул головой.

– Так вот, рассчитывай на мою помощь в любое время. Мне рабочих надо кормить, военные заказы выполнять, а они, сволочи, вон что вытворяют. Я бы их собственными руками... – и он многозначительно сжал кулак. – Ну ладно, давай за то, чтобы у тебя все получилось, – и он залпом выпил водку.

Я последовал его примеру. Закусив, он убрал все со стола и открыл дверь. Я молча встал, поблагодарил его за угощение и попросил разрешения вечером навестить его по этому вопросу. Он согласился и рассказал, где его искать. На этом мы распрощались, и я отправился к себе в гостиницу. Мне необходимо было найти варианты, как пробраться в банду атамана Маруськи и вызволить оттуда англичанина.

Было уже около четырех часов дня. В гостинице, взяв ключ у портье, я зашел в свой номер и, не раздеваясь, упал на кровать. Видно, сказалось нервное напряжение и выпитая водка, которые сразу отправили меня в глубокий сон. Проснулся я, когда спустились сумерки. За окном разливался вечерний свет. На удивление, этот короткий сон пошел мне на пользу. Я проснулся с уже готовым планом освобождения англичанина. Правда, он был немного авантюрным, но в наше смутное время все пахнет авантюризмом. Кроме того, важной частью плана являлось участие в нем Свиццына.

Быстро умывшись, я пошел к своим подчиненным, чтобы выработать с ними тактику нашего поведения в сложившейся непростой ситуации.

Ребята уже были в сборе. Они обмотали поселок, разведали все ходы и выходы, познакомились с кучей нужных для нашего дела людей и теперь докладывали мне об этом. Я вкратце ознакомил их с обстановкой и предложил свой план. Он заключался в том, что мы создаем такую ситуацию, которая нам даст возможность в кратчайшие сроки проникнуть

в банду. Делаем мы это двумя способами. Первый – это при помощи управляющего заводом, распускаем слухи о том, что в связи с захватом денег Свицын едет в банк и берет там кредит на выплату зарплаты рабочим. Он приезжает в Бахмут, ведет в банке переговоры, но денег не берет. А при выезде из города мы с ним меняемся местами и едем потихоньку в Юзовку. Если слухи доходят до бандитов, то они попытаются нас перехватить. Обнаружив подмену, они заберут нас с собой в лагерь, с тем чтобы разобраться, что произошло. Сопровождать меня будут двое моих ребят, которые и пойдут со мною в плен. А остальные двое, циркач и краснобай, попытаются самостоятельно проникнуть в банду, тем более, что ее руководитель тоже является артистом цирка. Ну а там будем действовать по обстановке. В задачу краснобая входит окрутить атамана Марусю, влюбить ее в себя, ну а затем использовать это обстоятельство для освобождения нашего друга. Таков был в общих чертах мой план. Обсудив его и наметив тактическую линию поведения, мы пришли к единому мнению, что в этих условиях он в принципе может работать.

Теперь мне оставалось получить согласие Свицына и оговорить с ним оставшиеся детали. Приказав людям отдыхать, я направился к управляющему.

Его вместительный дом находился в английской колонии. Одноэтажный, достаточно просторный, с широким двором и сараем для кареты. В нем чувствовалась английская проч-

ность и шарм. Несмотря на поздний час Свицын встретил меня приветливо. Мы прошли в гостиную и расположились на мягких стульях возле стола, на котором пыхтел, сверкая медными боками, пузатый, весь осыпанный медалями самовар. Управляющий предложил чаю и, налив полную чашку свежей заварки, придвинул ко мне сахарницу с кусковым сахаром и щипцы. Отхлебнув из своей чашки черный обжигающий напиток, он, подождав, пока я наколю себе сахар, спросил:

– Очевидно, вы пришли не просто так, а с каким то предложением, в котором и мне отводится определенная роль.

– Вы случайно не провидец? – в свою очередь спросил я.

– Вроде бы нет, но по вашему сосредоточенному виду сразу понятно, что вас мучают какие-то сомнения, а лучший способ развеять их – это поделиться со мною.

– Что я и пришел сделать. Я тут придумал одну комбинацию, но без вашей доброй воли и помощи она не стоит и выеденного яйца.

– Так излагайте, чтобы я понял, чего вы хотите от меня.

Я вкратце изложил ему наш план, не вдаваясь в детали, и только ту часть его, которая касалась участия управляющего. Внимательно все выслушав, он задумался, переваривая все сказанное мною.

– Попахивает авантюрой, – наконец произнес он. – Очень много неизвестных факторов и нестыковок. Это мне так кажется, как технарю.

– Согласен, но в данной ситуации это лучше, чем ничего. Кроме того, здесь хорошо может сыграть такой фактор, как женское любопытство. Мне приходилось бывать и в худших ситуациях, когда ничего не известно, как в пустыне, и ничего, выкручивались. А тут уже кое-что знаем, и кстати немало.

– Хорошо, если я соглашусь, как мы будем осуществлять это действие?

Я вкратце рассказал ему о некоторых технических деталях операции, которые почти не вызвали у него возражений.

– Поэтому я прошу вас, чтобы вы выехали завтра в Бахмут на вашем транспорте, так как ваш фаэтон знают везде, а мы сегодня вечером займемся распространением слухов. Кроме того, мне необходимо что-то из вашего гардероба, чтобы, когда мы поменяемся местами, я более менее походил на вас. Мы выедем завтра как можно раньше, каждый отдельно. Вы с моими людьми, а я сам по себе. Банк начинает работать с девяти часов утра. Если мы приедем часам к двенадцати, то вы успеете до вечера уладить формально все дела, и часов в пять-шесть мы можем встретиться. Главное, чтобы видели, что вы получаете крупные суммы. Можете их взять, посчитать, а затем незаметно сдать на хранение снова в банк, а завтра с утра, когда все произойдет, быстренько привезти их на завод.

– Да, в любом случае без кредита я не урегулирую сложившуюся ситуацию, – ответил он. – Хорошо, встречаемся в трактире перед бахмутским мостом, часов в пять-шесть ве-

чера. Там есть затемненная комната, которая расположена почти под мостом. Ждите меня в ней. Я зайду, закажу что-нибудь перекусить, и мы там по ходу произведем замену.

– Договорились, – ответил я.

– Ну а теперь о гардеробе!

Свицын встал и отправился в другую комнату. Минут через пятнадцать он вышел оттуда, неся на плечиках инженерную тужурку с молоточками на воротнике, форменные брюки и фуражку с такой же кокардой.

– А ну-ка прикиньте, – сказал он, подавая мне эту одежду. – У меня как раз двойной комплект этой формы. Я обычно хожу в старой, как-то привычнее, а эта висит себе. Если подойдет, то милости прошу.

Я встал из-за стола и накинул на гимнастерку тужурку, которая оказалась мне как раз. Учитывая, что мы с ним были одного телосложения, то и брюки должны были подойти.

Он с умилением посмотрел на форму, зачем-то с тоскою погладил рукав и тяжело вздохнув, сказал:

– Ну что ж, забирайте.

Приняв от меня одежду, он сам завернул ее в бумажный сверток и перевязал шпагатом. Протянув все это мне, он крепко пожал мне руку и провел до выхода, где меня ждала пролетка. Еще раз пожав друг другу руки, мы расстались.

На обратном пути я заскочил в гостиницу, оставил там сверток с вещами и подъехал к дому, где меня ждали ребята. Кратко обрисовав им задачу, я циркача и краснобая

отправил вечерним поездом в Бахмут, поставив задачу распространять слухи о большом кредите Свицына, а остальных двух направил в трактиры Юзовки заниматься тем же самым. Логика этих действий была проста: если у банды есть информатор, то он не сидит в ресторанах, а ошивается в трактирах, собирая нужные сведения. Таким образом, чем больше широта распространения слухов, тем большего эффекта они достигают. Один источник дополняет другой и так далее. Сам я, чтобы скоротать время до утреннего поезда в Бахмут, решил сходить в ресторан, который располагался на скотопроектной улице.

Двигаясь по проулку вниз, я прошел мимо здания аптеки Лаче и в следующем доме увидел призывные огни местного ресторана. Прогулка по поселку доставила мне удовольствие. Несмотря на то, что печи завода ежеминутно выбрасывали клубы дыма, он не накрывал город, и воздух был свеж и прохладен. Как никогда, думалось хорошо, и быстрая ходьба разогрела мое тело. Подойдя к ресторану, я услышал классическую музыку. Очевидно, это был женский оркестр, о котором говорил мой попутчик в поезде. Мне было даже очень любопытно посмотреть, что представляют из себя оркестранки. При входе в ресторан меня встретил швейцар, не такой, как в Петрограде, но все равно представительный с большими усами, видно, из отставников. Увидев офицера, он весь подобрался и, вытянувшись в струнку, гаркнул:

– Здравия желаю, ваше благородие!

– Полноте, братец, – сказал я ему, подавая свою фуражку, – ведь мы не в армии.

– Рад стараться, ваше благородие, – сказал он невпопад, принимая ее и пристраивая в гардеробной.

– Ты вот что скажи мне, братец, – обратился я к нему. – Как у вас кухня, сносная, можно заказать что-нибудь такое необычное?

– Повар Палыч у нас отменный специалист. Готовит очень вкусно, служил на флоте, на камбузе, а потом работал в Москве в ресторане, а теперь значится здесь, у нас. Я бы предложил вам заказать котлеты «по-юзовски». Это он придумал. Нигде таких нет. Я пробовал, мне очень понравились. Там внутри их много всякой всячины напихано, так и тают во рту.

– Ну спасибо, братец, за рекомендацию, – сказал я и направился в зал через дверь, которую открыл мне швейцар.

Народу было и не очень много, и в то же время и не мало. Очевидно, часть посетителей уже ушла, а основная часть только начинала заполнять зал, в надежде хорошо провести время. Кроме местной публики, которая сразу бросалась в глаза своей одеждой и манерами поведения, было очень много командировочных специалистов различных ведомств.

«Вот и хорошо, – подумал я, – можно здесь посидеть, не привлекая особого внимания». Мне хотелось понаблюдать за местной публикой, выявить специфические черты ее поведения, что не помешает мне в дальнейшем общении с нею,

которое мне еще предстоит.

Прикинув возможную диспозицию, я облюбовал столик недалеко от эстрады, на которой выступали четыре милостивые девушки. Две из них играли на скрипках, одна на контрабасе и последняя томно раскачивалась за роялем. Играли Чайковского. Его чарующие мелодии плавно проскальзывали сквозь дымовую завесу, находя путь к избранным слушателям. Один из них, откушав графинчик водки, с осоловевшими глазами пытался дирижировать вилкой. Другой спал лицом в стол, пытаясь своим храпом попасть в такт мелодии. И когда затихали аккорды мелодии, раздавался его тоненький храп как вступление в следующее звучание оркестра. Находились, правда, и настоящие ценители музыки, которые, выпив уже граммов двести, под действием алкоголя, действительно, входили в транс и, затаив дыхание, слушали эту классическую мелодию.

Лавируя мимо столиков, я подошел к намеченному мной и присел за него. Минут через пять нарисовался пожилой, очень важный официант и, поприветствовав меня, положил тисненное меню из красного картона. Раскрыв его, я был немало удивлен: все названия блюд шли на французском языке. И хотя я хорошо знаю французский язык, я не мог понять, что же означают те или иные названия приведенных здесь блюд, хотя на соседних столиках была обыкновенная ресторанная еда. Так и не разобравшись до конца, я пригласил официанта и заказал ему борщ и котлеты «по-юзовски»,

и для того, чтобы все это было легче впихнуть в себя – бутылку красного французского вина и соответствующие закуски. Он принял заказ и с достоинством удалился на кухню.

Тихонько осмотревшись по сторонам, я понял, что не представляю никакого интереса для собравшейся здесь публики. Каждый занимался или собой, или соседом, или соседкой. Приняв это к сведению, я развернулся и стал изучать музыкальных барышень. Все они были одеты в пышные платья с кружевными оборками на воротниках и рукавах. По манере игры чувствовалось, что они имеют какое-то музыкальное образование. Волосы у них были присобраны сзади на испанский манер. Двигаясь в такт мелодии, они разливали чарующие звуки скрипки по залу, которые плавно опускались на слушателя, заставляя его умолкать, уходить в себя и вспоминать что-то свое, очень сокровенное и тайное, которое есть в каждом из нас. «Да, чародейки», – подумал я, с удовольствием вглядываясь в их молодые, порозовевшие от напряжения лица. И не думал я, что в такой глуши может быть такое открытие.

Вскоре принесли мой заказ, и под звуки вальса Шопена я стал уплетать борщ. Надкусив котлету «по-юзовски», я немало был поражен ее деликатным вкусом. В ней было всего понемногу: и французской приправы, и ореховой пасты, и специально подобранных овощных составляющих, которые все в комплексе создавали непередаваемый вкус. «Ай да повар, ай да Палыч, настоящий чудесник!» – подумал я, уплетая

котлету.

В этот момент к оркестранткам, которые закончили играть вальс, подошел средних лет полковник, который скромно сидел с дамой за столиком в углу и, пошептавшись о чем-то с кареглазой девушкой, протянул ей ассигнацию. Она взяла ее и что-то на ухо прошептала своим подругам. Те сразу засуетились и стали настраивать свои инструменты. Затем, переглянувшись друг с другом, они взяли на изготовку смычки, а кареглазая вышла на середину сцены в накиннутой на плечи шали и, придерживая ее за концы двумя руками, буквально взорвала зал своим прекрасным голосом. Над залом поплыл романс о любви «Только раз бывают в жизни встречи ...». Зал замер, впитывая в себя эти простые, такие всем понятные слова. Женщины притихли, замерев на месте, а на лице некоторых мужчин появились предательские слезы. Один подвыпивший посетитель даже не стал скрывать своего состояния, а опустив голову на руки, просто рыдал. А голос несся ввысь, доставая до каждого сердца, вбрасывал туда новую порцию тоски по прошлому, вещая: «Где же ты, желанная когда-то? Где во мне будившая мечты?».

Я украдкой посмотрел в сторону столика, за которым сидел полковник. Он держал руку своей дамы и смотрел ей в глаза, и такая в них была невыносимая тоска, что дрожь пробирала по коже. Реакцию дамы трудно было определить, так как она сидела спиной ко мне. Но судя по ее вздрагивающим плечам, эта песня и взгляд полковника ей были не безраз-

личны.

Когда затихли последние слова песни, в ресторане наступила тишина, которая затем взорвалась бурей аплодисментов. Мужчины бросились целовать ручки певицы, выкрикивая «богиня!», «неподражаемо!» и выкладывая перед ее ногами ассигнации. Она скромно улыбалась и только кланялась в ответ, приговаривая «спасибо», прижимая руки к своей груди. Потом были еще песни, но эту переплюнуть они не могли. Очевидно, девушка вложила в ее исполнение что-то личное, пропустив слова песни через себя.

Вскоре у меня закончилось вино, которое я потихоньку потягивал, и слегка начала кружиться голова. Это был признак того, что, как ни странно, я восстановил свой энергетический потенциал и готов встретить наступающий день во всеоружии. Расплатившись с официантом и добавив ему пять целковых на чай, я вышел на свежий воздух и медленным шагом дошел до гостиницы. Было далеко за полночь. Договорившись с дежурящими здесь извозчиками о завтрашней поездке на вокзал, я приказал портье разбудить меня в пять утра и отправился спать.

Атаман Маруська

Осторожный стук в дверь, который прозвучал ранним утром, моментально оторвал меня от сладкого сна и вверг в реальную действительность, которая начала сразу диктовать

правила своей игры. Это был старт той операции, которую я задумал. Подготовительный этап был проведен вчера, а сегодня начался основной. Быстренько одевшись в вещи, переданные мне Свицыным, я, оставив за собой номер на ближайшие дни и взяв необходимый минимум вещей, поехал на вокзал.

Поезд, отправляющийся в шесть тридцать утра, представлял собой четыре старых вагона, в которых разместилось не очень много народа. Дело в том, что он прибыл недавно и привез людей, которые работали в Юзовке, собирая их на всех полустанках.

Пройдя внутрь третьего вагона, я расположился в углу на деревянной скамейке, стараясь быть не сильно замеченным. Это целая наука. Когда специально прячешься, то, наоборот, становишься заметным, а когда крутишься пред глазами, не слишком назойливо и с внутренней готовностью к взятой на себя роли, то взгляд постороннего человека вроде бы отмечает тебя как данность, но не фиксирует как предмет, представляющий интерес. И если потом, в случае необходимости, приходится что-то восстанавливать в памяти, то она отказывается выдавать детали, а дает какой-то расплывчатый образ, который трудно с чем-то сравнить. Вот был кто-то, да ехал, а какой он – трудно вспомнить.

Это такой своего рода внутренний дар, который отрабатывается годами. И я могу подойти к человеку, достаточно долго беседовать с ним, но потом он все равно не сможет

вспомнить, как я выгляжу.

В данном случае это мне было необходимо, так как сидячий вагон постепенно наполнялся людьми. Вот трое рабочих с завода, после смены, вот женщина с детьми расположилась недалеко. Это хороший фактор, так как внимание людей всегда фиксируется на детях, потому что их непосредственное поведение отвлекает от всего остального и его мы воспринимаем каждый по-своему.

Наконец народ заполнил вагон, и пришло время отправления. Ударил станционный колокол, паровоз прокричал «привет» своей трубой и дернул состав. Постепенно набирая скорость, мы помчались к Бахмуту. По пути мы высаживали и набирали пассажиров. И когда мы прибыли в город, их состав претерпел коренное изменение. Теперь большинство в вагоне составляли крестьяне и ремесленники. За все время поездки никаких подозрительных личностей я не зафиксировал.

В Бахмут мы прибыли часам к одиннадцати. До встречи с управляющим у меня оставалось еще достаточно много времени. Я решил пройтись по городу, чтобы изучить обстановку и потолкаться в людных местах с целью сбора слухов о банде. Кроме того, следовало зайти к полицейскому исправнику, чтобы хоть что-то узнать о самом атамане.

На станционной площади активно функционировал небольшой рынок, предлагавший разнообразные изделия из глины. А глины, оказывается, здесь были отменными. Народ

покупал в первую очередь товар, который был нужен в повседневной жизни: макитры, кувшины, тарелки, кружки. Все это было сделано качественно и с любовью.

Рядом продавался красный кирпич различных мелких ку-печеских заводиков. На каждом кирпиче стояло клеймо про-изводителя. И если какой-нибудь из кирпичей, не дай Бог, в ходе кладки вдруг треснул, моментально менялась вся пар-тия с извинениями. Тут же располагались представители страховых компаний, старейшей из них была компания «Са-ламандра». Если кто-то собирался строить дом, то он страхо-вал его и в фундамент закладывалась чугунная плита с номе-ром страхового полиса, которую трудно было уничтожить, в то время как бумаги имели тенденцию сгорать и потом труд-но было восстанавливать документы. Кроме того, здесь тор-говали всякой снедью, поэтому я решил совместить прият-ное с полезным.

Подойдя к лотку, торгующему горячими пирожками с тре-бухой, картошкой, капустой, я взял несколько штук, заказал чашку чая из горячего самовара и, пристроившись, стал при-слушиваться и удовлетворять свое чувство голода, которое начинало давать знать о себе деликатным бурчанием в же-лудке. Из общего базарного шума постепенно стали выде-ляться нужные мне сведения, которые могли быть полезны-ми в дальнейшем. Один крестьянин другому доверительно сообщал:

– Так вот, я тебе и говорю, кум, вчера налетели на хутор

Калиновский, пожгли, забрали все припасы, да еще плетьюми отпороли, хорошо, что еще не постреляли. А власти нет, она ничего не может. Вот мужики, говорят, сами стали вооружаться, чтобы, значит, того, от бандитов отбиться. А то житься от них нету. Пьянствуют там в лесу и грабят, вот и все, на что они способны.

А рядом стоящая женщина, выбиравшая себе на кухню глечики, говорила своей товарке:

– А глаз свой поганый эта Маруська ложит на молодых и красивых мужиков. Вон у Катьки из Ивановки забрала мужа и целую неделю не выпускала его. Насилу сбег. Страсти рассказывает, жуть. Будто в банде одни разбойники, воруют девок и забавляются с ними, голыми на лошадях заставляют скакать и танцевать перед ними, когда они пьют и жрут. А Варька, как узнала об этом, так сама побежала к ним. А они ее прогнали, говорят, старая карга, кому ты нужна, а какая она карга – ей и тридцати годков еще нет. Я и спрашиваю ее, а где ж они обитают. Так она мне по секрету поведала, что на Семеновском хуторе, это там, за излучиной реки они находятся, – и посмотрев по сторонам и как бы выдавая страшную тайну, добавила, – а Варька сказала, что еще раз к ним пойдет, и будет ходить, пока не примут. Да ведь и понятно, мужика-то у нее давно нет, – и тяжело вздохнув, как бы сочувствуя своей знакомой, она выбрала два глечика и положила их в свою корзину.

Так по круплицам я узнал достаточно ценную для меня ин-

формацию о месте расположения банды, ее составе и нравах, царящих в ней.

Доев оставшийся пирожок, я решил направиться к полицейскому исправнику. Но не хотелось идти к нему в участок, это могло вызвать подозрения. Надо было где-то перехватить его в не очень людном месте. Как раз наступало обеденное время. И наверняка он как служивый человек придерживается четкого расписания приема пищи. Надо воспользоваться этой ситуацией. И я, покончив со своим перекусом, стал потихоньку дрейфовать в центр города.

Пройдя по центральной улице, я миновал гостиницу «Бристоль» и вышел на Малую Харьковскую улицу к двухэтажному зданию Азово-Коммерческого банка. Здесь Свицын должен был получать свой кредит. Осмотрев здание со всех сторон и изучив подходы к нему, я чуть наискосок заметил вывеску полицейского участка. Обеденное время уже заканчивалось, и у меня было два варианта: или исправник не выходил на обед и находится в участке, или он вот-вот должен вернуться с обеда. И в том и в другом случае мне были нужны терпение и выдержка.

У меня в этом плане в свое время были серьезные тренировки. Ставили нас в муравейник голыми ногами с полным стаканом воды на голове. И ты должен был там простоять минимум час, не разлив ни капли, и запомнить наизусть какой-нибудь текст, который в письменном виде размещался перед тобой или определенные предметы и дать им по-

том соответствующую характеристику. Это было ужасно, так как муравьи полчищами ползали по твоему телу, забираясь во все мыслимые и немыслимые места, непрерывно кусая, взбираясь на твое лицо и норовя попасть в глаза, рот, уши. А ты должен стоять смирно, не шелохнувшись, ибо если ты только начинал двигаться, то вода расплескивалась и все начиналось сначала. Только научившись абстрагироваться от действительности, как бы подниматься над собой, превратив себя в бесчувственное тело, можно было выдержать это испытание. И как ни странно, когда ты научился впадать в такое состояние, муравьи, как бы чувствуя перемену переставали жалить тебя и мирно ползали по всему телу. Такие тренировки проводились не только с муравьями, но и с другими всякими насекомыми и животными, которые в конечном итоге подчинялись тебе.

Но как показала жизнь, самое трудное – это приручить эмансипированную женщину. Тут все наработки оказывались бессильными, и в дело вступал индивидуальный опыт.

Я решил подождать исправника в расположенном поблизости с банком скверике. Купив газету у мальчишки-разносчика, я уютно пристроился на скамейке и стал читать бахмутские новости, периодически поглядывая в сторону полицейского участка. Минут через тридцать на противоположной от меня улице нарисовался белый мундир полицейского исправника. Был он достаточно упитанным, невысокого роста и шел вперевалку, держа руку на эфесе шашки, ко-

торая болталась сбоку. Дойдя примерно до уровня банка, он неожиданно, словно вспомнив что-то, резко развернулся и направился в здание.

Я понял, что как раз наступил мой момент. Быстро вскочив со скамейки, я словно куда-то спеша, бросился ему навстречу. В это время он замедлил ход, приостановился и, сняв свою форменную фуражку, начал платком вытирать вспотевший от быстрой ходьбы внутренний ободок. Я, проходя мимо него, словно споткнувшись, выбил его фуражку из рук, которая покатилась в сторону. От неожиданности он оторопел. Не давая ему опомниться, я подхватил фуражку и с тысячами извинений протянул ему ее. Он закрыл рот, видимо придя в себя от неожиданности, взял фуражку и, отряхивая ее, с укоризной произнес:

– Надо бы поосторожнее, молодой человек, а то ведь так ненароком и зашибить можно.

– Простите, господин исправник, замечтался, – и тут я снова привел его в состояние прострации, произнеся пароль доступа.

Дело в том, что по роду службы, связаной с обеспечением безопасности царской семьи, мы периодически имели дело с жандармерией. И она давала нам коды доступа к различным должностным лицам и тайным агентам. Они были разными в зависимости от уровня посвящения. У меня он был высший, и поэтому пароли, которыми я обладал, нацеливали партнеров на беспрекословное подчинение и неукоснительное вы-

полнение моих распоряжений.

Услышав пароль, исправник сначала не понял, о чем идет речь. Очевидно, в его голове прозвучало что-то знакомое, но редко используемое в жизни значение. И он сразу не определил, что это за сочетание слов. Но по мере узнавания этих значений выражение лица его менялось от удивления до понимания значительности событий, которые с ним будут происходить сейчас. Он еще раз машинально протер фуражку и, решительным жестом водрузив ее на голову, спросил:

– Чем могу служить?

– У вас, господин исправник, нет случайно сведений о банде атамана Маруськи и о ней самой?

Лицо его приняло выражение преданного служаки.

– Кое-какие данные есть. Вам как – в письменном виде или на словах?

– Давайте договормся так, господин исправник. Вы, пожалуйста, подготовьте мне это в письменном виде, заверните в газету и через полчаса пусть ваш человек в гражданской одежде оставит эту газету вон на той скамейке, – и я показал на нее рукой, – ну а дальше мои проблемы.

– Слушаюсь, – сказал исправник, и на этом мы расстались.

Со стороны, если кто и заинтересовался этой встречей, казалось, что исправник отчитывает молодого инженера, который ненароком налетел на него на улице. А тот смущенно оправдывается и извиняется перед ним.

Я пошел дальше вниз по улице, а исправник, воровато

оглянувшись, засеменял в банк.

Погуляв оговоренное время и посетив несколько встреченных по пути лавок, я приобрел в скобяной небольшой нож, который можно было спрятать в моей одежде, и кусок крепкой бечевки. На обратном пути, проследив за собой и не обнаружив ничего подозрительного, я стал потихоньку подбираться к скамейке. Она была пуста. Однако минут через пять с противоположной стороны улицы показался ничем не примечательный мужчина в скромном костюме, который, подойдя к скамье, огляделся по сторонам, сел на нее, вытащил из кармана газету и, быстро просмотрев ее, свернул и оставил на лавочке. Посидев еще минут пять, он поднялся, и не оглядываясь, отправился в ту сторону, откуда пришел.

Выждав минут десять и убедившись в отсутствии какой-либо опасности, я вышел из лавки, из которой наблюдал за обстановкой, подошел к скамейке и забрал лежащую на ней газету. Между газетных разворотов лежали две страницы конторской бумаги, исписанные мелким каллиграфическим письмом.

Пересев в совершенно другую сторону, я продолжил наблюдение за банком, одновременно изучая полученную мною информацию. Она была достаточно обширной. Очевидно, исправник не терял время даром, особенно после того, как банда подошла к его дому.

В досье отмечалось, что атаманша была из семейства потомственных циркачей, гастролировавших по всей стра-

не. По профессии – воздушный гимнаст, так что высоты не боится. Хорошая наездница. Импульсивная, экзальтированная особа со взрывным характером, который достался ей в наследство от отца. Неравнодушна к мужчинам. Властолюбива, любит лезть. Бывает жестока не только к захваченным пленникам, но и к своим подчиненным. Под лозунгом свободы и братства сформировала небольшую банду, костяк которой составили ее коллеги по профессии и к которым позднее примкнули разного рода проходимцы. Главная цель – обогащение. Совершают налеты на села, банки, похищают людей и требуют за них деньги якобы на мировую революцию. Особого учета людей в банде нет. Народ приходит, повоюет и уходит к другим атаманам, с которыми она периодически поддерживает связь, совершая совместные налеты на крупные железнодорожные станции и другие представляющие интерес объекты.

Такое положение дел меня вполне устраивало. Моим людям можно было без особых сложностей просочиться в банду, а там по плану мы должны были объединить наши усилия по организации спасательной операции.

Пока я размышлял и взвешивал все за и против, продолжая наблюдать за банком, я увидел, как к нему подъехал фаэтон со Свицыным и моими ребятами. Они остались на месте, а Свицын зашел в банк. Одновременно с этим я зафиксировал, как на соседней улице остановилась какая то телега и два субъекта неопределенной внешности, словно нехотя,

принялись лузгать семечки, зыряка вокруг и в сторону банка. Была в их поведении какая то небрежность, в том числе и в одежде, которая говорила о том , что они явно не относятся к числу добропорядочных граждан. Вполне возможно, у них на телеге под сеном могли лежать и обрезы. Значит, сделал я вывод, информация дошла до адресата. Мои усилия не пропали даром, теперь надо было очень осторожно приступать ко второй, самой сложной части нашего плана.

До встречи оставалось еще два часа, и я решил заранее подойти в условленное место, чтобы меня не зафиксировали наблюдатели. Я двинулся в сторону банка и, проходя мимо ребят, подал им условный знак о том, что за ними идет наблюдение. Они сразу поняли ситуацию, подобрались и приготовились к возможным неожиданностям.

Подойдя к гостинице, я сторговался с дремавшим возле нее извозчиком и поехал в сторону трактира, на место нашей встречи. Прибыл я туда за полчаса до назначенного срока. Расплатившись и отпустив извозчика, я прикинул, где остановится наш фаэтон и как я буду пробираться в него, я зашел в трактир.

Народу здесь было не очень много, кто чаевал с удовольствием, втягивая в себя из блюдца горячий чай, кто пил беленькую, закусывая ее луком, ну а кто лакомился ароматно пахнущими варениками. Пройдя в затемненный зал, расположенный за углом от входа, я сел так, чтобы свет освещал не меня, а собеседника, если таковой появится здесь. Под-

бежавшему половому я заказал две порции вареников, решив перекусить перед дорогой. Пока готовились вареники с сыром, я поглядывал на входную дверь, ожидая моего партнера. Дверь открывалась и закрывалась, впуская и выпуская посетителей, но управляющего пока не было.

Я уже стал переживать и подумывать о том, не решились ли бандиты на нападение среди бела дня, когда в очередной раз дверь открылась и в ее проеме показался Свицын. Задержавшись на секунду, он быстро сорентировался в обстановке и напрямиком направился ко мне. Я встал, уступая ему место. Он быстро сел за стол, произнеся впопыхах:

– Все в порядке.

Я в ответ кивнул головой, надел фуражку и подмигнул ему, показывая на стол:

– Приятного аппетита, я не знал, что вы любите вареники с сыром, – и быстро выскочил во двор.

Краем глаза я заметил, как сзади меня половой понес мой заказ в дымящейся глубокой глиняной миске. «Вот и славненько, – подумал я, – в самый раз».

Выскочив во двор, я прыгнул в фаэтон, и мы помчались прочь от трактира на поиски «новых приключений». По дороге ребята рассказали, что Свицын сделал все, как надо, и вынес из банка большой баул, который лежит сейчас у меня под ногами. Наблюдавшие за этим бандиты сразу разделились, и один из них исчез, а второй незаметно пытается сопровождать наш экипаж, держась на почтительном расстоя-

нии.

Наконец мы выехали из города. Темнело, и дураку было понятно, что с такими деньгами ехать вечером было опасно. Но учитывая сложившиеся обстоятельства, мы пытались довести бандитам, что Свицын решил рискнуть и помчался в Юзовку, пренебрегая опасностью. Именно на этом мы и пытались их подловить.

По дороге я предупредил ребят, чтобы они не геройствовали и при малейшей опасности сразу поднимали руки.

Пока было все спокойно. Вскоре мы выехали на пригорок, с которого дорога катилась вниз под балку, а затем круто уходила вверх, вплотную приближаясь к лесу, видневшемуся с правой стороны. В воздухе почувствовалась какая-то настороженность, которая заставила нас всех внутренне собраться. Интуиция подсказывала, что это именно то место, где все может произойти. Так оно и получилось.

Пока мы спускались медленно под уклон, все было спокойно, но когда, разогнав лошадь, мы поднялись наверх и она, пофыркивая, вытащила нас на гору, нас уже поджидали человек десять бандитов на лошадях с винтовками наизготовку. Впереди всей этой одетой во что попало компании на вороной лошади сидела девица и попыхивала сигаретой, играя плетью в руке.

Увидя остановившийся фаэтон, она подъехала к нам поближе и, пыхнув дымом произнесла:

– Добро пожаловать, господа.

Мы все трое медленно подняли руки. Двое бандитов, соскочив со своих лошадей быстренько обыскали нас, забрав у ребят револьверы, взвесили радостно в руке баул с деньгами и, завязав нам глаза, на нашем же фаэтоне повезли в неизвестность. Ехали мы около часа, скорее всего по лесу, по известным только им тропинкам. Сзади на лошадях скакали бандиты. Разговоров между собою они почти не вели. Единственное, хвалили какого-то Степку, который так удачно вычислил нас по подслушанному в одном из трактиров разговору. Теперь они надеялись, что при дележе добычи им попадется по жирному куску.

Фаэтон то кренило в сторону, то подбрасывало на кочках, и мы, связанные веревками, периодически падали друг на друга. Вскоре послышалось ржание лошадей, потянуло запахом костра и жареного мяса. Фаэтон последний раз качнулся на рессорах и остановился. Нас стащили на землю и, поставив на ноги, сорвали повязки с глаз.

Когда глаза мои привыкли к сумрачному освещению, я увидел, что мы находимся в начале большой поляны, которую окружали три деревянных дома и сарай для сена. Посредине поляны горел костер, на котором жарилась свиная туша. Увидев пленников, бандиты, стоявшие возле костра, оставили свое занятие и подошли поближе, чтобы рассмотреть нас. Возница, забрав из фаэтона наш баул, вслед за атаманшей пошел в дом, а нас бандиты подвели к сараю, открыли дверь и впихнули вовнутрь.

От толчка в спину я пролетел вперед, чуть не наступив на лежащих на полу людей. Очутившись у стены сарая, я присел на корточки и, подождав пока глаза привыкнут к темноте, стал изучать обстановку. На полу, притрушенном сеном, сидели прапорщик, жандармский офицер, солидного вида мужик, скорее всего купец, и еще один мужчина в возрасте, по одежде и выражению лица похожий на иностранца. «Очевидно, это тот, кто нам нужен», - подумал я. Необходимо было выяснить, кто же это, и приготовить его к дальнейшим действиям. Ребята тоже притихли и смотрели на меня, ожидая моей команды. Не разведав обстановку, предпринимать ничего было нельзя. Необходима была рекогносцировка на местности и определение способов и путей безопасного отхода и вывода нашего подопечного отсюда. Это можно было определить только завтра. Поэтому я дал команду ребятам снять веревки, что они с ловкостью и сделали.

– Ну что, голубчики, попались, туды вас в качель, – раздался пьяный голос жандармского ротмистра.

Оказывается, он шел с дружеской попойки и случайно попался вечером на глаза бандитов, они и загребли его на всякий случай, вдруг пригодится. Он еще не успел протрезветь и мучился от того, что случилось с ним.

– Прекратите, ротмистр, – просяще выдавил из себя прапорщик, – не злите их.

– А то, что будет? – вызывающе ответил ротмистр.

– Хуже того, что уже есть, ничего не будет.

– Вон купец и счетовод, – и он кивнул в сторону рядом сидевших штатских, – уже второй день здесь — и ничего. Даже пожрать один раз дали. Валить надо отсюда. Если только вырвусь, я их всех достану, или всех вместе, или по одному.

– А ты заводской, – обратил внимание он на меня, – как попался?

– Да по глупости, хотел пораньше добраться домой!

– Жена штоль молодая, что поперся на ночь глядя? Ведь лихих людей на Руси всегда хватало, а сейчас так особенно их много развелось. Прямо не знаешь и куда деться.

– А никуда не денешься. Лихие времена всегда соответствовали лихим делам. Сами видите. А власть всегда была слаба у нас, а теперь тем более. Срам какой-то среди бела дня, в уездном центре... – и купец безнадежно махнул рукою.

– Россия всегда славилась отсутствием порядка. И у нас в Англии были, как вы говорите «дикие времена», но король и парламент приняли закон и стали его выполнять. И теперь каждый понимает, что без закона не может быть никакого порядка, – вступил в разговор англичанин. – Этого разбойника у нас давно бы поймали и повесили, чтоб все видели. Я, конечно, все понимаю, много уже видел, но чтобы женщина – бандит, этого я никак не могу понять, – и он в недоумении развел руками.

Затем они сцепились в словесной дуэли о законе и порядке, которая закончилась тем, что бандит, стоявший на охра-

не сарая, заколотил в дверь и заорал, чтобы прекратили всякие разговоры, не то он будет стрелять и многозначительно клацнул затвором винтовки. Все сразу, как по команде, замолчали.

Постепенно за стенами сарая усилился шум, стали слышны пьяные крики, женский визг, заиграла гармошка. Очевидно, бандиты подошли к самому ожидаемому действию в их жизни. Стали поглощать жареную свинину, запивая ее ядреным самогоном. Начавшееся веселье стало набирать обороты. К гармошке присоединился бубен, начались пляски со свистом и матом. Как ни странно, за нами никто не приходил для выяснения ситуации, поэтому я решил, что пришло время и мне вступать в игру.

Я тихонько подошел к англичанину и присел рядом с ним. Он вопросительно посмотрел на меня. Я сделал вид, что просто нашел удобное мне для ночлега место и, глядя в сторону, произнес:

– Мистер Чарльз Гарольд?

От неожиданности он чуть не подскочил и, вопросительно посмотрев на меня, ответил:

– Да, но я не помню, молодой человек, чтобы нас представляли когда-нибудь друг другу.

– Естественно, нет, – ответил я, – да это и не важно сейчас. – Вам привет от одной монаршей особы, о которой вы имеете честь знать и которая сверяет время по брегету с изображением императрицы. Естественно, учитывая ситуа-

цию, я предъявлю вам его позднее.

До него сразу дошел весь смысл нашего разговора. Оглянувшись по сторонам, он сказал:

– Так вы тот самый молодой человек...

– Да тот самый, о котором вы были предупреждены заранее.

– Да, да, так что ж теперь нам делать?

– Учитывая, что мы специально прибыли сюда за вами, я бы настоятельно просил вас делать то, что я буду вам рекомендовать.

– Да, конечно, я все понимаю, но как мы выберемся отсюда?

– Это уже наши проблемы, а ваша задача – не отходить от рекомендаций. Они знают, кто вы такой?

– Конечно. И напали на нас целенаправленно. Кто-то донес им, что мы будем получать зарплату для рабочих. Вот они и решили получить ее всю сразу.

– Что они еще хотят от вас?

– Вроде бы так особо ничего, но думаю, они еще потребуют выкуп за меня.

– Вполне возможно. Их атаман-женщина, палец в рот не клади, свою выгоду не упустит. Ну, как говорят, утро вечера мудренее, поэтому давайте, насколько это возможно, хорошо отдохнем, а завтра уже определим наши дальнейшие действия.

Я жестом подозвал к себе одного из ребят, представил ан-

гличанину и поручил охранять его, а сам пошел осматривать сарай. Ведь никогда не знаешь, что может пригодиться. Изучая его и ощупывая стены, в свете изредка пробивающихся сквозь щели бликов костра я в дальнем углу нащупал в венце бревен, опоясывающих сарай, одно, которое шаталось из-за подгнивших стыковочных деревянных шипов. При определенных усилиях его можно было вывернуть, а учитывая, что оно находилось почти на земле, появилась возможность немного расширить проход и выбраться наружу. Зафиксировав это в своей памяти, я продолжил обход, но ничего более значительного не нашел, кроме пары крупных щелей в крыше сарая. Закончив это занятие, я подложив себе побольше сена, тоже решил отдохнуть перед неизвестностью, которая ожидала нас завтра.

Хоть мы и проснулись очень рано (как-то не спалось в плену), о нас вспомнили где-то в девятом часу утра. Бандиты только начинали отходить от ночной попойки и потихоньку заниматься делами.

Дверь сарая резко распахнулась, и в нее зашел один из сопровождавших нас вчера охранников с маузером в руке. Оглядев нас снисходительно, он, сплюнув на пол и повернувшись ко мне, произнес:

– Ну, ты, заводской, выходи, пойдем погутаим, – и повернулся на выход.

Я последовал за ним. Пока мы подходили к домику, я при дневном свете потихоньку стал изучать поляну, на которой

были видны следы вчерашней попойки. Вон на земле валяется бандит в обнимку с полупустой четвертью самогона, а вон стоит тачанка с пулеметом, из которой свесилась рука спящего там человека, слева – чадящий костер с остатками пиршества. Попадавшие навстречу бандиты имели опухшие лица и рыскали в поисках самогона, чтобы опохмелиться. Ни часовых, никакой охраны нигде не было видно.

Меня завели в горницу, посередине которой стоял стол, полный всякой еды. За столом сидела сама атаманша, в галифе с подтяжками и в распахнутой бязевой рубашке, сквозь которую просвечивалась ее плотная грудь. В одной руке у нее был стакан с простоквашей, в другой она держала вилку с куском мяса. Рядом сидели ее приближенные, громко чавкая набитыми ртами и хватая руками все, что лежало на столе.

Я подошел и молча встал возле стола. Она залпом выпила простоквашу и с интересом посмотрела на меня, затем перевела взгляд на сидевшего рядом и обгладывающего большую мясную кость бандита. Поймав ее взгляд, он поперхнулся, отбросил кость в сторону и, вытерев жирные руки о свои казачьи штаны с лампасами, встал и подошел ко мне.

– Ну, шо, голубь мой, как так оказалось, шо в бауле нема денег, куды ты их дел?

– Какие деньги, откуда, я ничего о них не знаю, – почти искренне удивился я.

– Ты мне егозу здесь не строй, – заявил он с другого бока, заставив меня повернуться.

– Да я, право, не знаю, о чем вы говорите. Да, действительно, управляющий поехал в банк за кредитом на зарплату, потому что деньги, которые были получены ранее, куда-то делись.

Услышав эти слова, бандиты ехидно ухмыльнулись от удовольствия.

– А я должен был договориться здесь об оборудовании для завода, поэтому приехал сюда заранее. Ну и позже увидел Свицына и учитывая, что все свои вопросы я здесь уже решил, то попросил его взять меня с собой. Но в самый последний момент управляющий передумал: то ли не было денег, то ли проблема с оформлением кредита – и решил остаться в Бахмуте, а я поехал в его фаэтоне в Юзовку. Да вот не доехал, – и я смущенно развел руками. – Так что с ним никаких разговоров о деньгах не было.

– Так я тебе и поверил, – и, развернувшись, он со всей силой он ударил меня в подбородок.

Я предугадывал его действия, и поэтому в момент удара чуть ушел в сторону, чтобы ослабить его, потому что пропустить его мне никак было нельзя. Подыграв ему, я, оттолкнувшись от пола, как бы впечатался в противоположную стенку, осев возле нее. Все засмеялись. Он, довольный произведенным эффектом, подошел ко мне и пнул пару раз сапогом по спине, довольно чувствительно, затем повернулся и посмотрел на свою начальницу.

Я понял, что мне нужно стабилизировать ситуацию, пока

она не решила, как поступить со мною дальше, и я, изобразив на лице плаксивое выражение, всхлипывая начал быстро говорить:

– Ну посудите сами, если бы были какие – то деньги, то они были бы со мной, а так вы проверяли и ничего ведь не нашли. Я даже не заглядывал в этот баул, он ведь не мой. У нас не принято копаться в чужих вещах.

Мой истязатель снова повернулся ко мне и занес над моей головой свою пятку, намереваясь ударить меня, однако его остановил резкий окрик атаманши:

– Хватит, а то испортишь его, а он мне еще может пригодиться, – и многозначительно посмотрела на меня. – Давай сюда тех двоих.

Мой охранник рывком поднял меня с пола и пинком отправил на выход, подталкивая сзади маузером. Я, как бы с трудом переставляя ноги, двинулся через поляну к сараю. Здесь стало более оживленно.

Дойдя до середины дороги, я услышал топот копыт и скрип приближающейся телеги. На поляну выскочил всадник, а чуть позже влетела телега, на которой сидело несколько человек. Всадник, соскочив с лошади, побежал в дом атамана, а приехавший народ стал разминать затекшие от сидения ноги. Увидев мое окровавленное лицо и заплетающуюся походку, они, как по команде, повернулись ко мне, и среди этой толпы я узнал своих ребят. Сделав им условный знак, обозначающий, что все в порядке, я прошел мимо них, за-

шел в сарай и растянулся на полу. Мой сопровождающий, забрав двоих моих соратников, повел их на допрос.

Когда дверь закрылась, все бросились ко мне, пытаюсь узнать, что же произошло. Я отмахнулся от них, сославшись на то, что мне надо прийти в себя, и забился в угол, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию.

Итак, начинался новый этап операции. Вся команда в сборе. Теперь им необходимо как можно быстрее внедриться здесь, чтобы выяснить положение вещей и помочь нам в побеге. Путь только один – по лесу. Но пешком далеко не убежишь, нужна телега. А даже не телега, а тот фаэтон с пулеметом, который я видел на поляне. И скорость, и защита тогда будут обеспечены. Обязательно будет погоня, поэтому надо определиться, как от нее уйти. Бандиты лес знают лучше нас, ведь многие из них местные, поэтому в этом случае преимущество будет на их стороне. Но несмотря на это операцию по спасению надо проводить завтра и лучше всего днем. Здесь может сработать эффект неожиданности, а ночью, хочешь не хочешь, человек более насторожен, а тем более бандит.

Вскоре с улицы послышались шаги, дверь открылась, и вошли мои ребята без единого синяка на лице. Подмигнув мне, они заявили остальным, что решили добровольно вступить в банду и пришли забрать свои вещи. Подняв с пола плащ и пальто, они вышли на улицу, оставив нас, четверых, со своими мыслями. Остальных на допрос не вызывали. И эта неизвестность действовала нам на нервы.

Ротмистр вскочил и стал шагами мерять сарай, то по прямой, то по диагонали, пытаясь привести в порядок свои нервы. Прапорщик подбрасывал вверх сено и ловил его ладонями. Купец молча затих, очевидно, пытаясь заснуть, а англичанин в упор смотрел на меня. Я ему доверительно сообщил, что все находится в стадии решения и попросил не волноваться зря. На это, конечно, была слабая надежда. Откуда он знает наши методы работы и то, что мое избиение – это запрограммированный фактор? И если бы оно не произошло, его надо бы было спровоцировать. При использовании этого метода более широко раскрываются замыслы и намерения противника, его приемы работы и возможности, которыми он располагает.

Ближе к обеду нам дали по глиняной миске какого-то супа и по куску житного хлеба. Запивали мы все это холодной колодезной водой, ведро которой нам поставили в углу сарая. После этого нас больше никто не тревожил. Мне оставалось только ждать, как там, за стенкой сарая, сложится ситуация у моих ребят. От этого зависела наша дальнейшая перспектива. Но в любом случае вырисовывалось два варианта: или прорываться напрямую с боем, или предпринять обходной маневр и выйти отсюда с наименьшими потерями.

Вечером из-за закрытых ворот сарая послышался шепот: – Господин инженер, господин инженер!

Я быстренько подскочил к щели между досками и приложил к ним ухо.

– Вы здесь, господин инженер? – это был Андрей.

– Да, что там случилось?

– Все в порядке, я подменил охранника минут на двадцать, поэтому докладываю. Устроились хорошо, свою роль сыграло то, что я тоже работал в цирке, нашлись общие знакомые, и меня кое-кто узнал. Степан вызвался завтра с утра чинить им пулемет, а то у них ленту заедает, поэтому он уже часов в семь будет на пулеметной тачанке и постарается запрячь лошадей, чтобы затем как бы проверить пулемет. Василий постарается сейчас залезть в постель к атаманше и в случае надобности в семь утра отключит ее, ну а Порфирий снимет охрану у сарая и будет прикрывать вас, пока не сядете в тачанку.

– Хорошо, – сказал я, – молодцы, только одной тачанки мало. Постарайтесь достать хотя бы парочку верховых лошадей, а то всех не увезем.

– А что, господин поручик, вы хотите взять и этих? – и он кивнул головой в сторону спящих на полу пленных.

– Ну не оставлять же братьев-славян здесь. Действуем по моему сигналу. Главное, вывести всех арестантов во двор по какому-нибудь поводу, тогда посадка займет меньше времени, которого у нас и так будет очень мало. Начинаем по взмаху моей руки. Оружие для себя я сам достану по ситуации. Важно, чтобы пулемет был исправен и заправлен патронными лентами.

– Все понял, господин поручик. Передам все ребятам, на-

деюсь, у нас это получится.

Отступить было уже некуда и я решил использовать оставшееся время, чтобы подготовить моих спутников к завтрашнему дню. Первому я объяснил ситуацию Чарльзу Гарольду. Надо отдать ему должное, он очень спокойно воспринял возможные последствия нашего побега. Затем, собрав в кружок оставшихся троих, предложил им присоединиться к нам. Жандармский ротмистр как опытный офицер сразу просчитал все возможные варианты и изъявил согласие принять активное участие. Прапорщик долго колебался, взвешивая все за и против, и в конце концов ответил осторожным согласием. А купец постоял немного молча, затем, сорвав картуз с головы и крикнув как человек рискованный, бросил его оземь со словами «где наша не пропадала» и пожал мне руку. После этого мы, отпустив гражданских, втроем уточнили детали участия этих двух офицеров в завтрашней кутерьме и стали устраиваться на ночлег.

Не успел я наладить свою постель, как в лесу недалеко от поляны раздался жуткий вой. Он начался с визга, затем перерос в однополосное звучание, которое постепенно набирало силу, поднимая жуткую тональность все выше и выше до тех пор, пока не начало закладываться в ушах. Этот вой сопровождал нас всю ночь: начавшись в одном месте, он внезапно прерывался, чтобы снова зазвучать уже в другой стороне, причем на той тональности, на которой был прерван ранее. Это не был волчий вой, порой визгливый, иногда переходя-

щий в лай. Это было что-то другое, непонятное и необъяснимое, которое заставляло трепетать поджилки и сжиматься от страха. Наружу вылезали первобытные инстинкты и заставляли интуитивно искать место, куда можно спрятаться. Каково же было нашему охраннику там, снаружи, если мы внутри за толстыми бревенчатыми стенами, не знали куда деться. Как впоследствии оказалось, он от страха упал в обморок и обмочился в штаны.

Я понимал, что этот вой имеет прямое отношение ко мне и предупреждает меня о чем-то, о чем я еще не догадываюсь. Очевидно, в моих действиях был заложен большой скрытый смысл, который представлял смертельную опасность для кое-кого, что из глубины веков были вызваны к жизни первобытные силы, сметающие все на своем пути. Но этот кто-то, очевидно, не учел, что сегодня существовали и более мощные защитные механизмы и барьеры, не дающие этим силам действовать в полном объеме. Короче говоря, эта ситуация была нам на руку. Под утро вой прекратился, и испуганный, и в усмерть уставший народ завалился спать, давая нам возможность более спокойно начать свои активные действия.

Мои ребята, конечно, тоже были напуганы, но как наиболее подготовленные к различным необычным ситуациям они быстро пришли в себя и стали играть расписанные заранее роли.

Степан быстро поймал испуганную воем тройку лошадей и запряг ее в пулеметную тачанку. Эти красавцы кони в свое

время были экспроприированы бандой в немецкой колонии. После этого он сел к пулемету, быстро снял затвор, передернул его пару раз, постучал молоточком и снова поставил на место, зарядив туда пулеметную ленту, и направил его в сторону дома. Еще три коробки с патронными лентами стояли сбоку пулемета.

Порфирий тоже не терял времени даром: увидев стоящий недалеко от сарая тарантас, он запряг туда лошадь и подъехал поближе к дверям сарая. Редкие бандиты, попадавшиеся на пути, не обращали на них никакого внимания, так как искали место побезопаснее, чтобы хоть немного поспать. А охранник валялся перед входом в сарай без сознания, разметав руки и попахивая чем-то очень знакомым каждому с детства.

Наконец, когда все уже было готово, Андрей подбежал к сараю и одним ударом выбил клин, закрывавший дверь. К этому времени мы все были готовы и, как только дверь открылась, бросились вперед. Англичанину, купцу, жандармскому ротмистру и прапорщику я приказал садиться в тарантас к Порфирию, все остальные оккупировали тачанку. По пути я подхватил карабин часового и бросил его ротмистру. Оставался Василий, по сценарию находившийся в «гостях» у атаманши.

Махнув рукою Порфирию, чтобы он, пока нет суматохи, потихоньку выбирался на дорогу, я кивнул Степану, который призывно свистнул. Этот свист заставил одного из бандитов

повернуть голову в сторону свистевшего. Увиденное привело его в шок, и он громко закричал, хватаясь за револьвер, за что сразу получил пулеметную очередь в живот, разрезавшую его пополам. Это послужило сигналом к осмыслению ситуации бандитами.

Масла в огонь добавил Василий, который внезапно вывалился из окна вместе с рамою и побежал к нам в неглиже, держа в руках свою одежду. Следом за ним на крыльцо выскочила Маруся и с криком «Стой, сволочь!» стала палить в него из револьвера. Однако пулеметная очередь, просвистевшая рядом, заставила ее, ругающую на чем свет стоит Василия, спрятаться в доме. К этой стрельбе постепенно присоединялись и другие бандиты, ведя пока беспорядочный неприцельный огонь.

«Хорошо, что Порфирий вовремя уехал, – подумал я. – А то неизвестно, как все еще бы было».

Наконец Василий, добежав до нас, ввалился в тачанку, и Андрей, гикнув, бросил ее на лесную дорогу. Кони, напуганные стрельбой, неслись вовсю. Мы, как могли, уворачивались от веток, которые хлестали нас со всех сторон. Погони пока не было. Минут через пять мы догнали мчавшийся впереди тарантас, на котором все пассажиры, слава Богу, были в добром здравии. Я приказал чуть сдерживать лошадей, а то неровности этой лесной дороги могли повредить колеса наших экипажей, и тогда пиши пропало.

Вдруг неожиданно слева от прогалины раздались выстре-

лы. Из нее наперерез нам выскочило четыре всадника, стрелявшие в нас на ходу. Я схватил лежащий рядом карабин и открыл стрельбу по всадникам. С тарантаса мне своим огнем стал помогать ротмистр. Пулемет в этой ситуации был бесполезен. Мы не могли его развернуть на нужный нам угол обстрела. Примерно после десяти выстрелов мы урегулировали ситуацию и продолжили наше бегство к свободе. Из наших пассажиров никто не пострадал, они снова отделались легким испугом.

Не успели мы проехать еще метров триста, как сзади раздался топот копыт, и на дорогу вылетело человек семь верховых, с улюканьем приближавшихся к нам. Тут уж в полную силу заработал пулемет. Очевидно, бандиты не надеялись, что наш мастер так быстро его исправит. Я попросил Василия, который правил тачанкой, притормозить и на ходу перепрыгнул на лошадь, которая, потеряв всадника, скакала сбоку тачанки. К ее седлу была приторочена деревянная кобура с маузером. Лошадь, почувствовав всадника, повела себя более уверенно и я галопом поскакал вперед. Больше нас никто не преследовал, и мы минут через тридцать выехали на то самое место, где были захвачены в плен.

Впереди лежал Бахмут. Перед въездом в город мы привели себя в порядок. Только я насчитал в своем платье четыре пулевых отверстия, имелись отметины и у остальных. Бросив пулемет в лесу, приведя его в негодность, мы неспеша въехали в город на двух экипажах. Оставив их на одной из

улиц пешком добрались до железнодорожного вокзала и где-то через час выехали в Юзовку. Ротмистр перед этим распрощался с нами на вокзале и, забрав юного прапорщика, отправился в полицейский участок.

Вагон на этот раз был заполнен до отказа. Благо, мы при посадке успели занять две лавки при входе и почти с комфортом расположиться на них. Да собственно говоря, никто особо и не пытался пристроиться на наши места, учитывая наш помятый внешний вид и оружие, которое имелось у нас.

Мерно раскачивающийся вагон отправил всех нас в дремоту, где-то граничащую со сном. И если мои спутники отдались во власть этой стихии, учитывая пережитое, то я позволить себе этого не мог. И хотя глаза неимоверно пытались закрыться, я прилагал максимум усилий, чтобы не допустить этого. Единственное, что развеселило нас, так это ситуация с Василием, касающаяся его взаимоотношений с атаманшей. Всегда любивший подначивать Степан задал вопрос об этом Василию. Тот сначала засмутился, а затем, махнув рукой, повернулся к нам и поведал следующее.

Как было ему определено нашим планом, он с энтузиазмом взялся выполнять порученное непростое задание. Начал кружить вокруг своего объекта, строить глазки, говорить комплименты, пытался подержаться за ручку, чтобы установить личный контакт. Однако все было напрасно.

Во-первых, ее окружение постоянно мешало этому процессу, ревностно относясь ко всем его попыткам контакта.

Во-вторых, сама Маруся, хоть и была анархисткой, но в отношениях с мужчинами придерживалась определенных правил, а проще говоря, устанавливала очередь из тех, кого она сегодня желала бы. И вот в порядке эксперимента первым в ее списке в тот день должен был оказаться я. Поэтому она и запретила дальнейшее избивание меня, чтобы не портили внешний вид, а кровь и синяки, наоборот, возбуждали ее и активизировали ее женскую натуру. И, наконец, в-третьих, она как женщина отвыкла от нормального ухаживания и привыкла сама брать то, что ей надо.

Василий долго думал, чем затронуть ее очерствевшую душу. И в конце концов пошел в лес и нарвал большой букет весенних цветов, сложив их в определенную цветовую гамму, которая затрагивает женское сердце. Дело в том, что все мы живем в разном цвете, который находится внутри каждого из нас, поэтому, одеваясь в тот или иной цвет, мы пытаемся обратить на себя внимание и выразить свое внутреннее состояние и потребность. Точно так же и наши мысли и эмоции имеют свой цвет, в зависимости от их содержания. Прочитав по цвету одежды ее внутреннее состояние, Василий понял, что ей надо, и после обеда нагло ввалился с букетом к Марусе и преподнес его ей, стоя на одном колене, как греческой богине Диане. Она была в шоке и чуть не расплакалась, схватив букет и убежав в другую комнату, а окружающие ее помощники стояли с открытым ртом, не понимая, что произошло.

Чтобы не обострять ситуацию, Василий быстро ретировался, а вечером получил приглашение посетить спальню Маруси. Вот тут-то начинается самое интересное. Привыкшая к грубой и быстрой любви Маруся, оказалось, была не готова к тому, что предложил ей Василий, а он был знатоком по этой части и получил специальное обучение, в том числе и в лучших салонах Парижа. Маруся впервые почувствовала себя не инструментом для любовных утех, а женщиной со всеми вытекающими последствиями и подняла сама себя на очень большую высоту, осознав, что она может управлять и дарить счастье мужчинам. Когда она овладела языком своего тела и соединила все это со своими эмоциями, перед ней открылся совершенно новый чувственный мир, из которого она никак не хотела возвращаться на грешную землю. Это доставило Василию кучу хлопот, потому что обороты, которые набирала Маруся под воздействием его любви, были на пределе его возможностей. Это еще было связано и с тем, что он полностью не мог освободить свое подсознание, которое постоянно напоминало ему о его задании и контрольном времени, которое он не должен пропустить. Все это снижало его любовную активность и заставляло постоянно контролировать свои действия и методики по отношению к Марусе.

В итоге, увлекшись, он пропустил-таки назначенное время, и наш свист застал его в тот момент, когда Маруся, ослабленная от любовных утех, крепко обняв его, собиралась улететь в заповедье, а в нем сработал условный рефлекс, и

он, бросив все манипуляции, соскочил с кровати и бросился к выходу. Мария, шокированная этим, голая, бросилась ему наперерез, однако он отбросил ее в сторону и попытался открыть дверь, которая оказалась закрытой на ключ. Понимая, что времени у него нет совсем, Василий кинулся к окну, а ошарашенная Мария – за револьвером и с криком «Стой, сволочь!» начала целиться в него. Тогда Василий, схватив одежду, спиной выбил окно и рванулся к нам, сверкая голыми ягодицами, а разъяренная и покинутая Мария открыла по нему огонь, целясь в определенную часть его тела. И только наше вмешательство, когда Степан щадящей пулеметной очередью прикрыл Василия, спасло его по крайней мере от ранения, я уже не говорю об остальных возможных для него последствиях.

Этот рассказ прерывался взрывами хохота и уточнением различных пикантных тонкостей взаимоотношений Василия и Марии. Его бесхитростный рассказ частично снял нервное напряжение, в котором все находились, и подготовил людей к отдыху.

В Юзовку мы благополучно прибыли под вечер. Доставив нашего друга домой в Английскую колонию и договорившись с ним о выезде завтра поездом в Крым (что он после пережитого воспринял с большим удовлетворением), мы отправились к себе на отдых.

В гостинице я заказал горячей воды и целый час отмокал в ванной, предаваясь неге и размышлению. Пока, несмотря

на определенные проблемы, все двигалось более менее нормально, и часть поставленных задач была уже решена. Оставалось приложить еще немного усилий, и мы достигнем поставленной цели. Но враг ведь тоже не дремал. И последние события были ярким свидетельством его действий и намерений. Расслабляться не было времени, наоборот, необходимо было форсировать события, поэтому приняв решение с утра нанести визит Свицину, я отправился спать, чтобы восстановить силы, которые будут мне ой как нужны для путешествия в Крым.

У Свицына, который был уже в курсе происшедшего, под окнами гудела толпа рабочих с требованиями зарплаты, хлеба и власти народу.

Рассматривая эту картину в окно, управляющий сказал:
– Я все понимаю, зарплата – да, еда, то бишь хлеб, – да. Но власть-то зачем? Если они получают власть, то не будет ведь ни денег, ни еды. Они думают, что так легко управлять? Особенно сейчас, когда везде все связи разорваны, нет никакой системы взаимоотношений, которая складывается годами... не понимаю.

– А они не понимают вас. Им кажется, что все очень легко и просто.

– А вы думаете, это просто так они собрались? Вы думаете, они не знают, что я все-таки взял кредит и им будет зарплата? Нет, они все знают, очень хорошо знают и знают, чего хотят, вот поэтому и расшатывают те доверительные отно-

шения, которые у нас тут сложились. Именно для таких случаев наш мудрый основатель завода сделал для себя подземный ход из заводоуправления к своему дому и не раз спасался благодаря ему. Мудрый был старикашка. Да, завтра будет еще сложнее, завтра может быть прямое столкновение. Поэтому вы правильно делаете, что уезжаете сегодня. Я рад, что вы освободили Чарльза Гарольда, теперь и мне будет поспокойнее.

– И вам спасибо за поддержку и участие, без вас у нас ничего бы не вышло, – сказал я, крепко сжимая его руку. – Будете в Петрограде, милости прошу, чем смогу, тем помогу.

И мы расстались, довольные друг другом.

На том же рысаке я заехал за Гарольдом, благо английская колония была недалеко. У него был стандартный добротный дом, с уютным двориком, засаженным цветами. Хозяин, заслышав стук колес, сам вышел встречать меня на крыльцо. Поздоровавшись, мы зашли в уютную гостиную, оклеенную веселыми обоями. Здесь я официально представился и предъявил Чарльзу Гарольду свои полномочия в виде часов-брегета. Он взял их в свои руки, внимательно осмотрел, особенно серийный номер и фотографию царицы.

– Да, все в порядке, это то, о чем мне сообщали из Англии, – сказал он мне, возвращая брегет.

– Тогда прошу вас по прибытии туда официально засвидетельствовать мои полномочия во всех инстанциях, – попросил я.

– Не извольте сомневаться. То, что вы сделали невозможное, освободив меня из этого варварского плена, является лучшей рекомендацией. Можете всегда рассчитывать на мою помощь и поддержку.

– Премного благодарен, – ответил я. – Ну а теперь, если вы готовы, давайте выдвигаться на вокзал.

Он надел пальто и шляпу, и мы вышли во двор, где слуга уже грузил его вещи в фаэтон, перевязывая их ремнями. Когда все было закончено, мы уселись в мой экипаж, а фаэтон с вещами поехал сзади. По пути мы разговаривали о наших делах в Великобритании. Он пообещал свести меня с людьми, имеющими большой вес и значение в политической жизни страны, и выразил уверенность, что со мной захочет встретиться король Англии.

– Я думаю, это будет трудная аудиенция, если она состоится.

– Почему? – очень живо отреагировал Чарльз.

– Да потому, что мне будет сложно держать себя в руках и не высказать ему все, что я думаю, зная, что он отказал официально принять в Англии царскую семью.

– Ну, как вы понимаете, это официальная версия, чтобы успокоить население, но есть и неофициальные. И я думаю, как раз об этом будет вестись разговор, – разъяснил мне ситуацию мой собеседник.

– А что пишут ваши газеты об этом?

– Как и везде. Одни осуждают короля за такое решение,

другие поддерживают, ну а третьим никакого дела нет до этого. Так что, я думаю, речь пойдет о каких-то неофициальных действиях и предложениях, которые, как вы уже видите, ведутся вовсю.

«А ты еще та штучка, – подумал я, – не простой финансовый советник, раз располагаешь такими сведениями. Если бы не владел соответствующей инфомацией, то и не говорил бы по этому поводу. Да, с ним ухо надо держать востро. Такая информация может идти только с самых верхов. Значит, связи у него серьезные, и мне надо будет постараться их использовать достаточно активно».

Крымские сонеты

Вскоре мы плавно притормозили у здания вокзала. Здесь нас встретили ребята, которые отнесли вещи в зал ожидания и сложили их у деревянной лавки, которую заняли заранее. Пока мы ожидали состав, беседуя с Гарольдом, ребята стали полукругом возле нас, охраняя от возможных неожиданностей.

Через некоторое время подали состав. Он был почти такой же, как и тот, на котором мы приехали сюда. Единственным отличием было то, что грузовые вагоны, которых было больше, доверху были загружены углем и накрыты сверху брезентом, чтобы при движении угольная пыль не попадала в пассажирские вагоны. Разобрав чемоданы и баулы,

мы согласно проездным документам, загрузились в пятый вагон, вежливо попросив с наших мест нескольких, нагло-го вида личностей. Они хотели было огрызнуться на Чарльза, который вошел первым, но увидя остальных его вооруженных попутчиков, сочли за благо мгновенно ретироваться. Вагон был купейный, поэтому мы заняли два первых купе, не пуская туда никаких посторонних. Пока мы возились с вещами, пристраивая их на полках, поезд тронулся потихоньку, оставляя за собой юзовский поселок, в котором нам пришлось пережить немало острых моментов.

Симферополь встретил нас ярким солнцем и свежим ветерком, который нес запах моря и голубого неба. Выгрузив вещи, я зашел в комендатуру, отметился там и поблагодарил моих знакомых за помощь. Свободного транспорта у них не оказалось, и мне пришлось идти в извозчицкий ряд, чтобы договориться по поводу поездки в Алупку. Поторговавшись, я нанял за двадцать рублей два экипажа и тарантас для перевозки вещей. Извозчики лихо подкатили к вокзалу и, погрузившись, мы тронулись в путь.

Впереди шел экипаж с ребятами, затем следовали мы с Чарльзом и замыкал нашу маленькую колону тарантас с вещами. Отдохнувшие лошадки бодро тянули возки, постепенно поднимаясь вверх к горам. Наконец мы достигли пика горного перевала, и дорога, петляя, как загнанный заяц, резко пошла вниз, как бы стремясь как можно быстрее вырваться к морю.

Навстречу нам попадались арбы, крестьянские телеги, экипажи и авто. Такой же поток двигался и сзади нас. Особенностью этих горных дорог было то, что они имели узкое проезжее полотно и разъезжаться со встречным потоком транспорта было достаточно сложно, не говоря уже об обгоне.

Иногда во встречном движении попадались просветы, и тогда извозчики увеличивали скорость движения. Наконец мы подъехали к самому сложному участку дороги, где часты были обвалы и оползни. Из-за этого он просел и перекопился. Мало того, он завершался очень крутым поворотом, перед которым был специально устроенный тупиковый тормозной карман, упирившийся в нависшую над дорогой гору.

Когда мы почти подъезжали к этому карману, навстречу нам с горки выскочил грузовик, перевозивший какие-то ящики. Впереди него не было никакого транспорта, и поэтому водитель ехал не очень осторожно. Все с опаской стали посматривать на это авто, которое уже проскочило половину дороги до опасного поворота. Шофер, очевидно, хотел набрать скорость, чтобы побыстрее преодолеть открывающийся перед ним подъем и быстро взобраться наверх.

И вдруг у нас над головой, на вершине скалы раздался ружейный выстрел. На наших глазах у грузовика отскочило переднее колесо, помчавшееся вперед само по себе. Грузовик резко развернуло, бросило набок и он, кувыркаясь, помчался по дороге прямо на нас. Мы, продолжая двигаться по инер-

ции, с ужасом наблюдали, как грузовик несется на нас, разбрасывая по пути груз, все убыстряя свое движение. Столкновение казалось неизбежным.

Вот грузовик догнал и снес в обрыв ехавшую впереди него телегу. Это чуть затормозило его движение вниз. Он, словно испугавшись содеянного, поднялся на дыбы, как бы выбирая следующую жертву, которой должны были стать мы. В этот самый момент я вышел из оцепенения от увиденного и с криком «Быстрее в карман!», который был как раз возле нас, перехватил вожжи у извозчика и рванул лошадь туда. Точно так же поступили фаэтон с ребятами и тарантас. Этих секунд нам хватило, чтобы укрыться под скалами, буквально втиснувшись туда, почти давя друг друга, как грузовик буквально в сантиметре пролетел мимо тарантаса с вещами и впечатался в скалу рядом с нами, разлетевшись во все стороны и своими осколками поражая ехавший сзади нас транспорт.

Движение остановилось. Когда грохот стих, мы выбрались из своего убежища, оказали помощь раненым, а затем продолжили свой путь, держа оружие наготове и внимательно осматривая опасные участки и горные склоны.

Однако до самого дворца больше ничего не произошло. Само провидение спасло нас. Подоплека действий противной стороны была понятна. Нас не хотели выпускать из страны, ведь дело стало приобретать масштабный характер. Если раньше противостояние касалось двух сторон, то теперь в действие вступала третья сторона. И моему противнику при-

ходилось распылять свои силы, что ослабляло его позиции.

Приехав в Алупку, я обратил внимание на беспорядок, царящий во дворце, и военных, которые там находились. Как рассказал встречавший нас управляющий, на дворец совершила налет группа анархистов. Одетые в морскую форму, они с двух сторон атаковали дворец. Одни высадились на баркасе со стороны моря, другие ворвались через ворота, вопя и стреляя в воздух. Все могло бы закончиться очень плачевно, если бы не счастливый случай.

Буквально в это время в Алупку на расквартирование входил казачий эскадрон. Услышав выстрелы есаул дал команду проверить, в чем там дело. Когда ему доложили, он развернул эскадрон и в пять минут выбил бандитов со дворца. Они бежали, бросая оружие и бескозырки. Никакие это были не моряки, просто переодетая шпана. Часть из них попала в плен, и теперь по этапу отправлена в Симферополь для выяснения. Об этом событии во дворце напоминали щербины от пуль, оставленные на стенах, да сорванные с петель двери. Их в первую очередь интересовало золото, серебро и какие-то ящики. Это уже потом рассказала прислуга, которую они захватили в плен. Так что, судя по всему налет был не случайным, а заранее спланированным.

Чарльз, шокированный увиденным и недавно пережитыми нами событиями, схватился за голову, бормоча себе под нос:

– Кошмар, какой кошмар! Как далеко здесь до цивилиза-

ции, как долго это будет продолжаться и что из этого получится? – и вопросительно посмотрел на меня.

– У меня нет ответов на ваши вопросы, Гарольд. Я тоже хотел бы это знать. Почему вполне благополучная страна в один момент оказалась в пучине хаоса, ненависти и неприязни друг друга? Может быть, каждая страна проходит через такие коллизии? Ведь и в Англии в былые времена происходило что-то наподобие того, что происходит сейчас в России. А причины могут быть разные, все зависит от характера, культуры и взаимоотношений, которые складываются в том или ином обществе. Но все равно от этого нам не легче.

Слушавший наш диалог управляющий улучил момент и, прервав нашу беседу, предложил отдохнуть после трудной дороги и пригласил на обед. Я, извинившись, пошел в свою комнату, куда уже занесли мои вещи, а Чарльза повел сам управляющий.

Часа через два мы были приглашены на обед. Он, как и все в этом доме, проходил в английском стиле, при свечах, с бутылкой шампанского, которая мирно прохлаждалась под стружкой холодной воды в большой искусственной раковине прямо возле обеденного стола и приобретала в связи с такой сервировкой особый шарм. Это так понравилось Гарольду, что он серьезно подналег на этот божественный нектар, который сделал его более раскованным и очень любезным с графиней. В основном беседа шла между ними. Они нашли общих английских знакомых, и весь их разговор крутился

вокруг них.

Одной бутылки оказалось мало, и по знаку управляющего в раковине появилась еще одна, более восхитительная на вкус. Дело в том, что каждое вино имеет свой градус охлаждения, и для того, чтобы оно одарило вас своим ароматом и вкусом, надо знать его. И тогда оно само как бы тает во рту и дарит нам радость его восприятия, тем более шампанское. Если Европа пьет его в натуральном, сухом виде, то напиток, которым угощали Гарольда, был полусухим и достаточно выдержанным. Его вкусовые качества были с восторгом восприняты им, и он, отпустив все тормоза, с удовольствием вливал в себя бокал за бокалом, ощущая всем своим телом, как холодные ирсыщающиеся пузырьки проходят по его внутренностям, придавая ему радость и наслаждение. Это было видно по его лицу. Глотнув из бокала, он как бы замирал, прислушиваясь, как шампанское идет по его пищеводу, затем довольно крякал и открывал глаза, продолжая беседу.

Я почти не вмешивался в их разговор. Быстро поев, я извинился и вышел во двор, чтобы немного пройтись и продумать завтрашний день, день нашего отъезда. Сегодня вечером мне необходимо будет выйти на связь с английским крейсером и оговорить время погрузки на корабль. Днем это делать было нельзя, слишком много любопытных глаз, а вот вечером, эдак часиков в девять, можно было бы и начать эвакуацию. С нами должна была отправиться и графиня, а управляющий оставался здесь приглядывать за именем.

Я медленно спустился к морю, затем потихоньку прошелся по парку, а потом, поднявшись мимо львов к восточному входу, зашел в зимний сад, где присел на скамейку и попытался расслабиться. Мягкий, насыщенный ароматом цветов воздух, дополняемый неназойливым щебетанием птиц, способствовал этому.

Минут через десять я вошел в свое подсознание, постепенно очищая его от всего лишнего, и расширил проход вверх к вершинам видения будущих событий. Это примерно как медитация у йогов, только она немножко отличается приемами достижения цели и задачами, которые ставятся. Если для них главное – путешествие, то для меня было главным найти ответы на вопросы о будущих событиях и возможных действиях с моей стороны. Слишком многое было поставлено на карту, и по мере моего продвижения вперед с противоположной стороны усиливалось и противодействие всем начинаниям, поэтому надо было разобраться, что может ждать нас впереди.

Сначала перед мной за клубилось облако, накрывая меня с ног до головы, затем сплошной туман сменился отдельными кучевыми облаками, которые по мере продвижения вперед стали приобретать какие-то формы, напоминающие то животные, то человеческие фигуры. Они летели мне навстречу, то крутятся, то переворачиваясь, то раскинув руки, словно пытаясь приостановить меня в моем движении вперед. Прорвавшись сквозь них, я вылетел на белоснежно-голубую вод-

ную гладь, по которой стремительно летела красавица шхуна под голубыми парусами, мощно рассекая волны, плавно уходящие вдаль от ее бортов. На шхуне было заметно какое-то движение. Я опустилсЯ пониже и попытался рассмотреть, что там происходит.

Когда я завис над мачтами, то, к своему глубокому удивлению, увидел себя стоящим на капитанском мостике и глядящим в подзорную трубу куда-то вдаль. Рядом стояли мои компаньоны и о чем-то оживленно вели разговор. Но я их не слышал, а они меня не видели. Специфика этих вхождений в другой мир состояла в том, что ты мог видеть, присутствовать при событиях в прямом и переносном смысле, но говорить и слышать не мог. Здесь все происходило как бы на самом деле, и в то же время было что-то не так, необходимо было учиться правильно разбираться в том, что ты видел и какие действия там происходили. Общаться с «живущими» там личностями можно было только телепатически, что было дано не каждому.

Корабль продолжал мчаться уверенно вперед, подгоняемый попутным ветром. Вдруг капитан засуетился на мостике, показывая что то своим спутникам на горизонте. Те внимательно стали смотреть в то место, которое он обозначил. Заинтригованный, я поднялся повыше, чтобы рассмотреть, что же там такое они увидели, и замер от удивления. Навстречу шхуне мчался огромный кит, выбрасывая струи воды в пространство над собой, которые с грохотом падали об-

ратно вниз, образуя в воде воронки больших размеров. Его скорость была огромной, и когда он вылетал из воды, то поднимался над ней на несколько метров и с шумом падал обратно, расплескивая ее во все стороны, словно в бассейне.

Казалось, катастрофа неминуема, времени для маневра у шхуны уже не было. Как раз в это время подул очень сильный ветер, и на моих глазах шхуна в тот момент, когда кит ушел в очередной раз под воду, поднялась в воздух и пролетела над чудовищем, приводнившись с другой стороны. Кит, казалось, не заметил этого и упорно мчался вперед к ему одному известной цели.

Что дальше произошло, мне не удалось узнать, так как я внезапно снова попал в туман и ощутил себя сидящим на скамейке. Очевидно, сказались треволнения последних дней, и я, еще полностью не отошедший от них, не смог удержаться в этом пространстве. Не хватило энергии, но и того, что я увидел, было достаточно, чтобы сделать кое-какие выводы. Тем не менее все должно закончиться нормально, за исключением каких-то мелких препятствий или происшествий, которые будут не в состоянии помешать мне осуществить задуманное.

Проходя мимо гостиной в свою комнату, я заглянул туда с тем, чтобы еще раз напомнить Чарльзу о завтрашнем дне, но увидев его в образе джентльмена, сыпавшего комплименты графине, не решился сделать это. А графиня, вся раскрасневшаяся, томно внимала его словам и смотрела на него с

вождедением. Это придавало ему силы и означало негласное разрешение на более близкое общение, что он и делал, периодически вскакивая и целуя ручки графине.

«Не буду мешать», – подумал я и тихонько закрыл дверь, намереваясь отправиться в свою комнату и хорошенько выспаться. Глянув на брегет, я понял, что это естественное желание придется оставить на потом. На часах было уже начало десятого.

Взяв у управляющего ключ от башни, я открыл заскрипевшие двери и, тщательно закрыв их за собою, поднялся по винтовой крутой лестнице наверх. На смотровой площадке я открыл окно и выглянул наружу, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо неожиданностей. Но все было спокойно, волны тихо плескались внизу, словно переговариваясь друг с другом, а над ними на иссиня-черноватом небе поблескивали яркие звезды, изредка поглядывающие на свое отражение в морской воде. В природе чувствовалась какая-то умиротворенность и нега. Но мне нельзя было поддаваться этому очарованию: стрелка часов – на цифре десять.

Я повернулся в сторону моря, чуть приподнял голову и, сжав виски своими руками, начал ментальный сеанс обмена паролями. Мои мысли уходили в пространство и искали контактера на пути следования. Не зная точно координат крейсера, я менял направление мыслепотока до тех пор, пока не начало покалывать в голове и не появилось ощущение, что кто-то чужой пытается войти туда. Проверив пароли, я узнал

мыслепочерк моего контактера.

Оказалось, что они поменяли дислокацию по каким-то причинам и стали на якорь южнее Алупки. Завтра ночью намечено отплытие эскадры по команде из адмиралтейства, и поэтому он очень рад, что у нас все в порядке, и готов эвакуировать нас с девяти до десяти вечера. Учитывая, что нас немного, мы будем вывезены на мотоботе, который подойдет к причалу около девяти часов. Желательно, чтобы мы были уже готовы: пока погрузим вещи, доплывем до крейсера, как раз будет десять часов.

В заключение он сообщил, что по прибытии на корабль он приглашает меня и Чарльза Гарольда в кают-компанию на рюмку настоящего шотландского виски. Я поблагодарил его за четкую работу и приглашение и сообщил, что доведу это до сведения Чарльза.

Окончив сеанс, я немного постоял, приходя в себя от напряжения. Дело в том, что чем дальше расстояние до нужного вам объекта, тем больше приходится тратить энергии на переговоры. Сложность заключается в том, что по пути наших мыслей возникает всегда очень много препятствий. Если это в населенном пункте, то препятствием являются мысли других людей, общающихся между собой, думающих, страдающих. Все это создает такой мысленный туман, который обволакивает всех. Я уже не говорю об энергетических вампирах, которые так и выжидают, где бы чем поживиться, и иногда перехватывают нашу почту. Но принять ее еще можно, а

прочсть – нет. Нужна специальная программа, которая закладывается в каждого из нас. Ну а если где-то по пути идут словесные баталии, то там появляются энергетические воронки, и при прохождении ментограмм они просто засасываются безвозвратно туда. Короче говоря, препятствий много, и поэтому приходится напрягаться очень сильно, когда хочешь качественно доставить сообщение по адресу. Хорошо, что здесь у меня чистый морской воздух, и мне не пришлось очень сильно напрягаться, но все равно голова очень болела.

Выждав еще минут пять, я потихоньку спустился с лестницы, закрыл башню на ключ и отправился в свою комнату в надежде, что в этот раз мне никто не помешает выспаться. Но, как понимаете, «Надежда юношей питает...».

Только я намеревался принять горизонтальное положение, как раздался стук в дверь. Ничему не удивляясь, я снова быстро оделся и, взведя курок револьвера, резко открыл дверь. За дверью, не устояв на ногах, на меня сразу свалился сэр Гарольд собственной персоной. Хорошо, что реакция у меня доведена до автоматизма и я не угасил его из своего нагана, моментально вникнув в ситуацию. Он был хорошо под шафе. В одной руке держал бутылку шампанского, в другой – два фужера из богемского стекла.

– Мой дорогой друг, – сразу заявил он, ввалившись ко мне в комнату. – Не изволите ли поддержать компанию пожилому ловеласу?

– Да полноте вам, – ответил я, незаметно пряча револьвер.
– Какой же вы пожилой? Были бы пожилым, так дамы на вас не цеплялись бы.

– Вы так думаете? – ответил он, пялясь на себя в зеркало.
– Я вот, что хотел спросить у вас, – и он начал откупоривать бутылку, поставив фужеры на столик для игры в карты.

Бутылка долго не открывалась и, когда наконец это произошло, раздался выстрел, и пробка, вылетев из бутылки и стукнувшись в стенку, закрутилась на полу. Шампанское пенной струей ударило вверх и оттуда, не достигнув потолка, вернулось шипящим потоком на его костюм и мои сапоги. Ничуть не смутившись содеянным, он разлил оставшееся в бутылке по фужерам и, взяв один в руку, второй пододвинул мне.

– Если я скажу в Англии, что я у графа Воронцова купался в шампанском, мне никто не поверит. Так пускай этот костюм будет моим доказательством, – и он поднял фужер.
– Мой дорогой друг, позвольте вас так называть, я хотел бы поднять этот бокал прекрасного шампанского за вас, за вашу храбрость, доблесть, ваше умение всегда найти приемлемое решение возникающей проблемы. Мне очень приятно, что случай познакомил нас, и я был приятно удивлен, что еще имеются такие молодые люди. Короче говоря, за вас, – и он залпом выпил шампанское.

Затем поставил фужер на столик и уселся в стоящее рядом кресло.

– Как вы думаете, молодой человек, вам бы не хотелось продолжить службу в армии Его Величества, учитывая ту ситуацию которая сложилась в вашей стране? Нам такие люди нужны. Я сразу определил, что вы по воспитанию и поведению истинный джентльмен. Вы проповедуете те же идеалы, что и мы, так почему бы нам не играть в одной команде?

«О, – подумал я, – начинается...». А сам ему ответил:

– Мы и так уже играем в одной команде, да и простите, сэр, ваша должность, насколько я знаю, не предполагает раздавать такие предложения.

– Как знать, как знать, – и он хитро улыбнулся. – Но все это в будущем, а сейчас я хотел вас спросить, как джентльмен джентльмена, может ли такой старый рыдван как я, понравиться графине? Чудесная женщина и собирается жить в Англии. И я, признаюсь честно, уже давно не связан брачными узами. И вот вроде бы появляется шанс изменить эту ситуацию, если я, конечно, завоюю ее сердце.

– Я вам честно скажу: такой джентльмен, как вы, не может не нравиться дамам. Они очень четко различают кто есть кто. И по тому впечатлению, которое, как я видел, вы произвели на нее, у вас впереди открывается много перспектив. Так что, все зависит от вас.

– Правда, вы так считаете? – и он обрадовался, как мальчик. – Вы извините меня за вторжение, – и он, откланявшись, быстро побежал в свою комнату.

Закрыв за ним дверь, я без лишних слов рухнул на постель

и улетел сразу в поднебесье.

Утром просыпаться не хотелось. Но слуга по английским традициям настойчиво приглашал на завтрак. Учитывая присутствие сэра Гарольда, пришлось подчиниться. Мы мило поболтали за столом о чудесной погоде, о предстоящей поездке и разошлись каждый по своим интересам. Он пошел совершать утренний променад с графиней, а я пошел к своей команде, чтобы подготовить ее к нашим дальнейшим действиям.

Ребята уже позавтракали и бездельничали под ярким и теплым крымским солнцем. Мы вышли в парк и, прогуливаясь по нему, говорили и прикидывали наши будущие действия. Я сообщил им, что вечером состоится эвакуация и я уезжаю в Англию. Сколько я там пробуду – неизвестно, но постараюсь как можно скорее решить все вопросы и вернуться сюда. Им, чтобы не вызывать лишнего любопытства, предстоит сегодня побездельничать, помочь с отъездом, а завтра самостоятельно отправиться в Петроград, где они должны будут контролировать ситуацию вокруг царской семьи и готовиться к возможным действиям по их переезду в Англию или любую другую страну. Лишний раз не высовываться, вести себя тихо и постараться завести знакомых и друзей во всех властных структурах, как Временного правительства, так и Советов и вообще, где можно. Денег на контакты не жалеть, потому что сегодня не знаешь, что тебе может пригодиться в будущем. Накапливать любые данные, которые нам

могут быть на пользу, снять несколько квартир для всяких нужд в разных концах города. И самое главное, что происходит в Царском Селе! Фиксировать письменно все события. Ребята поняли все без лишних слов и не задали ни одного вопроса. В заключение я дал им номер счета в банке и пароль, а также адрес квартиры, где лежали наличные средства на всякий экстренный случай.

Отпустив их, я посмотрел на часы: было уже начало двенадцатого. Я решил пропустить обязательный чай, который подавался здесь в двенадцать часов по английской традиции, а просто посидеть в тишине и отдохнуть внутренне. Это очень сложная задача. Даже если мы расслабляемся физически, то наше внутреннее состояние привести в соответствие с физическим бывает тяжело. Обязательно нас постоянно точит какой-то червь сомнения, какая-то мысль, которая не дает нам покоя. Бывает, ее порой трудно уловить, и мы, тщетно напрягая лоб и свое внутреннее состояние, пытаемся разобраться, чего же мы хотим, чего же мы не спим. Порой бывает, что вот – все нашел, сбалансировал, выяснил и теперь можно расслабиться, но нет! Через некоторое время к нам внезапно приходит что-то новое, которое пугает нас или требует разрешения. Поэтому внутреннее расслабление – это целая наука. Необходимо правильно расположить себя по отношению к окружению, где вы хотите это сделать. Надо расслабить не только организм, но и мысли, замедлить их бурное течение, сделать так, чтобы они мягко омывали ваше

внутреннее сознание, убаюкивая и укачивая, словно на лодке, плавно колышущейся в воде, увитой гирляндой цветов с неземным ароматом. Это просто один из образов, который можно себе представить. А их в принципе большое количество. Здесь главное – поймать гармонию, гармонию не только души и тела, но гармонию Вселенной, которая вечно призывает нас быть с ней в единстве, а мы все пытаемся сопротивляться и придумываем всякие гадости, которые, наоборот, отдаляют нас от этого.

Как бы то ни было мне надо было сбалансировать свое внутреннее состояние. И я занялся этой проблемой, присев на скамейку возле сказочно красивого пруда, где плавала пара белых лебедей. Именно глядя на них, я через белый цвет, как символ чистоты, сумел найти подход к себе и внутренне уединиться, выбросив оттуда всю негативную энергию, которая скопилась во мне в результате действий извне, да что греха таить – и своих действий, и мыслей тоже. Мне это удалось, и когда я, собравшись, единым вздохом выбросил все наружу, то лебеди испуганно бросились прочь от меня, клекоча возмущенно что-то на своем языке. Проведя эту процедуру, я почувствовал облегчение. И мир как бы изменился вокруг, стал добрее, и солнышко стало светить ярче, и воздух стал чище. Естественно, такое самолечение несет положительный эффект, что не раз я испытал на себе. Со стороны, если наблюдать за мной, можно было увидеть, что я сидел молча в течение около часа, как бы наслаждаясь окружа-

ющей природой. Единственное, что выдавало, что я сидел не просто так – это вращение зрачков и мимика лица, которые реагировали на мое внутреннее состояние. Встав со скамейки, я извинился перед лебедями, которые накручивали круги подальше от меня, и направился во дворец.

В два часа подали обед, состоявший из десяти блюд. Больше всего мне понравился луковый суп и отличная отбивная, приправленная зеленью с жареной картошкой. Все было в сборе и мило болтали, запивая мясные деликатесы великолепным крымским вином. Гарольд все так же был без ума от графини и рассказывал с юмором о тех приключениях, которые ему недавно пришлось пережить. Естественно, это все приукрашивалось, отдельные детали ретушировались, и на свет появлялась совершенно новая версия происходивших событий. Графиня охала и ахала, махая платочком в интересных местах, порой закрывая от ужаса глаза. Я сидел и подыгрывал Гарольду, помогая ему произвести достойное впечатление на даму. Судя по поведению графини, это нам удавалось. Допив бокал вина после третьей перемены блюд, я извинился и, поцеловав графине ручку, вышел из гостиной. Обед занял два часа. Время близилось к вечеру, а мне нужно было собрать свои вещи. Их было не очень много, и я быстро справился с этой задачей.

Особых дел больше не наблюдалось и я пошел к управляющему с тем, чтобы оговорить дальнейшие наши действия по отъезду. Он только что отобедал в своем кабинете и сидел,

попивая белое терпкое вино с виноградников имения. Предложив мне сесть, он налил полный фужер и, подняв свой на уровень глаз, произнес:

– Люблю это вино, в нем такой букет и непревзойденный аромат. Этот сорт винограда граф в свое время привез из Италии. Трудно он приживался здесь. Долго не могли подобрать технологию, но когда приноровились, то дело пошло на лад. Используем его для внутреннего потребления, хотя желающих среди гурманов из высшего света – хоть отбавляй. Когда приезжают в гости, то требуют это вино. А оказалось все просто, надо было дать винограду чуть повянуть на солнце, и тогда он дает отличное вино. Но то, что вы пьете, отличается от того, которое мы подаем гостям. Этого делается еще меньше, потому, что технология его приготовления очень необычная. Когда мы собираем этот виноград, то не сразу его давим, а пару дней держим в холодном подвале, чтобы законсервировать то, что дало ему солнце. Ну а затем выносим во двор, высыпая в дубовые кадки, и девушки, я подчеркиваю, девушки, а не женщины и не пресс, давят его три дня подряд, ну а потом обычные процедуры. И оказывается, недаром говорят, что иное вино очень сильно бьет в голову, почти как молодая девушка. Вот то, что вы сейчас пьете, выдержано пять лет, есть и более старые, но мы их держим для особых случаев, так что не обессудьте.

Заинтригованный, я взял бокал, повертел в нем вино и понюхал. Букет был необычен. Затем я сделал пару малень-

ких глотков, наблюдая, как вино постепенно входит в меня. Вкус был изумительный, и описать его довольно сложно. Но главное то, что это вино давало тебе сразу те живительные силы, которые так необходимы нашему организму. Недаром с древности хорошее вино считалось лекарством, и древние греки и римляне всегда его имели при себе. Если человек уставал или у него снижался тонус, то только вино, в разумных пределах, ставило его на ноги.

– Да, – сказал я, продолжая смаковать вино, – вы меня приятно удивили. Чувствуется, как оно сразу поднимает тонус, вот так бы в этой сырой Англии сидеть возле камина и попивать такое вино, прелесть!

– Я вам презентую несколько бутылок и вдобавок еще нашу особую водку. Тут у нас в Крыму каждый помещик имеет свой рецепт приготовления этого традиционного напитка. Так вот, наш рецепт будет почище шотландского виски и смирновской водки. Вы потом меня вспомните.

И он громко позвал слугу, который отвечал за винные подвалы. Отдав ему распоряжение доставить в мою комнату эти презенты, он вернулся к разговору.

– Изменений никаких нет в вашем расписании?

– Нет, все как запланировали.

– Графиня уже почти готова, остались кое-какие детали, ну вы знаете, как всякая женщина, она по двадцать раз перебирает то, что ей надо взять, а что оставить, а потом вспоминает, что она забыла что-то, и начинает перебирать опять.

Но это все мелочи. И как мы определились, мы будем готовы к девяти часам.

– Я знал, что вы человек слова и на вас можно будет положиться, – отвесил я ему комплимент.

И это было действительно так. Мы мило поболтали с ним пару часов, и я отправился готовиться к отъезду.

Нас ждет туманный Альбион

В назначенное время все отъезжающие собрались на пирсе. Чарльз Гарольд попыхивал трубкой, графиня уютно устроилась в плетеном кресле, кутаясь в шерстяную шаль оринбургской работы, и я, вглядывающийся вдаль, ища признаки приближения обещанной нам лодки. Но пока все было тихо. На море поднялся легкий бриз, заметно увеличились волны, которые стали более беспорядочно биться о причал. Контрольное время было на исходе.

Неужели что-то опять случилось? Эта мысль все настойчивее стала посещать меня. Наконец, где-то без двадцати минут десять со стороны моря послышался легкий гул, который затем перешел в характерное тарахтение бензинового мотора, и без пяти десять уже знакомый нам катер причалил к пирсу. Матрос, ловко соскочив с него, примайновал к причалу и перебросил на него трап, по которому сошел мичман и, представившись, извинился за опоздание и пригласил нас на борт. Первой вошла графиня, поддерживаемая матроса-

ми, затем погрузился со своими вещами Гарольд и, наконец, дошла очередь до меня. Попрощавшись с управляющим и обнявшись с ребятами, я взошел на борт мотобота, и он, сделав разворот, направился в открытое море.

Нас разместили в каюте, где мы просидели около часа. Наконец двигатель мотобота замолк, и он остановился, покачиваясь на все увеличивающихся волнах. Нас пригласили на выход. Для графини спустили лебедку, на которой была приделана скамейка, бережно усадили туда ее и подняли на палубу. Нам же с Гарольдом пришлось добираться туда по плетенному веревочному трапу, спущенному сверху по борту корабля. Затем подняли мотобот. На палубе нам представился командир корабля и его помощник. Они пожелали нам приятной поездки и после небольшого отдыха пригласили нас с Гарольдом в кают-компанию. По морской традиции, женщин туда не пускают, поэтому извинившись перед графиней, он предложил отужинать ей в своей каюте.

Вообще необходимо отметить, что все моряки независимо от национальности очень настороженно относятся к женщине на корабле, тем более здесь, учитывая английские традиции.

Затем при помощи стюарда нас разместили по каютам. Мне попалась довольно миленькая и уютная, несмотря на габариты. Здесь кроме откидывающейся кровати был приставной столик и умывальник, то есть все, что необходимо. Не успел я распаковать свои вещи, как на корабле проби-

ли склянки, затем заиграла боцманская дудка, перебиваемая топотом башмаков, и минут через десять корабль, вздрогнув, потихоньку двинулся вперед. Начался новый этап путешествия навстречу поставленной передо мною цели.

Где-то через час в каюту постучали. Это был стюард, пришедший сопроводить меня в кают-компанию. Открыв дверь и пропустив меня туда, он сразу ретировался, а я остался стоять в небольшом помещении, где за круглым столом сидели офицеры корабля и Чарльз Гарольд. Увидев меня, капитан корабля встал, подошел ко мне и, дружески приобняв за плечи, произнес:

– Господа офицеры, разрешите представить вам поручика Потемкина, который, скажем так, выполняет деликатную миссию на нашем корабле, а мы указом Его Королевского Величества призваны содействовать ему в этом. Я надеюсь, что больше рассказывать не надо, сэр Гарольд уже дал исчерпывающую характеристику этому молодому дарованию. Так что прошу любить и жаловать, – и он указал мне на свободное место, рядом со старшим помощником.

Подождав пока я размещусь и передо мной поставят прибор, капитан привстал и заявил:

– А теперь, господин поручик, разрешите мне представить вам офицеров корабля «Кардифф», – и стал называть их по званию.

Каждый офицер вставал и молча наклонял голову, глядя на меня. Я был приятно удивлен элитным офицерским со-

ставом этого корабля. Здесь были и сэры, и лорды, и даже пэры, прямые потомки знаменитой английской аристократии, которые решили посвятить свою жизнь королевскому флоту. Когда представление закончилось, капитан подал знак и стюарды разнесли присутствующим толстые стаканы, на четверть заполненные виски. Капитан встал:

– Я предлагаю выпить за присутствующего здесь со стороны наших союзников молодого офицера знатного рода, который доказал верность идеалам чести, дружбы и взаимопомощи не на словах, но и на деле.

И с этими словами он отпил из стакана глоток виски. Остальные последовали его примеру. Я тоже пригубил и убедился, что виски был отменного качества. Это послужило сигналом к тому, что стюарды начали накладывать в тарелки присутствующим закуску.

Второй тост по старшинству произнес старший помощник капитана, который предложил выпить за победу над общим врагом. Это не встретило возражений, и стаканы достаточно заметно опустели. Перед третьим тостом, который был предоставлен сэру Гарольду, стюарты быстренько долили стаканы. Он также прошелся по некоторым чертам моего характера и высказал уверенность, что моя миссия закончится успехом на благо наших двух стран.

Затем очередь дошла до всех желающих высказаться. К счастью таких много не оказалось, и постепенно все перешли к дружеской беседе, запивая свои разговоры крепким виски.

Это дружеское застолье продолжалось часа два. За это время я успел перезнакомиться почти со всеми и получить кучу приглашений на ужин или обед, или посетить родовой замок по приезде в Англию.

Наконец капитан встал, что послужило командой к окончанию ужина. Все встали и, пожелав друг другу спокойной ночи, удалились из кают-компания. Чарльз вышел вместе с капитаном, а я, пожав руки присутствовавшим, отправился в свою каюту, перед этим спустившись в трюм и в присутствии дежурного офицера проверив пломбы на грузе. Вроде все было в порядке. Можно было и немного вздремнуть, тем более, что дорога до Англии займет не один день. С этими мыслями я под мерный плеск волн потихоньку заснул.

В Черном море ничего не приключилось, все шло в штатном режиме. Так же спокойно прошли и через канал, поглазев с борта корабля на турецкий берег, и затем вышли на океанский простор. Здесь крейсер прибавил скорость, и корабль, зарываясь своим носом в гуляющие волны, резво пошел вперед.

На палубу лишний раз не хотелось выходить, слишком уж она качалась, а волны своими брызгами пытались достать тебя и как можно быстрее окатить ледяной водой. Так что время мы проводили то в кают-компаниях, то в гостях друг у друга, то по разрешению капитана на капитанском мостике, наблюдая за игрой волн. А они резвились, как хотели, порой накрывая весь корабль и пропуская его через себя. Иной раз

становилось страшновато от этой игры, и внутренности подкатывали к самому горлу, пытаясь порой вырваться наружу.

Графиня совсем занемогла, отказывалась есть, и постоянно делала примочки, которые снимали с нее напряжение. А мы с Гарольдом лечились отменным шотландским виски и порой ромом, который также был отличного качества. Мы с ним сошлись достаточно близко, и он намекнул, что является доверенным лицом очень высоких государственных лиц. Именно такое длительное общение начинает вызывать доверие, когда человеку бывает просто необходимо разрядиться, оторваться от повседневности, что он и делает доверительно, а особенно со стаканом спиртного в руках, порой рассказывая довольно интересные вещи. И как бы вы ни контролировали себя, все равно есть предел и этому. И вы волею или неволею сбалтываете некоторые вещи, о которых было бы лучше молчать.

Я намотал это себе на ус и решил подождать результата. Это было сказано специально или ненароком. Отсюда, соответственно, вытекали и мои действия, ведь самое трудное для человека – это ждать. Надо научиться ждать. Это не каждому дано. Мы порой пытаемся форсировать события, а они, хотим мы этого или не хотим, имеют свой ритм и последовательность. И когда мы вмешиваемся непрофессионально в это действие, то не способствуем улучшению, а наоборот, ухудшаем сложившуюся ситуацию. Так и здесь: я решил подождать, во что это выльется. У меня в Англии было к кому

обратиться за помощью и поддержкой на достаточно высоком уровне.

Наконец наступил день, когда капитан объявил, что до Англии осталось дня три хода. Штормовая погода прекратилась, и наш корабль прибавил ходу, плывя в сопровождении трех других кораблей, которые присоединились к нам в районе Севастополя. Мы вышли на палубу полюбоваться закатом, когда огромное багровое солнце начало медленно садиться за горизонтом, как бы окунаясь в океан, чтобы завтра возродиться с другой стороны. Дул свежий морской ветер, соленый на вкус и пытающийся найти щель в твоей одежде, чтобы играя залезть туда и своими холодными руками пощекотать твое тело. Пришлось накинуть шинель и застегнуть ее на все пуговицы. Графиня также смотрела в компании с Гарольдом на закат, кутаясь в меховое манто из шиншиллы. Они вполголоса беседовали о чем-то. Чудесный вечер подходил к концу, и пора было отправляться спать.

Я повернулся в сторону входа, решив оставить парочку наедине, и в одиночестве стал спускаться в каюту, как раздался звук тревоги. Его подхватили боцманские дудки, и через какое-то время десятки матросов выскочили на палубу, занимая там места согласно боевому расписанию. Напуганные этим действием, мои друзья быстренько подбежали ко мне и стали очень ловко спускаться в свои каюты, спрашивая, что могло такое случиться. Я не мог сказать им ничего вразумительного и порекомендовал закрыться в каюте и ти-

хонечко сидеть там. Графиня взвыла и вцепилась в Гарольда, умоляя его не оставлять ее одну в каюте и побыть с ней, пока все не успокоится. Естественно, он не смог отказать даме, и они пошли вниз.

Я же решил выяснить, что происходит, и, заметив офицера, задал ему этот вопрос.

– Видите ли, сэр, замечен перископ немецкой подводной лодки, поэтому объявлена боевая тревога. Эти лодки обычно пасутся возле нашего берега, поджидая транспортные корабли и пуская их на дно. Сейчас нам необходимо засечь ее координаты и не дать атаковать себя.

В этот момент раздался крик матроса, стоявшего по левому борту. Он заметил пенный след, который несся наперекрест нашему кораблю. Это была торпеда. Капитан сумел положить корабль в крен, и она буквально в миллиметре проскочила мимо нас. Следом шла вторая торпеда, времени на маневр не было, и тогда капитан отдал приказ открыть по ней огонь. От прямого попадания снаряда она взорвалась метрах в двадцати от корабля, обдав нас каскадом брызг. Ее осколки пробарабанили по броне линкора, но никакого ущерба не нанесли. Третьей торпеды по какой-то причине не было, а впередсмотрящий заметил перископ и сообщил об этом капитану. И хотя лодка попыталась срочно уйти под воду, на нее сразу накинулись корабли сопровождения, которые оказались над ней буквально через пять минут. Они встали друг за другом и начали баранжировать это место, сбрасывая туда

глубинные бомбы, которые, взрываясь на дне, выбрасывали наверх кучу ила и грязи. Так продолжалось около часа.

Наконец все затихло, и мы стали ждать результата. Постепенно вода приобрела нормальный цвет, и на ее поверхности появились масляные пятна и какие-то мелкие предметы, бескозырки. Матросы спустили шлюпку, чтобы рассмотреть все это поближе. Когда на палубу подняли все собранные на поверхности воды предметы, то на матросской бескозырке увидели надпись «Бремен». Как мне сказали офицеры, это свидетельствовало о том, что подводная лодка прекратила свое существование. Казалось бы, все завершилось благополучно, но меня долго мучил вопрос: случайно ли из всех кораблей подводная лодка для своей атаки выбрала наш?

Я спустился вниз, чтобы сообщить моим спутникам, что все закончилось благополучно и опасность миновала. Постучавшись, я вошел в каюту и увидел живописную картину: графиня лежала в обмороке на кровати, а Гарольд бегал вокруг нее и ставил примочки. Везде плавал запах нашатырного спирта и лекарств. Я помог Чарльзу привести графиню в порядок, затем налил из стоящей рядом бутылки виски и заставил ее выпить. Она залпом осилила этот напиток и, широко раскрыв глаза, стала кашлять. Когда кашель прошел, на ее щеках стал появляться румянец и она срочно потребовала зеркало. Мы с Гарольдом поняли, что все пошло на лад, и, извинившись оставили ее одну заниматься своим внешним видом.

Вкратце рассказав Гарольду о происшествии, я откланялся и пошел к себе в каюту, чтобы сменить свой гардероб, который промок во время военных действий. Пришлось вместо мундира надевать гимнастерку, а мокрое платье и шинель я, вызвав стюарда и отдав их ему, попросил привести в порядок. Мне не хотелось ни думать, ни анализировать эту череду событий. Я и так понимал, что они на этом не закончатся, будет еще что-то такое, чего я сейчас еще не могу себе представить. Главное для меня на данный момент – доставить груз по назначению. Только сдав его с рук на руки, я могу идти дальше и уже что-то прогнозировать и предпринимать из того арсенала действий, которыми я располагаю. С этими мыслями я завалился спать и, на удивление, сразу уснул.

Остальные дни прошли, как ни странно, спокойно. Графиня оправилась от своего шока и не расставалась с Гарольдом. Они регулярно совершали моционы на палубе, к которым изредка присоединялся и я. Буквально через два дня на горизонте показался материк туманного Альбиона. И правда, туманного, так как стал моросить дождь, и все покрылось какой-то дымкой.

Английские страдания

Часа через четыре наш крейсер пришвартовался к причалу главного порта острова. На землю спустили широкий

трап, по которому на корабль взошли представители портовых служб, пограничники, таможенники. Они проверили у нас документы и, осмотрев трюмы корабля и соответствующие документы сопровождения, в том числе личное распоряжение короля, вежливо откланялись и удалились, разрешив нам спуститься вниз.

Гарольда уже ждало авто. Он погрузил туда свои вещи и галантно предложил графине доставить ее на место. Она благосклонно согласилась, и он, подав ей ручку, усадил в авто. Затем подошел ко мне, и мы договорились с ним о встрече завтра в одиннадцать часов в его офисе на Ломбард стрит. Крепко пожав друг другу руки, мы расстались.

В это время подошел офицер королевской гвардии, которому было поручено принять и сопровождать груз. Он представился и предъявил свои полномочия, подписанные в канцелярии короля. Мы поднялись с ним на корабль, сверили в трюме груз по описи и дали команду на разгрузку. К трапу корабля подъехали три грузовых автомобиля в сопровождении охраны. Заработали лебедки, и наши ящики медленно стали подниматься из трюма вверх и загружаться в автомобили, в кузовах которых стояли матросы. В течение часа погрузка была закончена, и мы медленно поехали к пропускному пункту. Здесь контролеры, проверив документы, открыли ворота, и мы выехали в город.

Я ехал в пассажирском автомобиле рядом с офицером. Моросил мелкий дождь, и ящики пришлось прикрыть бре-

зентом, по которому стекала вода. Путь наш лежал в Букингемский дворец, где мы должны были складировать ящики в подвале и опечатать помещение, где они будут храниться. Вечерело, и моросящий дождь, и спускающиеся сумерки окутывали нашу поездку какой-то непонятной аурой, которая заставляла меня быть настороже. Я искоса наблюдал за офицером и водителем, но никаких подозрительных моментов не обнаружил. Водитель лихо крутил баранку, пробираясь среди кэбов, а офицер сидел с непроницаемым лицом, выражая полное безразличие к происходящему.

Наконец мы подъехали к большим кованым воротам, ведущим во дворец. По бокам ворот стояли гвардейцы в мохнатых шапках с оружием на плече. Вышедший дежурный офицер, проверив наши документы и осмотрев машины, дал команду открыть ворота и заезжать во дворец. Машины медленно стали выруливать на неширокую дорожку, покрытую гравием. Минут через десять мы подъехали к северному крылу дворца. Здесь находился запасной вход для всяких надобностей. Он уже был открыт, и нас ожидала здесь команда из десяти солдат королевской гвардии. Отделившись от них, к нам подошел пожилой человек, одетый в придворный сюртук, и представился лордом Бекгхейном, хранителем королевской печати. Ему было поручено принять груз и опечатать помещение, отведенное под его хранение.

Офицер дал команду, и солдаты быстро начали разгружать машины. Ящики спускали по небольшой лестнице, ве-

душей в подвал. В конце коридора находилась специально оборудованная комната с железной дверью. Лорд Бекгхейн стоял возле двери, считал ящики и проверял печати на каждом из них, отмечая все это в своей описи. Ящики складировали друг на друга таким образом, чтобы можно было прочитать порядковый номер и в случае необходимости быстро найти нужный. Наконец был занесен последний ящик.

Лорд отпустил команду солдат, и мы с ним вдвоем еще раз прошли по описи, пересчитав все ящики, и расписались в ней. Затем он выключил свет и закрыл металлическую дверь на два замка и опечатал ее сургучной печатью, которую достал из мешочка красной замши, висевшего у него на шее. Затем мы прошли по коридору до выхода из подвала. Он также в моем присутствии закрыл его и, проделав ту же процедуру, опечатал. После этого мы поднялись по лестнице наверх и через анфиладу комнат и галерей пришли в его кабинет. Лорд взял лежащую у него на столе небольшую коробочку из орехового дерева, молча сложил туда ключи от подвала, закрыл ее и тоже опечатал. Также, не говоря ни слова, он подошел к небольшой картине, висевшей сзади его рабочего стола, и нажал там какую-то кнопку. Картина медленно отъехала в сторону, и в стене показалась металлическая дверь сейфа. Он открыл сейф и положил туда ключи. Затем, совершив обратную процедуру, вернул картину на место.

Повернувшись ко мне, лорд торжественным голосом заявил:

– Сэр, вы как представитель российского императора Николая II присутствовали и явились участником процедуры передачи на временное хранение его личных вещей. Согласно договоренности, теперь доступ к ним имеют только члены императорской семьи и, в случае крайней необходимости, вы в присутствии одного из членов королевской семьи Великобритании. Если вы согласны со всем сказанным здесь, то прошу подписать вот этот акт в двух экземплярах, один из которых остается у вас и будет являться основанием для доступа к вещам, а другой – в канцелярии Его Величества.

– С удовольствием, сэр, – ответил я и подписал документы.

Один из актов был вложен в небольшой круглый футляр и передан мне, второй, такой же, отправлен в сейф, после чего мы, молча кивнув друг другу, расстались.

К выходу из дворца меня препроводил слуга, которого лорд вызвал, позвонив в колокольчик, стоящий у него на письменном столе.

Было около девяти вечера, дождь молотил по-прежнему, и если бы не зонтик, любезно предоставленный мне слугой, я бы вымок до нитки. Пройдя немного вдоль ограды дворца, я поймал свободный кэб и отправился на квартиру военного атташе нашего посольства. Я не хотел, чтобы меня видели в посольстве, так как там тоже шло разделение между служащими, и неизвестно, кто какую сторону принял и как это может отразиться на моей миссии. А атташе был человек во-

енный, проверенный, и у меня была с ним предварительная договоренность о такой встрече.

Вообще генерал-лейтенант Николай Сергеевич Ермолов был милейшей души человек. Служил в артиллерии и Генеральном штабе, награжден аннинским оружием и орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом. Имея за плечами большой жизненный опыт, он верой и правдой служил стране. Пробивал военные поставки, выбивал военные займы, набирал и формировал отряды добровольцев и их отправку на фронт, выступал перед англичанами с лекциями о ходе военных действий – одним словом, был на своем месте и пользовался уважением среди английского истеблишмента и Генерального штаба.

Жил он на Бейкен стрит, где снимал квартиру со своей семьей. Дорога от Букингемского дворца до его дома заняла минут сорок. За это время, несмотря на поднятую крышу кэба, я успел намокнуть, так как дождь начал лить по косо́й, пытаюсь достать не только мои ноги, но и все остальные части тела. Как я ни изворачивался, результат был один и тот же, поэтому я вздохнул с облегчением, когда кэб остановился.

Я расплатился за доставку и выпрыгнул из кэба в лужу, которая плескалась прямо перед ступеньками дома. Поднявшись по ним, я с правой стороны двери нащупал звонок и стал вертеть его ручку. Послышался негромкий мелодичный звон и через некоторое время мужской голос на английском языке спросил, что мне надо.

– К господину Ермолову, – ответил я на русском языке, – с оказией из Петрограда.

За дверью завозились, зазвенели ключи и дверь приоткрылась, выпустив пожилого человека в домашнем халате, который, прищурившись, смотрел на меня. Минуты через три на его лице пошел процесс узнавания, и еще минуты через две он распростер руки со словами:

– Владимир, какими судьбами? – и начал обнимать меня, затаскивая в дом.

Не сильно сопротивляясь, я зашагал за ним в прихожую и скромно остановился, боясь наследить мокрыми ногами. Он без разговоров усадил меня в кресло, подал сухие комнатные тапочки и приказал переобуться, что я и сделал с удовольствием. Затем он закричал в комнату:

– Машенька, Машенька, поди сюда, милая!

На пороге гостиной появилась моложавая женщина со спицами в руках. Увидя меня, она мило улыбнулась и командовала мужу, чтобы он быстро провел меня в комнату и дал возможность переодеться, а то я не привык к этой чисто английской погоде и могу запросто схлопотать насморк.

Ее команда была немедленно выполнена и я очутился в небольшой комнатке, где стояла кровать, стол, стул и шифоньер для вещей, то есть в гостевой комнате. Оставив меня передеваться, хозяин выскочил из комнаты, многозначительно мне подмигнув.

Я переделся в сухое платье, которое мне любезно предо-

ставили, и, присев на стул, решил немножко отдохнуть. Позволив себе расслабиться, я одновременно пытался оценить окружающую обстановку. За дверью раздавался звон тарелок и ножей, очевидно, срочно, в связи с моим приездом накрывали на стол. За окном слышался монотонный шум дождя, порой прерываемый барабанным боем капель, которые он вместе с ветром бросал на стекла. Чувствовалось, что обстановка была обыденной, привычной для этого дома, и он соответственно и реагировал на это. Вроде бы никаких неожиданностей не намечалось. Старинные английские дома по традиции всегда почему-то очень тонко чувствуют эти вещи. И если в не столь отдаленной перспективе что-то намечалось, то дом уже заранее готовился к этому: затихал или начинал тоскливо скрипеть половицами или деревянными лестничными пролетами, открывал и закрывал окна, или придумывал какие-нибудь другие вещи, словно призывая хозяев быть бдительными. Сейчас все было тихо и даже уютно. Значит можно спокойно отдохнуть и набраться сил.

Мои размышления прервал стук в дверь. Это милейший хозяин приглашал меня на поздний ужин в мою честь. В гостиной вовсю горел камин, от которого повсюду распространялся теплый воздух, создавая неповторимую атмосферу домашнего уюта. Здесь генерал представил меня своей супруге, чуть полноватой, но сохранившейся статной женщине, которая уже успела переодеться. Стол был накрыт в центре комнаты на трех человек. Меня посадили поближе к камину,

чтобы я мог как следует согреться, и пока служанка раскладывала закуски в тарелки, генерал встал, взял стеклянный рог, наполненный какой-то жидкостью, и сказал:

– Мой друг, перед тем как приступить к этому скромному ужину, позвольте по традиции я вам налью стакан грогу, который, как никакой другой напиток, приводит в нормальное состояние человека в такую погоду. Только грог творит с нами чудеса. И я специально приготовил его для вас.

Он хитро посмотрел на свою супругу и налил мне полстакана. Затем, взяв спички, поджег и, когда огонь разгорелся, он протянул мне стакан и заставил все это выпить залпом. Со стороны, наверное, это выглядело впечатляюще. Я, словно огнепоклонник, пил горящий напиток, и сгустки пламени вылетали из моего рта при каждом глотке. Когда я поставил стакан на стол, внутри меня все горело и одновременно согревало мои замерзшие от холодного дождя внутренности. Мария Михайловна даже заплодировала.

– Bravo, bravo, Владимир, еще никто так оригинально не пил у нас грог. Это запомнится надолго. А теперь быстренько закусите.

И она стала мне подкладывать в тарелку разные деликатесы. Я почувствовал, что действительно проголодался, и без стеснения налег на еду. Разговор наш за ужином крутился в основном вокруг тех событий, которые происходили на родине. Когда подошло время кофе, Мария Михайловна извинилась и оставила нас одних. Мы подошли к стоящему ря-

дом чайному столику, где уже дымился кофе, и генерал, раскурив трубку, пригласил меня за стол.

– Видите ли, здесь положение у нашей военной миссии довольно сложное. Из-за безвластия у нас в стране англичане заморозили все наши счета, на которые мы опирались в своей работе, даже добровольные пожертвования. А тут еще большевики пришли к власти и требуют все отдать им.

– Как большевики, – искренне изумился я, – а Временное правительство?

– А нет его, они его арестовали! И начали заигрывать с немцами. А вы знаете, какое здесь отношение к немцам. Даже английский король убрал из своей родословной все немецкие корни и оформил все это указом. Хотя все они ближайшие родственники: и он, и наш император, и германский кайзер. Так что можно сказать, война идет между братьями, знаете, как в детстве, только тут похлеще и посерьезнее будет. Так вот, у меня куча желающих – и наших офицеров, и англичан – отправиться на фронт, а денег нет, потому что англичане с недоверием относятся к большевикам. А они прислали мне бумагу о том, что я смещен с должности военного атташе и предан военно-революционному трибуналу за противодействие Советской власти. Тогда мы от имени русской колонии и правительственных учреждений и посольства приняли резолюцию о том, что не признаем их власти и остаемся верными своим союзникам и продолжаем участвовать в войне на их стороне. Вот посмотри, она опу-

ликована даже в газете, – и он положил передо мной газету «Таймс». – Сейчас мы переориентировались на поддержку белого движения в России, и англичане обещают нам приоткрыть счета, но обстановка здесь напряженная. Большевики активизировали свою деятельность под руководством Литвинова и ведут агитацию среди нижних чинов и офицеров, поэтому тебе надо быть очень осторожным. В посольство лучше не ходи. Там тоже идет брожение. Кроме того, большевики усиленно ищут царские капиталы с тем, чтобы вроде бы вернуть их трудовому народу. Завтра подбери где-то квартиру и переседи там тихонько, пока не уладишь все формальности.

Он наклонился, достал бутылку рома и разлил в стоявшие на столе стаканчики.

– Ну, давай, за твои успехи, чтобы у тебя все получилось, – и мы выпили этот обжигающий напиток, запив его крепким кофе.

Так поговорив еще минут двадцать, мы, пожелав друг другу спокойной ночи, расстались.

Рано утром я, проглотив чисто английский завтрак, овсянку с чаем, поймал кэб и отправился в центр Лондона, чтобы приобрести себе приличное платье и не вышагивать по Лондону в мундире. Дождик, ливший целую ночь, уже ушел на отдых, оставив после себя умытые мостовые и мокрые фасады домов. Они мелькали передо мной, порой обрызгивая сверху оставшимися каплями дождя, выводя нас из длинных

улиц на городской простор.

Вскоре кэб остановился перед сверкающими зеркалами витринами магазинов, в окнах которых пялились манекены, разодетые в пух и прах. Здесь были и солидные розовощекие джентльмены, и худощавые денди, одетые в твидовые пиджаки и опирающиеся на трости с наборными набалдашниками. Глаза разбегались от обилия предлагаемых товаров и череды магазинов, зазывающих к себе покупателей различными способами.

Отпустив кэб, я прошелся вдоль этой красоты и, выбрав магазин средней руки, вошел в него. Ко мне сразу подскочил дежурный клерк и осведомился, что я хотел бы приобрести. Я не скрыл от него своих желаний, и он повел меня на второй этаж, где располагались ряды необходимого мне товара. Мне важно было соблюсти пропорцию, учитывая возможные встречи, которые были запланированы. Ведь недаром говорят, что встречают по одежке. Моя одежда должна была произвести впечатление джентльмена средней руки с претензией на перспективу. Именно так выглядит средняя английская молодежь, за исключением отдельных эмансипированных личностей. Ну, например, как лорд Хулигейн. Поэтому я очень придирчиво стал выбирать одежду. То мне не подходила расцветка, то сюртук был узковат, то брюки не соответствовали той длине, которую я хотел бы носить. Ко мне сразу приставили двух молодых продавщиц, и с их помощью дело пошло веселее.

В течение двух часов мы подобрали три костюма: один серый в крапинку, один черный с жилеткой и один сборный, состоящий из твидового пиджака и серых плотных брюк. К ним пришлось по совету девушек приобрести дюжину рубашек, носовых платков, носков, три пары штиблетов и туфель и другой мелочи на разные случаи жизни. Я сразу переоделся в гражданскую одежду, а мундир попросил упаковать вместе с купленными мной вещами. В заключение я выбрал себе трость с массивным серебряным набалдашником, которую можно было в случае необходимости использовать как оружие. Попросив вызвать кэб, я погрузил все свои покупки и отправился в дом к атташе.

Хозяев дома не было, они ушли каждый по своим делам. Распаковав и повесив в шифоньер вещи, я надел серый костюм и приготовился к встрече с Чарльзом Гарольдом для окончательного нотариального завершения наших дел. Достав знаменитый царский брегет, я опустил его в специальный карман жилета, а серебряную цепь с ангелочками выпустил наружу. Часы показывали начало одиннадцатого. Учитывая английскую пунктуальность, я как раз по времени должен был отправляться на встречу. Накинув пальто и взяв трость, я пошел к парадному выходу, но буквально у самых дверей передумал и вышел через запасной выход, который выводил на небольшую улочку. И, как оказалось, моя интуиция сработала не зря. Возле дома атташе крутились какие-то две непонятные личности, поглядывая на окна и парадные

двери. У меня не было времени выяснять с ними отношения, и я, выйдя на основную улицу, поймал экипаж и поехал на встречу.

Ровно в одиннадцать я вошел в офис Гарольда. Он ждал меня в присутствии адвоката и нотариуса. Увидя меня в гражданской одежде, он был немного удивлен и даже обрадован.

– Ну наконец-то вы приобрели нормальный вид, – сказал он, пожимая мне руку. – Вы становитесь истинным англичанином, – продолжил он, намекая не только на мою одежду, но и пунктуальность, которую проявил я. – Разрешите вам представить присутствующих джентльменов, – и он подвел меня к первому из них, невысокому, полноватому человеку с длинными бакенбардами. – Это королевский нотариус сэр Ричард Блокхем, а это наш адвокат сэр Дэвид Стоун, которые будут оформлять и свидетельствовать ваши документы. Перед тем, как мы поедем оформлять их в Центральный банк Англии, не будете ли вы так любезны предъявить нам ваши официальные полномочия, заключенные в известном вам предмете?

Я сразу понял, о чем идет речь, и вытащив из кармана брегет, передал его Гарольду. Он поднял его вверх, показал присутствующим, повернул обратной стороной и открыл заднюю крышку, где был выбит серийный номер. Адвокат достал из кармана миниатюрную лупу часовщика и, водрузив ее на глаз, стал внимательно его рассматривать, поворачивая

часы из стороны в сторону. Затем сняв лупу, удовлетворенно кивнул и уступил место нотариусу. Тот вытащил из нагрудного кармана маленькую фигурку серебряного ангелочка и, приподняв два дугих, висевших на серебряной цепочке от часов, легким движением соединил их вместе, образовав оригинальную композицию. Внимательно посмотрев на свою работу, он также кивнул одобрительно, подтверждая подлинность часов.

Наблюдавший за их действиями Гарольд, взяв часы и повернувшись ко мне, торжественным голосом заявил:

– Ваши полномочия официально подтверждены и приняты. Эти часы останутся в банке как вещественное доказательство и в случае необходимости могут быть предъявлены.

Затем он аккуратно переложил их в замшевый футляр и спрятал в карман.

– А сейчас мы составим соответствующий акт и поедем в банк, чтобы вы вступили в права распорядителя банковских счетов согласно поручению.

Акт, как оказалось, был уже подготовлен заранее. Мы расписались в нем, и нотариус заверил это все своей печатью. Оригинал он отдал мне, а копию оставил у себя. После этого, одевшись, мы вышли на улицу, где нас ждало авто. Нотариус уселся рядом с водителем, крупным молодым человеком, очевидно, выполняющим обязанности не только водителя, а остальные устроились сзади. Водитель крикнул сигнальной грушей, висевшей у него спереди, зазевавшемуся прохожему

и мы поехали в банк.

Здание банка производило впечатление мощи и богатства. Обрамленное на входе огромными, уходящими в поднебесье колоннами, оно было призвано продемонстрировать вечность и незыблемость английского фунта стерлингов и всей английской финансовой системы. При входе в это здание человека охватывал восторг от тех возможностей, которые открывались перед ним, если он имел счет в банке. А банк гарантировал ему эти возможности, подпитывая их своими процентами и соответствующими обязательствами.

Пройдя мимо колонн, мы через крутящуюся стеклянную дверь попали в огромный залитый ярким светом холл. Он шел с огромной куполообразной крыши, прозрачные стекла которой, казалось, смотрели прямо на нас. Слева находился большой операционный зал, где толпилась куча народа, а справа – широкая, покрытая ковром лестница, ведущая на второй этаж. Гарольд уверенно повел всю нашу компанию по этой лестнице, что-то буркнув охраннику, стоящему у входа на лестницу. Тот почтительно поклонился, пропуская нас вперед. Мы поднялись на второй этаж за Гарольдом и повернули налево, пропуская мимо ряд широких дубовых дверей, пока не остановились перед одной из них, на которой висела табличка «Управляющий». Гарольд моментально скрылся за дверью, и буквально минут через пять нас пригласили вовнутрь. Когда мы вошли в кабинет управляющего, он в окружении еще двоих человек стоял возле письменного сто-

ла, наблюдая за тем, как мы входим. Я вошел первым, а за мной все остальные. Когда мы остановились перед хозяевами, Гарольд представил нас друг другу. Обменявшись рукопожатиями, мы были приглашены за стол переговоров, который находился рядом.

Когда все расселись, Гарольд встал и заявил:

– Джентльмены, мы подошли к заключительной процедуре оформления прав владения, которую начали в моем офисе. Сейчас в присутствии этих джентльменов, – и он указал на управляющего и его помощников, – и с их помощью мы оформим соответствующие документы, и господин Потемкин вступит в право наследования. Готовы ли вы, господин Потемкин, предъявить этим джентльменам документ, дающий вам право вступить во временное наследование и распоряжение всем тем, что оговорено было ранее в соответствующих документах?

– Да, – ответил я и, встав, вынул из папки только что подписанный акт и передал его управляющему.

Он внимательно прочитал его, осмотрел подписи и печати и передал своим подчиненным. Те в свою очередь проделали ту же процедуру и подтвердили его подлинность. Тогда управляющий встал и сказал:

– Джентльмены, мы подтверждаем подлинность документа в вашем присутствии и приглашаем господина Потемкина подписать соответствующие бумаги.

И с этими словами он пригласил присутствующих подой-

ти к письменному столу, где лежали готовые для подписи документы. Ознакомившись с ними, я поставил свою подпись, затем расписался Гарольд, а после него управляющий, скрепив это все своей печатью. После этого они поздравили меня и вручили один экземпляр доверенности. Я от всей души поблагодарил их, и мы, откланявшись, вышли из кабинета управляющего к его заместителю, где мне был представлен реестр всего того, чем я мог распоряжаться. А он был достаточно внушителен. После этого меня препроводили к индивидуальным сейфам, находящимся в глубоком подвале. Там я открыл абонентский ящик и положил на хранение и доверенность и акт приема груза в королевском дворце. Оставив в банке образец своей подписи и получив, кроме наличных, чековую книжку, я в сопровождении моих новых знакомых вышел на улицу.

Было прохладно, и поэтому хорошо дышалось, а время неумолимо приближало нас к хорошему ужину, тем более, что Гарольд многозначительно посматривал на меня. Поняв его взгляд, я приостановил моих спутников и предложил им отметить это знаменательное событие в ресторане.

– Может быть, в пабе? – произнес нотариус.

– Нет, в ресторане, – поддержал меня Гарольд и сразу добавил, – я предлагаю в «Rules», я думаю нашему гостю будет интересно посмотреть на то место, куда наш король Эдуард VII любил водить своих многочисленных подружек. Конечно, в комнате для любовных утех мы не сможем поужи-

нать, но посмотреть на нее не запрещается. Может, наш молодой друг когда-нибудь воспользуется этой рекомендацией, тем более, что и кухня там отменная, ведь короли у нас не едят где-попало.

Все рассмеялись, и вопрос выбора был решен.

Мы сели в авто и поехали в ресторан. Он находился в типично британском доме с ролетами на окнах и цветочным фасадом. Зал представлял что-то среднее между пабом и рестораном. Все здесь было размеренно и чинно. Народ сидел, потягивал пиво или виски, склонившись над стаканом, налитым на три четверти. Нам нашли свободный столик, и мы, разместившись, сделали заказ. Гарольд при этом посоветовал заказать мне чисто английское блюдо – ромовый пудинг, и я решил рискнуть. Когда официант отошел, Гарольд, придвинувшись ко мне, доверительно сказал:

– Знаете, Владимир, я очень сильно переживал. Ведь большевики через своего представителя здесь, как вы думаете, с чего начали? Да, именно с этого, стали требовать, чтобы мы отдали им деньги вашего царя. Оказывается, это самое главное для них. А вы знаете, что многие из них имеют свои счета в банках Америки, у нас, во Франции, и там лежат отнюдь не копейки. Поэтому очень хорошо, что мы успели с вами оформить документы. Кстати, не знаете, что слышно об императоре и его семье?

– К сожалению, не располагаю никакой информацией об этом. Сижу как на иголках. Если Временное правительство

хоть как-то можно было просчитывать, то большевики просто непредсказуемы. У них, как вы знаете, свои понятия и свои законы. Поэтому я очень сильно переживаю за судьбу моих подопечных и хотел бы как можно скорее выехать в Россию.

– Полностью разделяю ваши чувства, – ответил Гарольд. – Но пока вам придется здесь задержаться, чтобы проделать определенные формальности.

– Что за формальности? – спросил я.

– Да так, ничего особенного, все в рамках этикета. А кстати, где вы остановились?

– Пока у военного атташе, но хотел бы поинтересоваться, где можно снять квартиру в тихом месте.

– О, понимаю вас, я думаю, что смогу вам помочь.

– Буду признателен, – ответил я, – и чем быстрее, тем лучше.

Он понимающе кивнул мне головой и повернулся в сторону подходящего официанта, который толкал перед собой тележку с нашим заказом. Из выпивки мы заказали, как всегда, старое доброе шотландское виски, к которому мои компаньоны были равнодушны. Мы отдали дань шотландской традиции и навалились на сочное мясо с брокколи, которое так и таяло во рту. Ужин был настолько отменный, что пришлось заказать вторую бутылку виски. Когда она подходила к концу, принесли десерт, в том числе и мой ромовый пудинг. Его вкус в сочетании с виски превзошел все мои ожи-

дания. И я, кажется, начал понимать, что такое английский вкус.

Довольные ужином и друг, другом мы, в буквальном смысле, вывалились на улицу. Здесь было свежо и прохладно. Стоявший рядом Гарольд, придерживая меня рукой, спросил:

– Вы хотите сейчас снять дом или можно потерпеть можно до утра?

– Чем раньше, тем лучше, – ответил я.

Гарольд понимающе кивнул головой и сказал:

– Тогда мы сначала развезем этих джентльменов, а затем поедем подыскивать вам дом. Я знаю несколько мест, где это можно сделать.

– Спасибо, – ответил я. – Кстати, как поживает графиня, у нее все в порядке?

– У нее все прекрасно, я отвез ее к родственникам по английской линии, они были очень рады ее приезду. И она приглашает вас нанести ей визит в любое удобное для вас время. Давайте решим наши первостепенные вопросы и потом посетим даму.

– Не возражаю, – ответил я.

Наконец, надышавшись, мы уселись в авто и поехали развозить по домам наших компаньонов. Это заняло у нас около часа.

Высадив последнего компаньона, мы развернулись и поехали в сторону Уиндмил Лейна, где у Гарольда на примете

было два приличных дома. Один из них был очень уж старый и находился на затемненной стороне улицы. Поэтому я сразу отказался от него, так как наладить контакт с таким домом очень сложно. Ведь не зря англичане говорят: «Мой дом, моя крепость». Второй дом был поновее, очень веселеньким, с небольшим зеленым двориком и, что важно, вторым выходом в проходящий сзади дома переулок.

На наше счастье, консьержка оказалась на месте, убирая комнаты от пыли. Открыв нам дверь, нисколько не удивляясь, она озвучила суммы аренды, которые выставили хозяйева, и любезно разрешила осмотреть дом. Пока Гарольд беседовал с консьержкой, я тихонечко отошел от них и прислушался. Дом словно замер, в предверии для него чего-то нового, что исходило от меня. Я почувствовал его настороженное любопытство и попросил разрешения познакомиться. Не получив отказа, я стал потихоньку обходить комнаты, давая им положительную оценку.

Дом состоял из семи комнат, размещенных в двух уровнях. Кроме стандартного камина в спальне имелась своя отопительная система, что было большим плюсом при лондонской сырой погоде. Очень понравился кабинет, обшитый дубовыми панелями и выставленными напоказ книгами в старинных переплетах. Окна везде были очень высоких размеров в ажурной рамке, что способствовало более интенсивному прохождению сумрачного лондонского света в квартиру. Постепенно у меня установился контакт с домом и он не воз-

ражал, чтобы я поселился здесь.

Приняв решение, я вынул чековую книжку и выписал годовую сумму аренды, сказав, что я остаюсь сегодня здесь. Довольная консьержка взяла чек, и отдав мне ключи, откланялась. За ней вслед откланялся и Гарольд. Поблагодарив его за содействие, я закрыл дверь и пошел спать. Раздевшись, я нырнул на двухспальную кровать и утонул в перине. Не успев даже пожелать себе спокойной ночи, я умчался в сумрачную даль.

Спал без сновидений. Утром во весь рост встала проблема завтрака. В холодной кладовке для продуктов было пусто. Пришлось одеваться и тащиться в кафе, благо, оно было на соседней улице. Заказав кофе и яичницу с беконом, я решил немножко расслабиться перед тем, как приступить к дальнейшим активным действиям. Яичница, как и кофе, были превосходны. Но как ни фантазируй, а действительность берет свое и, не спрашивая твоего согласия, нагло ставит тебя на место. Естественно, мне пришлось капитулировать и, расплатившись за завтрак, я пошел к ближайшему телефону, чтобы позвонить атташе. Он сразу взял трубку. За время моего отсутствия ничего экстраординарного не произошло. Он, естественно, волновался, не получив никаких известий от меня. Что касается слезки, то она началась буквально со вчерашнего дня. Люди меняются, замечен ряд личностей, которые мелькали в торговом представительстве Советов. Что касается меня, то мы решили, что я не буду при-

ходить к ним, будем держать связь по телефону. А мои личные вещи служанка принесет в прачечную, как грязное белье, часов в одиннадцать утра, и я там их заберу. Она меня знает, и я ее тоже. На том и порешили.

До встречи со служанкой оставалось полтора часа и я решил использовать их для того, чтобы пополнить свои продуктовые запасы. Поймав кэб, я проехал по продуктовым лавкам на Ковент Гарден и накупил кучу различной снеди, не забыв и о шотландском виски. Выгрузив все это у себя дома, я тем же экипажем поехал на встречу. Оставив кэб на соседней улице и велев ждать, я через черный ход мимо полуголых прачек, горячего пара и детворы прошел в приемное отделение и присел в уголке. Ровно в назначенное время здесь появилась служанка атташе, которая при помощи конюха втащила два больших тюка белья. Убедившись, что за ней никто не наблюдает, я подошел к ней и помог поднести белье к приемному окну. Узнав меня, она засмушалась и глазами показала на второй тюк, в который были завернуты мои вещи. Я потихоньку изъясил их оттуда и тем же путем вернулся к своему экипажу, который и примчал меня домой.

Дома я разжег камин, нарезал себе на тарелку всякой всячины и, поставив бутылку виски, решил подумать о перспективе. В целом, моя миссия здесь была завершена. Я бы с удовольствием отправился домой, но меня сдерживали намеки Гарольда, что со мной захочет встретиться король. Когда это произойдет, никто не знает, не наше это дело звонить в кан-

целярию короля и спрашивать «А когда Его Королевское Величество изволят нас принять...». Поэтому надо сидеть и просто ждать.

Но просто ждать – это так утомительно! Надо что-то делать такое, что должно в будущем помочь положительно решить или облегчить участь царской семьи. Что я могу в этом плане предпринять? Только то, что само идет ко мне в руки, а именно установить более доверительные отношения с теми людьми, которые очень сильно влияют на формирование политической линии Англии. Нужно готовить мнение о том, что приезд Романовых в Англию – это благо для нее. Он демонстрирует верность родственным связям, поднимая авторитет английской короны, дает возможность по-новому оценить те события, которые происходят в мире, демонстрируя, что Англия была, есть и остается мировым лидером, к которому приковано внимание всех. Поэтому решено, я отправляюсь наносить визиты моим новым знакомым – морским офицерам, которые пригласили меня посетить их поместья.

Начал я с посещения родового дома одного из известных пэров Англии, где был представлен высшему свету и вынужден был подчиниться установленным здесь порядкам, был втянут в череду приглашений и посещений, разъезжая по всей Англии. Я участвовал в псовой охоте, конной охоте на лис, охоте на кабана. Мы кутили в старинных замках и отдыхали на природе, катались на лошадях и участвовали в скач-

ках. Чуждачкам английской аристократии не было предела.

Например, я гостил в поместье мичмана лорда Рокби. Он со смехом рассказывал мне историю своего дяди, который вдруг, ни с того ни с сего, ощутил себя не больше не меньше, как жабой. И стал проводить большую часть жизни в воде. Возле дома, на песчаном пляже он соорудил для себя специальное помещение, которое одной своей стороной находилось в воде. Вот там он и стал жить, плавая до тех пор, пока не терял сознание. И питался тоже в воде, с удовольствием поедая там жареную телячью ногу. Если это ему надоедало, то он по специально устроенным тропинкам поднимался к себе в поместье, по пути непрестанно попивая воду из специально устроенных фонтанчиков, а сзади его сопровождала шикарная карета. Возле поместья, в саду у него был выкопан огромный пруд, покрытый стеклянным куполом. И он с удовольствием плюхался туда, продолжая свой водный образ жизни. В картинной галерее предков висит его портрет. Он изображает мужчину средних лет с огромной пушистой бородой и бодрой улыбкой на лице.

А родственник лейтенанта лорда Норта, который после медового месяца с молодой женой-американкой погрузился в зимнюю спячку, длившуюся регулярно с октября по март месяц. Мотивировал он свое поведение тем, что это протест их рода по поводу потери ими колоний в Америке, и он не в праве его нарушать. Все это время он валялся в постели и питался там же, не вылезая из нее.

Меня везде воспринимали как экзотику. Все расспрашивали об императоре и выражали сочувствие и обещали сильную помощь в выполнении моей миссии. Эта выматывающая череда балов, маскарадов и запредельного отдыха продолжалась две недели. И когда я, вырвавшись от гостеприимных хозяев, попал домой, то первым делом прочитал письмо, которое скромно лежало одно единственное в моем почтовом ящике.

Встреча с королем

Письмо было от Гарольда, в котором он сообщал, что слышан о моих похождениях, и, очевидно, моя работа принесла определенные результаты, так как король изъявил желание встретиться со мной. Поэтому он просил в ближайшее время не отлучаться далеко от дома, так как должно будет последовать официальное приглашение на аудиенцию к королю. Естественно, аудиенция будет неофициальной, но разговор на ней пойдет об очень серьезных вещах.

Итак, очевидно, я в какой-то степени смог привлечь внимание английского короля на меня как представителя Романовых в его стране, и несмотря на ряд негативных моментов он все-таки, движимый родственными чувствами, решил встретиться со мной. Плохо другое, что на сегодняшний день я не владею ситуацией о том, что происходит с семьей Романовых в России и не смогу компетентно ответить на его во-

просы. Но, думаю, у короля достаточно возможностей, чтобы знать больше меня об этом.

И потянулись дни ожидания, во время которых я старался проводить большую часть времени дома, выскакивая лишь для того, чтобы купить газеты и узнать свежие новости. Периодически мы перезванивались с атташе, который был занят комплектацией офицеров-добровольцев и отправкой их в Россию для поддержки белого движения. Самое интересное, сообщил он, что очень много английских военнослужащих приходят с просьбой отправить их в Россию. И это находит поддержку у английского правительства. Такое времяпровождение продолжалось около недели.

Наконец в понедельник последовал звонок по телефону. Мой собеседник, представившись работником королевской канцелярии, осведомился, не буду ли я так любезен завтра в десять часов подойти туда для встречи с одной высокопоставленной особой. Естественно, я ответил согласием и стал готовиться к встрече.

Что я знал о Георге V? То, что он был провозглашен королем в 1911 году, в сложное для страны время. В начале войны он отказался от всех личных и семейных германских титулов и изменил название королевского дома с Саксен-Кобург-Готского на Виндзорский, служил на военно-морском флоте и имеет звание британского адмирала флота, страстный коллекционер марок, любит музыку и спорт, хотя редко бывает в театрах. Хороший семьянин. Практически не вме-

шивается в политику и управление государством, передав все это в руки премьер-министра.

Кроме того, я знал, что он питает очень сильные родственные чувства к Николаю II из за внешнего сходства и какого-то родства душ. Это было все немаловажно, но недостаточно для серьезного разговора. Он, естественно, в курсе дела, что багаж уже доставлен на место, и разговор наш, вполне вероятно, будет идти о царской семье. Знает ли он, какую роль в этом процессе играет янтарная комната? И повлияло ли на него то, что он, убрав формально все немецкие корни из своей фамилии, как бы вышел из-под ее влияния и стал проводить самостоятельную политику? Как это теперь отразится на судьбе императора? Поменяет ли король свое отрицательное решение или нет? На эти вопросы можно было дать ответ только после встречи.

Наконец настал день встречи. В назначенное время я был у проходной Букингемского дворца. Представившись дежурному гвардейскому офицеру, я подождал, пока он связался с канцелярией и оттуда пришел клерк в ливрее и провел меня туда. Заведующий канцелярией, когда мы остались одни, сообщил, что со мной изъявил желание встретиться Его Королевское Величество. Встреча неофициальная, поэтому будет проходить в одной из комнат дворца, куда меня проведут. Во время встречи не пожимать крепко руку королю, если он захочет поздороваться; четко отвечать на вопросы; называть Ваше Королевское Величество. На встрече будет при-

сутствовать личный секретарь короля. Его Величество хочет узнать как обстоят дела в России, какова судьба царской семьи и что уже сделано для ее освобождения. В свою очередь я ответил, что достаточно знаком с правилами дворцового этикета и готов следовать им неукоснительно. Это понравилось начальнику канцелярии, и он, посмотрев на часы, дал команду отвести меня на встречу.

Пройдя через ряд узких и широких с позолотой лестниц, великолепных залов, увешанных картинами знаменитостей, мы наконец очутились в одной из комнат дворца, на которую указал мой сопровождающий. Он завел меня туда и, пригласив подождать немного, удалился.

Встав немного в стороне от огромных резных дверей, я стал осматривать комнату. Напротив меня находились два огромных окна, как бы подпирающих парящий наверху лепной потолок. Он небрежно опустил вниз две больших хрустальных люстры, свет от которых играл на разлегшемся на всю комнату ковре ручной работы. Мебели было немного: в углу секретер из орехового дерева, а недалеко от зеркала диван викторианской эпохи и несколько кресел. На стене висел портрет королевы Виктории в молодом возрасте. Казалось, она снисходительно посматривала на меня, как бы прикидывая, что может получиться из этой встречи. Над каминном и под зеркалом стояла куча подсвечников оригинальной работы. А стены были покрыты позолотой в лепном исполнении. Комната имела законченный вид и располагала к се-

бе, как бы приглашая к серьезному разговору.

Наконец двери распахнулись и в комнату в сопровождении статного молодого человека стремительно вошел король. Я первоначально был шокирован и подумал, что мне навстречу движется неизвестно откуда взявшийся Николай II. До того они были похожи друг на друга не только внешне, но и манерами поведения. Правда, король был чуть повыше и покрупнее нашего царя.

Подойдя ко мне, он протянул руку для приветствия и после того, как я пожал ее, осторожно пригласил присесть в кресла возле дивана, положив руки на миниатюрный журнальный столик. Одет он был в темный костюм и белую накрахмаленную рубашку, на манжетах которой блестели золотые запонки.

– Как ваши дела, молодой человек, все вопросы вы смогли решить?

– Спасибо, Ваше Королевское Величество, благодаря вашей поддержке у меня все хорошо, в отличие от моего престола в России.

– Да, знаю, знаю, – нахмурился он. – Я глубоко переживаю за судьбу нашего августейшего брата. Но обстоятельства бывают выше нас. Вы понимаете, о чем я говорю, – и он вопросительно посмотрел на меня.

– Да, Ваше Королевское Величество.

– Именно этот вопрос я и хотел бы обсудить с вами.

– Я весь во внимании, – ответил я и вопросительно по-

смотрел ему в глаза.

У него были тревожные глаза, глаза человека, который испытывает боль. Разволновавшись, он встал, стал ходить возле столика и попытался мне изложить сложившуюся ситуацию.

– Понимаете, дело в том, что я в силу политической и экономической обстановки не могу официально принять у себя моего брата Николая и его семью. Но это не значит, что я не хочу их принять. Насколько возможно, я дал указание поддерживать всю семью, подчеркиваю, всю семью Романовых материально. Каждому из них постоянно выплачивается по 200 фунтов стерлингов. Я дал указание всем английским представительствам оказывать содействие царской семье и наконец подключил к этому военно-морской флот, чему вы являетесь свидетелем. Я надеялся, что Временное правительство вот-вот передаст царскую семью нам, а мы найдем куда ее пристроить. Но как вы знаете, ситуация резко изменилась, к власти пришли так называемые большевики, для которых не существует никаких правил. И царская семья исчезла из поля нашего зрения. В Царском Селе ее нет. Где она и что с ней случилось, никто не знает. Это очень волнует нас. Все наши официальные агенты в России сейчас пытаются выяснить, что произошло с царской семьей. Но до настоящего времени нет никаких результатов. Я подчеркиваю – никаких, ни хороших, ни плохих. И это становится страшным. Поэтому я рекомендовал бы вам как можно быстрее от-

правиться обратно и выяснить, что там случилось. Все представительства будут предупреждены о необходимости оказывать вам полное содействие. И, кроме того, мы даем вам в помощь нашего надежного специалиста, показавшего себя с самой лучшей стороны. Ричард вам представит его, – и он кивнул в сторону молодого человека, – надеюсь, вы поймете друг друга и сделаете все возможное и невозможное, чтобы наш горячо любимый брат был с нами.

– Так точно, Ваше Королевское Величество, я тронут вашей заботой о моем государе и готов хоть сейчас отправиться в Россию для выяснения обстоятельств.

– Вот и хорошо, – и король, протянув мне руку для прощания, молча удалился, оставив нас вдвоем с Ричардом.

Подойдя ко мне, он молча поклонился и, раскрыв свою папку, произнес:

– Нашего специалиста зовут Эдвард Боунд. Он работник одного из наших специальных организаций. Физически хорошо подготовлен, начитан, закончил Оксфорд, хорошо показал себя на Востоке и Балканах. В России не был ни разу.

– Вот это и плохо, – заметил я.

– Поэтому мы надеемся на вашу помощь и поддержку. Ведь цель у вас одна, а что касается способов ее достижения, то я думаю, вы решите это сообща. Вот его фотография, – и он передал мне плотный картон бумаги, на которой был изображен молодой брюнет с тонкими усиками, весьма привлекательный на вид.

– Он будет ждать вас завтра вечером в пабе «Ангел и корона». Вас он знает тоже по фотографии. После вашей встречи все организационные вопросы в Англии решайте через него.

Забрав у меня фотографию, он позвонил в колокольчик и, откланявшись, вышел из комнаты. Тотчас сюда вошел слуга и вывел меня из дворца, передав в руки гвардейцев, которые довели меня до проходной. Дойдя пешком до Гайд парка, я остановил там кэб и отправился домой.

Кто ты, Эдвард Боунд?

Итак, основной этап моей работы в Англии завершен. Мне теперь предстояло как можно быстрее выехать в Россию. Как добраться туда побыстрее? Только один путь – по морю, а что это будет – пассажирский пароход или военный корабль – мне все равно. Кроме того, меня волновало, найду ли я общий язык с Эдвардом, подойдем ли мы друг другу по характеру и взглядам на жизнь. Это немаловажно, ведь нам вдвоем решать надо будет очень сложные вопросы, от которых может зависеть будущее царской семьи. Как это выяснить? Есть очень много способов. Но и Эдвард, очевидно, также владеет, как и я, многими из них. Поэтому оставался только один, который, возможно, будет приемлем и для него – хорошо посидеть за кружкой пива. На определенной стадии это расслабляет и сближает, возникают общие точки соприкосновения, которые постепенно перерастают в общие

интересы. И я решил: будь что будет, но я буду искренен перед ним, надеюсь, и он ответит тем же.

На следующий день, приодевшись так, чтобы не бросаться в глаза, я приехал в паб минут за двадцать до назначенного времени. Над входом висела вывеска, изображавшая ангела, как бы осенявшего всех входящих сюда посетителей. Внутри обстановка была стандартная, правда, стойка бара, где разливали спиртное, была не в центре, а справа от входа. Те же дубовые панели и столы на несколько человек с деревянными стульями. Ничего такого, что оправдывало бы название паба, не было, даже аура была стандартной для таких заведений. Почему выбрали именно этот паб, я не понимал. Или здесь таится скрытый смысл будущего развития событий? И ангелы должны сыграть решающую роль в судьбе Российской короны? Или это только относится к Англии?

Я выбрал столик недалеко от входа так, чтобы я смог просматривать и вход, и зал и заказал себе стакан пива. Попивая его потихоньку, я рассматривал посетителей. Вон там за дальним столиком, поближе к стойке, скорее всего сидели завсегдатаи. Это было видно по их поведению и манере общения с хозяином паба. А вон там двое рабочих, которые заскочили сюда опрокинуть пару бокалов пива. Кстати, этот напиток сыграл большую роль в судьбе Лондона. Из-за избытка воды его постоянно подтапливало, но когда разрешили варить пиво, то этим занялись практически все жители города. Стали бурить скважины возле дома для добычи во-

ды. Это привело к тому, что от избытка воды Лондон медленно перешел к ее нехватке, пока не отрегулировали эту ситуацию специальными законами. Так что настоящий англичанин привык после работы не бежать домой сломя голову, а степенно приходиться в паб и наслаждаться любимым напитком. Кроме того, паб был кладезем новостей и слухов, которые приносил сюда каждый и считал своим долгом рассказать об этом соседу. Так рождались всякие небылицы, но порой были очень даже нужные сведения, поэтому в этих заведениях всегда следовало держать уши открытыми, что я и делал, попивая пиво. Однако пока ничего интересного не было. Обычный бытовой треп о жене, о детях, о мастере, о войне.

Пока моего визави не наблюдалось. Я перевел взгляд на большие деревянные часы, стоявшие напротив у стены, которые стали отбивать назначенные семь часов вечера. С последним их ударом, я ощутил, что за моим столиком кто-то сидит. Я не видел, как он зашел в паб, как он прошел мимо меня, но он это сделал и сидел, наблюдая за моей реакцией. Не выдавая своего удивления, я спросил:

– Пиво, виски, эль?

– Спасибо, – ответил он, отдавая должное моему поведению.

– Пожалуй, я начну с того же, что и вы, – и он заказал стакан черного пива.

Теперь я позволил себе медленно повернуться и мы вни-

мательно посмотрели друг на друга.

– Система йоги, отвлекающее и рассеянное внимание, пришлось изучить, будучи в Индии, иногда помогает, будет желание, научу паре приемов.

И он приподнял стакан пива и, кивнув мне, отпил пару глотков.

– Я слышал о вас, – продолжил он, – даже опекал негласно, когда вы с вашим императором были с визитом здесь.

– А я, к сожалению, ничего не слышал о вас, – ответил я и выпил за его здоровье.

Так, присматриваясь друг к другу, мы выпили по четыре стакана пива и перешли на виски. Вот здесь и пошел у нас серьезный разговор.

– Я рад, что буду работать вместе с вами, – сказал Эдвард. – И задача у нас очень серьезная. Поэтому я весь в вашем распоряжении, так как основную скрипку в этом оркестре (и он показал на нас двоих) будете играть вы.

– Согласен с вами, – ответил я, наливая по третьему стакану виски, – и поэтому по нашему обычаю давайте выпьем за успех.

И мы выпили до дна, поняв друг друга с полуслова.

– Учитывая то, что мы с вами нашли общий язык, детали нашего дальнейшего сотрудничества давайте обсудим завтра в другом месте.

– Чудесная мысль, – сказал Эдвард. – Вы женаты?

– Нет, ответил я, – как-то не пришлось, все работа да ра-

бота.

– Да и у меня были такие периоды, но потом моя Мери сказала: или я, или твоя работа без меня. И вот мне пришлось соединить эти две любимые стороны моей жизни. Теперь у меня и Мери, и работа. И, кроме того, еще такое чудо, как мой сын Джеймс. Фактурой весь в меня, зачитывается Шерлоком Холмсом и мечтает стать таким же «любителем острых ощущений», как и его отец. Учитывая, что завтра суббота, я приглашаю вас к себе домой. Проведем время, так сказать, в кругу семьи. Да и жене будет спокойнее, когда она будет знать, с кем я буду находиться в этой далекой и, по ее словам, непонятной России. Там и выберем время, чтобы наметить дальнейший план наших действий.

– Это чудное предложение, но мне право неудобно...

– И не вздумайте отказывать, а то поедете один в вашу «непонятную» страну, – сказал, шутя Эдвард.

На том и порешили, завершив нашу встречу очередной порцией виски. После этого Эдвард исчез «по-английски», не прощаясь, и я, оглядевшись по сторонам, также отправился в сторону дома. Выйдя на улицу, я взглянул на вывеску, раскачивающуюся от набежавшего ветра, и мне показалось, что ангел приветливо махнул мне крылом, как бы подбадривая и вселяя уверенность в завтрашнем дне.

Не скажу, чтобы утро было мне совсем в радость. Но тренированный организм быстро вошел в норму и после пары чашек крепкого кофе я почувствовал себя совсем хорошо.

Необходимо было подготовиться к встрече с семьей Эдварда. Надо было купить его супруге цветы, а маленькому Джеймсу что-нибудь из атрибутов сыщика. Цветы не проблема, а атрибуты – это вопрос. Поразмыслив, я решил купить ему большую лупу для изучения возможных следов на месте событий. Для этого я заехал в очковую лавку и удивился разнообразию очков и стеклянных изделий, выставленных там. Пришлось очень долго подбирать, пока я не остановился на оригинальной лупе средних размеров с ручкой из слоновой кости. Ее мне упаковали в специальную коробку и перевязали красной ленточкой. Затем я заехал в цветочный магазин и там мне сотворили шедевр из белых и красных роз, а своему новому другу я взял бутылку элитного шотландского виски, который поставляется к королевскому двору.

С этими подарками я ровно без пяти двенадцать остановился возле дома Эдварда и позвонил в дверь. Буквально через минуту она открылась, и моему взору предстал Эдвард в белой манишке без пиджака, из-за спины которого выглядывал его сын.

– Как добрались, Владимир? – спросил он, принимая от меня бутылку виски. – О превосходная вещь! – воскликнул он, глядя на этикетку, – и выдержка достаточно серьезная. А это мой сын, Джеймс, – продолжил он, вытаскивая из-за спины притаившегося мальчишку. – Поздоровайся с джентльменом.

Джеймс, переминаясь с ноги на ногу, протянул мне руку

и представился:

– Джеймс Боунд.

– Я слышал, что ты увлекаешься Шерлоком Холмсом и хочешь стать таким, как папа. Это похвальное стремление. И чтобы ты мог набираться опыта, вот тебе маленький подарок.

И я протянул ему коробку. Он робко взял ее и посмотрел на отца. Тот одобряюще кивнул ему, и тогда, набравшись решимости, Джеймс сорвал обертку и раскрыл коробку. Глянув вовнутрь, он на секунду замер. На его лице одновременно отражалась радость и восхищение, восторг и неверие в то, что эта вещь теперь принадлежит ему. А я должен сказать, что эта вещь была не из дешевых.

– Спасибо, сэр, – пролепетал он и, прижав коробку к груди, с криком «мама, мама», бросился в комнату.

– Ну что ж мы стоим, – сказал Эдвард, – позвольте я представлю вас моей жене, – и повел за собою в комнату.

Здесь возле стола хлопотала очень красивая молодая женщина, наводя последний лоск. Увидя нас, она мило улыбнулась и, приняв от меня букет, поразивший ее своей композицией, пригласила присесть на диван и выпить аперитива. Переглянувшись с Эдвардом, мы согласились и наполнили рюмки приятно пахнущей жидкостью. Оглядев стол, я понял, что мне предстоит много счастливых минут чревоугодия, так как на столе было очень много вкусной еды, от которой шел непередаваемый запах. А учитывая то, что я питался сухомятку, этот стол был для меня настоящим подарком.

Начали мы с тостов за здоровье венценосных фамилий, а затем перешли к своим. Джеймс бегал по гостиной с лупой в руках и пытался рассмотреть в приближенном варианте все, что можно и до чего он мог дотянуться, постоянно комментируя увиденное.

Вскоре, после очередной смены блюд, мы с Эдвардом присели за столик возле камина, на котором лежали разного рода курительные принадлежности. Эдвард взял в руки сигару и, разминая ее в руке, готовился раскурить. В это время к нему подскочил Джеймс и, со словами «Папа, покажи язык» ткнул его своей острой коленкой в пах промеж ног, наставив на лицо свою лупу. У Эдварда мгновенно перекошилось лицо, сигара выпала из рук, а рот открылся в немом крике и он начал съезжать на кресло.

Джеймс, не теряя присутствия духа, с криком «Ого, какой большой язык!» отскочил от отца и помчался дальше. Чтобы как-то облегчить положение Эдварда, я срочно налил ему в стакан виски, которое он залпом выпил. Обретя наконец возможность говорить, он пробурчал: «Ох, уж эти дети, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь». Затем, взглянув друг на друга, мы вместе расхохотались. Вошедшая Мери с недоумением смотрела на нас, не зная, то ли присоединиться к нам, то ли останавливать нас. Насмеявшись, мы отдали дань уважения кулинарному искусству Мери в виде рисового пудинга и решили обсудить наши грядущие дела.

По обоюдному согласию договорились добираться мор-

ским транспортом и по приезде на место действовать согласно обстановке. Выдавать себя будем за инженеров путей сообщений: я как действующий, а Эдвард как консультант. Это давало нам возможность пробираться в любые места страны, где действовали железные дороги или их намечали строить, то есть практически по всей России. Эдвард взял на себя обязательство выправить соответствующие документы, достать одежду и узнать, какой ближайший морской транспорт отправляется в Россию. Затем мы вернулись в гостиную. Здесь я распрощался с очаровательной супругой Эдварда и его сынишкой Джеймсом и отправился домой. Теперь мне оставалось просто ждать, когда колесо судьбы вновь завертит меня и покатит вперед в неизвестную даль. Одно утешало, что теперь со мной будет такой надежный партнер, как Эдвард Боунд.

Конец первой книги